

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Маслов Глеб Андреевич

**Взаимосвязь изменений технологических укладов и школ
экономической теории**

Специальность 08.00.01 — Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Бузгалин Александр Владимирович

Москва — 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Техничко-экономические факторы и их влияние на развитие экономической теории.....	14
1.1. Роль материальных условий в развитии экономической теории: к систематизации подходов	14
1.2. Концепции технико-экономического развития как инструмент изучения динамики экономической теории	22
1.3. Становление технологических укладов и развитие экономической теории: диалектика прямых и опосредованных взаимосвязей.....	27
Глава 2. Трансформации технологических укладов и динамика школ экономической теории: диалектика исторического и логического	46
2.1. Развитие рыночной системы как предпосылка господства классической политической экономии	46
2.2. Индустриальная экономика: маржиналистская революция	63
2.3. Позднеиндустриальный капитализм и информационная революция: особенности новейшего этапа эволюции экономической теории	90
Глава 3. Технологические трансформации и развитие экономической теории: потенциал практического использования, инструменты прогнозирования.....	119
3.1. Развитие экономической теории: интерпретация роли производительных сил.....	119
3.2. Потенциал прогнозирования эволюции экономической теории в эпоху шестого технологического уклада.....	136
Заключение	145
Список литературы.....	153

Введение

Актуальность темы исследования

Происходящие в экономике исторические смены технологических укладов, вызывающие значительные изменения во всей системе экономических отношений и институтов, меняют и объект исследования экономической теории. Под влиянием технологических сдвигов в экономике формируются новые проблемы и противоречия, что требует соответствующего внимания экономической теории, включая объяснение изменяющегося экономического устройства общества. Из этого следует высокая актуальность исследования взаимосвязи сдвигов в технологических основаниях рыночных систем с развитием основных направлений экономической теории.

Начало XXI века еще более актуализировало этот анализ. Противоречия, вызвавшие мировой экономический кризис 2007–2009 годов, до сих пор теоретически и практически не разрешены. Стали возникать новые явления, вызываемые развитием технологий шестого уклада, цифровизацией. В рамках господствующих ныне экономико-теоретических парадигм в современных условиях не всегда возможно раскрыть суть новых явлений и спрогнозировать перспективы социально-экономического развития. Тем самым новые технологические и экономические явления обуславливают необходимость адекватного перманентного развития всей совокупности экономической теории.

В данных условиях особую ценность приобретает обобщение исторического опыта взаимосвязи различных составляющих технико-экономических систем, с одной стороны, и доминирующих школ экономической теории — с другой. Актуализируется задача исследования динамики этого соотношения, соответствующих причинно-следственных связей, поиска и фиксации различных тенденций.

Степень научной разработанности проблемы

Исследования поставленного в диссертации вопроса — влияния технико-экономических факторов на развитие экономической теории —

непосредственным образом редко встречаются в литературе. Данная проблема затрагивается большинством теоретиков лишь косвенно, в контексте других, достаточно частных вопросов.

В то же время внимание к технологическим основам экономического развития и влиянию экономических отношений на развитие экономической теории было характерно для исследователей XIX века. В частности, К. Маркс применял историко-материалистический подход к анализу процесса становления классической политической экономии. Нужно отметить также работы Ш. Жида и Ш. Риста, которые подчеркивали неизбежность влияния реальности на экономиста-теоретика.

Продолжением материалистической трактовки основ эволюции экономической мысли стала советская исследовательская традиция (И. И. Рубин, И. Г. Блюмин, Ф. Я. Полянский). Однако вслед за Марксом также делался акцент преимущественно на роли производственных отношений. Кроме того, предметный охват не включил в себя новейшие явления в технологиях и экономике.

Для большинства западных ученых — «классиков» экономической мысли, как и для большинства их современных коллег, характерен акцент на сложности и многофакторности развития науки, хотя в отдельных исследованиях выделяются и некоторые магистральные направления эволюции экономической мысли. Так, М. Блауг рассматривал развитие последней под углом противоборства конкурирующих научно-исследовательских программ, а Й. Шумпетером выделялось условное противостояние теоретиков и практиков в контексте развития метода.

Отметим, что многие российские (В. С. Автономов, О. И. Ананьин, Г. Д. Гловели, А. А. Мальцев, М. Г. Покидченко, Л. А. Тутов, Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, И. Г. Чаплыгина) и западные (У. Барбер, Д. Коландер, Г. Ландрет, Т. Негиши, Л. Роббинс, Э. Скрепанти) исследователи выделяют в качестве важнейшей движущей силы развития экономической теории внутренние факторы. При этом следует подчеркнуть, что отечественные исследователи в

большей степени признают также и внешнее (по отношению к теории) влияние различных элементов экономических систем. Так, например, А. Г. Худокормов подчеркивает влияние волн цикла Кондратьева, а А. А. Мальцев уделяет значительное внимание «технико-экономическому ландшафту» как фактору развития теории.

Более широкий аспект исследовательской проблемы — влияние новых технологий на различные общественные процессы — в большинстве случаев рассматривается в работах представителей традиционного институционализма и футурологов (Д. Белл, У. Росту, Э. Тоффлер). Для них характерен широкий междисциплинарный подход. Вопросы связи технологических трансформаций с изменениями господствующих течений экономической теории при этом затрагиваются в малой степени, но проведенный данными авторами анализ социальных сдвигов послужил важным основанием для ряда выводов диссертации.

Значительное внимание теме технико-экономических трансформаций уделяется в работах отечественных представителей нового институционализма. В частности, проблему глобальных системных сдвигов экономики и потенциала их влияния на теорию рассматривают А. А. Аузан, Р. И. Капелюшников, В. М. Полтерович, А. Е. Шаститко. В их работах, однако, основное внимание уделяется экономико-правовым и социокультурным аспектам, но ряд сделанных авторами выводов, характеризующих изменения в институтах экономики, используются в соответствующих разделах диссертации.

Вопросы технико-экономического развития наиболее активно рассматриваются в концепциях К. Перес и С. Ю. Глазьева — Д. С. Львова. Авторы осуществляют детальную периодизацию технико-экономических стадий, которая при этом дополняет распространенное деление этапов на основе промышленных революций, но не противоречит ему. В их теориях также описываются механизмы влияния новых достижений науки и инженерной мысли на производственную сферу и всю экономику в целом. Этим же вопросам посвящены работы С. Д. Бодрунова. В то же время в публикациях указанных исследователей почти

не затрагиваются вопросы влияния технологических сдвигов на содержание экономической теории.

Проблемы фундаментальных экономических трансформаций, происходящих в условиях перехода к новым технологиям, освещаются и в исследованиях, развивающих традиции классической политической экономии. В России это направление представлено работами А. В. Бузгалина, М. И. Воейкова, Р. С. Дзарасова, А. И. Колганова, А. А. Пороховского, С. А. Толкачева, К. А. Хубиева, В. Н. Черковца. Сходный круг проблем поднимают и некоторые зарубежные исследователи, близкие к гетеродоксальному направлению. К их числу можно отнести таких известных ученых, как П. Кругман, Д. Милонакис, Т. Пикетти, Дж. Стиглиц, Б. Файн, К. Шваб.

В последнее время все более распространенными стали библиометрические исследования, где авторы стремятся выводить долгосрочные закономерности развития экономической мысли на основе исследования направлений публикационной активности. При этом стоит отметить высокую активность представителей континентальной Европы (Э. Айгнер, М. Айстляйтнер, Ф. Глётцль, И. Жингра, Д. Капеллер, Ф. Клевю, Ш. Штейнбергер¹).

Суммируя, можно сделать вывод, что в работах вышеуказанных авторов вопросы влияния технологических трансформаций на динамику господствующих школ экономической теории рассматриваются преимущественно косвенно, в контексте других проблем, что обуславливает относительно малую степень изученности основного вопроса диссертации.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — определить характер влияния различных элементов технологических укладов на формирование и распространение основных школ экономической теории.

Для достижения данной цели решаются следующие задачи:

1. В рамках историко-материалистического подхода раскрыть содержание причинно-следственных связей между развитием технологических

---

¹ Работы всех указанных в автореферате авторов приводятся в библиографии диссертации.

укладов, производственных отношений и доминированием различных течений экономической теории.

2. Определить потенциал использования историко-материалистического подхода при изучении влияния технико-экономических факторов на развитие экономической теории с опорой на традиции отечественной школы истории экономической мысли.

3. Выявить технико-экономические предпосылки наступления маржиналистской революции, связанные с завершением господства второго технологического уклада.

4. Раскрыть практический аспект реализации историко-материалистического подхода, связанный с технико-экономическими предпосылками изменений содержания и условий труда, которые вызывают обращение теории к данной проблеме.

5. Реализуя прогностический потенциал историко-материалистического подхода, осуществить прогноз влияния элементов шестого технологического уклада на формирование новых исследовательских задач экономической теории.

Объект и предмет исследования

Объект исследования — развитие составляющих технологических укладов ведущих стран во взаимосвязи с доминирующими школами экономической теории на протяжении второй половины XVIII — начала XXI веков.

Предметом диссертационного исследования является влияние элементов технологических укладов на формирование и распространение основных школ экономической теории.

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. На основе исследования основных изменений в доминирующих школах экономической теории второй половины XVIII — начала XXI веков конкретизирован историко-материалистический подход к выделению базисных детерминант развития экономической мысли. Показано, что технологическое развитие через смену технологических укладов оказывало перманентное влияние на формирование и распространение основных школ экономической теории.

2. Выявлены технико-экономические факторы наступления маржиналистской революции. Обосновано, что тенденция монополизации экономики, большее разнообразие производимых продуктов, а также географическое расширение индустриального капитализма способствовали закреплению в экономической теории категорий предельного анализа во второй половине XIX века. Данные технико-экономические трансформации, связанные с завершением господства второго технологического уклада, оказали опосредованное воздействие на последующее становление экономикса.

3. Обосновано, что исследование развития экономической теории с использованием историко-материалистического подхода в большей степени может опираться на традиции отечественной школы истории экономической мысли. Обращение отечественной школы к материальным факторам развития теории связано с влиянием марксистского наследия в научно-образовательной среде, а также с вниманием к специфическим чертам российской экономической системы.

4. Раскрыта практическая реализация историко-материалистического подхода, связанная с появлением капиталоемких индустриальных производств, внедрением конвейерной системы и последующим распространением информационных технологий, что вызывало необходимость теоретических исследований изменений содержания и условий труда.

5. Обосновано, что в процессе развития шестого технологического уклада такие его составляющие, как нано-, нейро-, аддитивные технологии, искусственный интеллект, формируют предпосылки становления и распространения новых теоретических концепций в рамках школ традиционного и нового институционализма (в частности, в области распространения сетевых отношений в сферах государственного и корпоративного планирования, внутрифирменного управления), что выступает примером реализации прогностического потенциала историко-материалистического подхода при исследовании развития экономической теории.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии материалистической интерпретации исторического движения экономической мысли. В частности, формирование и распространение ведущих направлений экономической теории второй половины XVIII — начала XXI веков связывается с изменениями технологических укладов. В диссертационном исследовании акцентируется внимание на продуктивных возможностях использования историко-материалистического подхода как дополнения к господствующим в настоящее время методологическим направлениям.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в обосновании наличия объективных детерминант развития экономической теории, что позволяет выделять наиболее продуктивные на определенном этапе технологического и экономического развития направления теоретического исследования хозяйственных практик. Это, в свою очередь, может служить инструментом поиска эффективной модели экономической политики в специфических условиях определенной технико-экономической системы (в том числе в России) при решении задачи активизации технологического развития.

Результаты исследования могут быть использованы при формировании учебно-методических комплексов дисциплин «История экономической мысли», «История и философия науки», «Политическая экономия», «Экономика как система».

Методы исследования

Исследование, осуществленное в данной работе, включает в себя широкое использование диалектического метода при рассмотрении динамических процессов. При выявлении закономерностей исторического движения применялись методы научной абстракции, анализа, синтеза, индукции. В работе активно используется системный подход, позволяющий выделить качественное единство различных элементов в рамках рассматриваемого объекта, что продолжает исследовательскую традицию политической экономии.

Информационная база исследования

Информационной базой исследования, раскрывающей динамику объективных технико-экономических показателей, стали такие работы, как «Кембриджская экономическая история Европы», журналы «European Review of Economic History», «Explorations in Economic History» и др., а также данные исследовательских институтов, ведущих работу в данном направлении. Кроме того, использовался широкий круг библиометрических исследований баз данных научных публикаций.

Положения, выносимые на защиту

1. Технологические трансформации, и в частности смены технологических укладов, являются важными факторами, перманентно влияющими на формирование и распространение основных школ экономической теории. Эта зависимость выступает конкретизацией возможностей историко-материалистического подхода при изучении развития экономической теории второй половины XVIII — начала XXI веков.

2. Монополизация экономики, большее разнообразие производимых продуктов, географическое расширение индустриального капитализма выступили одними из предпосылок маржиналистской революции, а также последующего закрепления экономикса в качестве господствующего направления экономической теории.

3. Применение историко-материалистического подхода при изучении развития экономической теории может в большей степени опираться на традиции отечественной школы истории экономической мысли.

4. Технологическое развитие, приведшее к появлению капиталоемких индустриальных производств, внедрению конвейерной системы, а в дальнейшем — к распространению информационных технологий, вызывало необходимость теоретических исследований изменений содержания и условий труда.

5. Нано-, нейро-, аддитивные технологии, искусственный интеллект, являющиеся элементами шестого технологического уклада, закладывают основы

для развития новых теоретических концепций в рамках школ традиционного и нового институционализма.

Степень достоверности результатов

Достоверность исследовательских результатов обеспечивается следующим:

1. Результаты научной работы получены на основе использования системного подхода, интегрирующего методы научной абстракции, анализа, синтеза, индукции.

2. Основой работы стали данные библиометрических исследований, статистические материалы, обобщение выводов исследовательских институтов, рассматривающих технологические, экономические трансформации рыночной экономики, а также развитие экономической теории.

3. Приводимые в диссертации положения отражены в публикациях в рецензируемых научных журналах и докладывались на международных научных конференциях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 08.00.01 — Экономическая теория.

Области исследования:

1. Общая экономическая теория: 1.1. Политическая экономия: структура и закономерности развития экономических отношений; воздействие новых технологических укладов на процессы формирования и функционирования экономических структур и институтов.

3. История экономической мысли.

Апробация результатов исследования

Научные результаты исследования были апробированы на различных международных и российских научных конгрессах и конференциях, в том числе на конференции «Развитие политико-экономической мысли в современной России» (Тамбов, 2015), II Международном конгрессе «Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию» (Москва, 2015), конференции «Молодая экономика: экономическая наука глазами молодых ученых» (Москва,

2015), II Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2016), VI международной научно-практической конференции «Россия в глобальной экономике: вызовы и институты развития» (Ростов-на-Дону, 2016), Международной конференции «Двигатели роста и траектории развития в глазах исследователей, политиков, населения» (Катания, Италия, 2016), Международной конференции «Политическая экономия: международные тенденции и национальные различия» (Лиссабон, Португалия, 2016), Международной конференции «Жизнь и смерть в России» (Хельсинки, Финляндия, 2016), III Международном конгрессе «Производство, наука и образование России: новые вызовы» (Москва, 2016), III Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2017), IV Всероссийском научно-практическом конгрессе «Производство, наука и образование в России: системный подход» (Москва, 2017), IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2018), XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2018), Международном Форуме «Маркс-XXI» (Москва, 2018), Международной конференции «Маркс в высокотехнологичной эре: глобализация, капитал и класс» (Кембридж, Великобритания, 2018), V Международном конгрессе «Производство, наука и образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации» (Москва, 2018), V Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2019), Пленарной конференции МАЭФ-2019 «Экономика как объект междисциплинарных исследований» (Москва, 2019), Международной конференции «Предвидение экономики будущего и будущего политической экономии» (Лилль, Франция, 2019).

Основные результаты исследования содержатся в 9 опубликованных работах в рецензируемых научных изданиях (общий объем — 6,5 п. л.). Среди них 4 статьи по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях, утвержденных Ученым Советом МГУ имени М. В. Ломоносова по экономическим специальностям.

Структура диссертации

Первая глава содержит систематизацию взглядов исследователей, касающихся вопросов эволюции экономической теории, а также концепций технико-экономического развития. В этой главе также раскрывается авторская методология, цель и задачи работы.

Во второй главе приводятся результаты обобщения исторического исследования, касающегося различных аспектов воздействия технико-экономических факторов на формирование и распространение теории. Она включает три параграфа, отражающих основные этапы развития экономической теории в их связи с изменениями технологических основ экономики.

В третьей главе приводится пример того, как изменение технологий обуславливает актуализацию определенных направлений теоретико-экономических исследований, а также обобщаются основные результаты исследования. В заключительном параграфе главы предложена прогностическая оценка возможного влияния шестого технологического уклада на будущее развитие экономической теории.

Глава 1. Техничко-экономические факторы и их влияние на развитие экономической теории

1.1. Роль материальных условий в развитии экономической теории: к систематизации подходов

Прежде чем начать собственное историческое исследование, необходимо обратиться к мнению ведущих историков и методологов экономической мысли о движущих силах эволюции основных направлений экономической теории, и в первую очередь о существовании объективных внешних факторов воздействия на теорию, сложившейся системы производственных отношений.

М. Блауг в качестве предпосылки смены господства теории отмечает соперничество научно-исследовательских программ. При этом новая теория становится актуальной в качестве политической программы, то есть она заведомо несет в себе нормативную составляющую — тем самым указывается на прямое воздействие экономической реальности на теорию².

Явное историческое соответствие становления теории и рожденных объективными факторами запросов общества отмечается в работе Ш. Жида и Ш. Риста: «Неоспоримо влияние экономической среды даже на самого отвлеченного экономиста, ибо она доставляет ему пищу для его размышлений и материал для его логических построений. Факты в каждый момент выдвигают перед теоретиком подлежащие разрешению проблемы, и они же в другой момент устраняют их с горизонта, и, таким образом, безусловно, эти проблемы меняются в зависимости от времени и места»³. Однако отмечается наличие и других факторов: подчеркивается роль внутреннего развития науки как особой сферы деятельности людей.

Й. Шумпетер указывает, что «сам по себе предмет этой науки [экономической. — *Прим. авт.*] представляет собой уникальный исторический процесс, и, таким образом, экономическая наука различных эпох занимается

---

² Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. 416 с.; Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело, 1994.

³ Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. — М.: Экономика, 1995 г. — 544 с. С. 7.

различными фактами и проблемами. Уже один этот факт способен вызвать повышенный интерес к истории экономических идей»⁴. Акцент в исследовании экономической мысли Й. Шумпетером делался на методе, так как экономическая наука, по его мнению, осуществляет прежде всего инструментальную функцию. Тем самым происходила абстракция от идеологической функции науки (факторы влияния философии также отходили на второй план), хотя не отрицалось, что экономисты изначально не в полной мере объективны. В качестве одного из главных внутринаучных противостояний выделялось соперничество «стратегов-теоретиков» и «тактиков-эмпириков». Бóльшая применимость одного из инструментов во многом определяется текущей экономической реальностью, во многом включающей в себя стабильность или нестабильность системы.

К. Маркс, в первую очередь в «Теориях прибавочной стоимости»⁵, прописывал историческую обусловленность тех или иных положений ведущих политэкономов своего времени и прошлых периодов, их, по мнению К. Маркса, ошибок и заслуг. Под исторической обусловленностью в значительной степени понимались и технико-экономические условия (хотя такой термин не применялся). Однако к годам написания работы длительность промышленной эры еще не была достаточно продолжительной, чтобы исторический материал можно было назвать масштабным.

Попыткой «продлить» и развить эту линию К. Маркса стало советское историографическое направление, одним из выразителей идей которого можно назвать учебник истории экономической мысли И. Г. Блюмина⁶. Отмечалось, что эволюция экономических теорий обусловлена трансформациями экономической системы, которая в свою очередь главным образом определяется развитием производительных сил. Меняющаяся реальность становится причиной изменений постановки экономических вопросов и приемов их решения. Кроме того,

---

⁴ Шумпетер Й. А. История экономического анализа: В 3 т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. – LVI + 494 с. С. 6–7.

⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26.

⁶ Блюмин И. Г. История экономических учений (очерки теории) / под ред. проф. Ф. Я. Полянского. – М.: Высшая школа, 1961. Безусловно, нельзя отрицать своего рода жанровую ограниченность учебника как полноценного выразителя идей автора, а также не очень большой предметный охват.

подчеркивается влияние среды на сознание ученого, то есть волей-неволей экономист строит свою теорию, будучи не совсем объективным, а находясь под воздействием занимаемого им определенного места в классовой структуре общества, являясь, таким образом, заложником своего классового сознания.

Крупный советский историк экономической мысли И. И. Рубин⁷ отмечает необходимость выявления исторического контекста при анализе формирования той или иной концепции (как в области экономической реальности, так и теории). При этом необходимо учитывать идеологическую составляющую теории в условиях классового противостояния.

Обратимся к некоторым работам видных российских и зарубежных авторов, анализирующих эволюцию экономической мысли и природу появления той или иной экономической школы в том числе в своих учебниках, используемых в ведущих российских и западных вузах в курсе «История экономических учений». Это позволит также отразить методологические основы преподавания данного предмета.

Прежде всего стоит отметить, что все авторы указывают на наличие условий возникновения теорий, лежащих в области экономической реальности. Роль личности исключать, конечно, нельзя, однако подчеркивается, что выбор предмета исследования согласуется с имеющимися актуальными экономическими проблемами, исходные предпосылки и выбираемый метод выглядят встроенными в условия объективной реальности.

В учебнике В. С. Автономова⁸ доказывается, что фактор коллективности, сокращения роли личности усиливается все больше за счет количественного увеличения ученых и усложнения структуры и взаимодействия внутри научного сообщества. Большое внимание коллективным структурам уделяется О. И. Ананьиним⁹.

---

⁷ Рубин И. И. История экономической мысли. – М.: Гос. Изд-во, 1929. – 380 с.

⁸ История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: Инфра-М, 2010. – 784 с. (Высшее образование).

⁹ Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.

Г. Д. Гловели в своем учебнике¹⁰ выделяет 5 шестидесятилетних интервалов, «образующих своего рода «длинные волны» методологических подходов»¹¹, начиная с физиократов. Можно сказать, что эти 5 волн накладываются на последовательно чередующиеся «удары» двух всегда противоборствовавших сторон: сторонников капиталистического рыночного саморегулирования и его критиков, если говорить упрощенно. 1-я волна включает в себя разработку концепции *laissez-faire*, становление либеральной политической экономики, затем возникает развитие социалистических направлений (на этот период приходится первый экономический кризис). 3-я волна начинается маржиналистской революцией. 4-я берет свой отсчет с появления кейнсианства, а заканчивается монетаризмом. Наконец, 5-я волна характеризуется критикой математизированности экономики. В последние годы маятник мировоззрения снова качается влево (особую роль сыграл, безусловно, экономический кризис).

В учебнике Г. Д. Гловели показывается изменение главенствующей методологии в экономической науке, что вкупе с изменяющимся предметом и исходными предпосылками влияет в конечном счете на итоговые выводы, предложения различных теорий. Основной вопрос же состоит в том, по каким законам меняются исходные пункты различных школ, можно ли, выявив эти законы, предсказать будущую эволюцию экономической теории?

Российские авторы (Г. Д. Гловели, В. С. Автономов, в меньшей степени учебник Г. Г. Фетисова¹²) делают акцент на высокой степени влияния (порой ключевой) общенаучных стандартов ведения исследований: формирующиеся в среде общенаучной картины мира идеалы методологического построения теории, языка науки, общей системы научного мировоззрения. Эти факторы обуславливают содержание теорий в отдельных науках, в частности в экономике. Особое влияние оказывают «науки-лидеры» в научной картине мира (физика,

---

¹⁰ История экономических учений: учеб. пособие для бакалавров / Г. Д. Гловели. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013. – 777 с. Серия: Учебники НИУ ВШЭ.

¹¹ Там же. С. 718.

¹² Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. IV. Век глобальных трансформаций. – М.: Мысль, 2004. Этот учебник написан группой авторов, для краткости в тексте будет упоминаться имя только Г. Г. Фетисова.

биология), также философия. Г. Г. Фетисов и В. С. Автономов подчеркивают также, что предмет изучения определяется степенью развития товарно-денежных отношений, формирующих актуальные задачи для их решения (ввиду этого имеет место постоянная ограниченность предмета у любой школы). В. С. Автономов кроме этого делает акцент на проблемах революций в экономической теории и пересмотре моделей поведения человека в экономике, что влечет за собой кардинальные изменения в теории¹³.

В учебнике М. Г. Покидченко и И. Г. Чаплыгиной¹⁴ приводится более строгая констатация исторической обусловленности возникновения теорий. Как главный фактор выступает хроническое отставание теории от практики: смена теорий неизбежна вследствие минимального количества универсальных законов, формируемых в теориях. Большинство законов хороши только для определенного времени, затем они устаревают. Меняются важнейшие экономические проблемы — меняются и школы с их особенными предметами. Однако периодически спираль истории возвращает общество к необходимости решения былых вопросов и происходит в том или ином виде реинкарнация «устаревших» теорий. Если говорить об общем тренде, то экономическая теория движется по пути конкретизации рассматриваемых объектов, переходя от объяснения природы явлений к описанию закономерностей их функционирования. Например, ранее классическая политическая экономия ставила как задачу «определение основных экономических понятий (цена, деньги, доходы, капитал и т. д.) и их систематизацию»¹⁵, в то время как маржинализм описывает взаимосвязь между этими категориями, складывающуюся на практике. Эти положения также указаны и в учебнике Г. Г. Фетисова.

Стоит выделить концепцию А. А. Мальцева¹⁶, которая имеет немало сходств с подходом, принятым в данной работе. В частности, им выделяется фактор

---

¹³ Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории (очерк истории западной экономической мысли). — М., 1993.

¹⁴ Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений: учеб. пособие. — М.: Инфра-М, 2010. — 271 с.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Мальцев А. А. История экономических учений в системе экономических наук: современность и перспективы: дисс. д-ра экон. наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 2017.

техничко-экономического ландшафта в качестве одного из источника объяснения направлений развития экономической мысли, востребованность в сближении экономической истории и истории экономической мысли, которому препятствует насаждаемый современной методологией мейнстрима позитивизм, изгнавший историю экономической мысли на научную периферию.

В рассмотренных западных работах по истории экономической мысли также говорится об обусловленности возникновения теорий определенной исторически сложившейся реальности, хотя акцент на этом делается существенно меньший. Учебник Л. Роббинса¹⁷ указывает на принципиальную важность роли «импорта» в экономическую теорию достижений философии, так же как и немецкий учебник¹⁸, в котором философии отведено не просто важное, а безусловно доминирующее место. Кроме того, в учебнике Л. Роббинса говорится о преемственности, плавной последовательности перехода традиций одной школы в другую в ответ на меняющуюся реальность.

Взгляд Т. Негиши¹⁹ можно назвать ярким примером интерпретации развития экономической мысли как прогрессивного движения от абстрактно сформулированных идей (не вписанных в строгие математические модели) к более конкретному и доказательному представлению подтвердивших свою правоту положений вкупе с получением все более полного знания. Тем самым наука развивается путем движения к истине за счет внутренних факторов развития, хотя практика способна подсказывать направления движения.

Абсолютной противоположностью концепции эволюционности движения экономической мысли выступает позиция Оксфордского учебника Э. Скрепанти²⁰, где прямо и емко говорится: «Мы не разделяем идею, что экономика — «дарвинистская» дисциплина, идею, которая утверждает, что последнее звено

---

¹⁷ Оформлен как сборник лекций автора в Лондонской школе экономики. A History of economic thought. The LSE lectures. Lionel Robbins. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels.

¹⁸ Dogmengeschichte als Geschichte der ökonomischen Vernunft. Rezension von: Karl Pribram, Geschichte des ökonomischen Denkens. 1998.

¹⁹ Негиши Т. История экономической теории: учебник / пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова и В. С. Автономова. – М.: Аспект Пресс, 1995.

²⁰ An outline of the history of economic thought. Second edition. Revised and Expanded. Ernesto Screpanti and Stefano Zamagni. Translated by David Field and Lynn Kirby. Oxford University press, 2005.

эволюционной цепи содержит все предыдущее развитие...»²¹. Авторы не отрицают наличия вообще какой-либо последовательной связи, но они не согласны с трактовкой общеупотребимого понятия эволюции экономической теории, не говоря уже об эволюционности, подразумеваемой в естественных науках. По мнению авторов, развитие теории меняется скачкообразно, порой революционно и абсолютно неожиданно. Как правило, причиной этих скачков становятся экономические кризисы. Кроме того, также указывается на важнейшую роль философии, в частности говорится о влиянии философских идей эпох Возрождения и Просвещения на становление экономических направлений. Также отмечается роль национальных, ментальных особенностей исследователя при создании той или иной теории.

Учебник У. Барбера²² выдвигает следующую мысль: исследовав фундаментальные вопросы, теория идет по пути конкретизации и рассмотрения частных и прикладных экономических вопросов. При этом рост инструментов познания делает процесс познания более детальным, что иногда позволяет находить «ошибки прошлого» и пересматривать ранее оставленные вопросы, корректируя предыдущие «ступени эволюции» экономической мысли.

М. Крагх, автор учебника Стокгольмской школы экономики²³, говорит о том, что по большому счету только около 200 лет назад экономика стала действительно самостоятельной наукой, реагирующей на «внутренние» причины собственной эволюции. 200 лет — не столь большой срок, чтобы можно было установить четкие закономерности ее развития и проложить дальнейший эволюционный тренд. Кроме того, как и в учебнике В. Автономова, подчеркивается текущее со временем преуменьшение роли личности в пользу менее оригинального, а более универсального «коллективного разума» научного сообщества.

---

²¹ An outline of the history of economic thought. Second edition. Revised and Expanded. Ernesto Screpanti and Stefano Zamagni. Translated by David Field and Lynn Kirby. Oxford University press, 2005. P. 27.

²² A history of economic thought. William J. Barber. Wesleyan University Press. Middletown, Connecticut, 2009.

²³ De ekonomiska idéernas historia. Martin Kragh. SNS Förlag. 2012.

Г. Ландрет и Д. Коландер²⁴ указывают на релятивистский и абсолютистский подходы к эволюции экономической теории, апеллирующие к внешним факторам (факторам влияния экономической реальности), воздействующим на теории, и внутренним источникам соответственно. Как отмечается, релятивизм доминировал до 1950-х, но затем абсолютистский подход «уравнялся» с ним. Сами авторы не считают себя сторонниками одного из подходов, а говорят о примерно равном воздействии обоих факторов, хотя в разные периоды времени воздействие одного из них может преобладать.

Подводя итог, можно с долей условности разделить взгляды исследователей на три группы. Предложенным критерием выступает отношение исследователей к фактору технико-экономической реальности (в какой степени этот фактор воздействует на формирование и распространение экономических теорий).

К первой группе можно отнести авторов, отдававших технико-экономическим условиям реальности одно из ведущих мест в вопросе эволюции теории (Ш. Жид, Ш. Рист, К. Маркс и последователи его традиции в СССР/России). Представители второй группы присваивают технологическим факторам практически минимальную значимость. Третью можно условно назвать «промежуточной», так как объективным условиям реальности (в широком смысле, куда, безусловно, входят и технологические компоненты) отдается существенное место в вопросе объяснения развития экономической теории, но явную доминирующую роль они не играют. Стоит отметить, что принадлежность ко второй или третьей группам максимально тесно связана с национальной принадлежностью: во вторую большей частью входят зарубежные исследователи, в третью — отечественные.

Западные авторы делают намного меньший акцент на материальных факторах развития экономической теории. Данное национальное различие, вероятно, можно объяснить, во-первых, наследием марксистской традиции в отечественной науке. В то же время западные исследователи исторически больше

---

²⁴ Landreth H., Colander D. History of economic thought. Houghton Mifflin, 2002. 511 p.

тяготеют к позитивистской методологии. Во-вторых, практика российской экономики зачастую наглядно демонстрирует отсутствие универсализма в рецептах экономической теории. Следовательно, это является мотивом большего внимания к особенностям конкретной экономической системы того или иного периода при выделении национальной специфики²⁵.

Таким образом, результаты проводимого в диссертации исследования в первую очередь интегрируются в марксистскую школу, а также в отечественную академическую среду. Можно сказать, что в целом остается широкий простор для последующего изучения развития экономической науки с позиций исторического материализма.

1.2. Концепции технико-экономического развития как инструмент изучения динамики экономической теории

Технико-экономические составляющие понимаются как господствующие виды технологий в единстве с производственной сферой экономической системы, в которой они применяются. Они имеют различную классификацию и периодизацию в различных концепциях, изучающих проблемы технологического развития.

Данные концепции, как правило, за определенную точку отсчета берут промышленную революцию. Это логичным образом объясняется масштабом тех последствий, которые связаны с наступлением индустриальной эры — следовательно, при выделении разных этапов на основе разных критериев неизбежно выделение данного исторического момента. Сам термин «промышленная революция», как считается, был введен французским политэкономом Ж. Бланки в середине XIX века, дав основу для последующего введения в оборот понятий второй, третьей и четвертой промышленных революций.

---

²⁵ Исторический опыт свидетельствует о важности использования зарубежных достижений теории, но с необходимостью учета национальной специфики. См., в частности, Покидченко М.Г. Экономическая политика России: историко-институциональные детерминанты // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 3. – С. 7-17

Председатель Давосского Форума К. Шваб, давший толчок развитию концепции четвертой промышленной революции (первые ее черты имеются уже в наше время, но пока о ее наступлении говорить рано), придерживается традиционной периодизации²⁶ предыдущих переломных моментов в технико-экономическом развитии. Первая промышленная революция охватывает период с 1760-х по 1830-е, вторая — с последней трети XIX века до Первой мировой войны, третья — на рубеже 1960-х и 1970-х с эпохой заката в наше время. Важно отметить, что такая периодизация ориентируется на наиболее развитые страны: появление и реализация ключевых технологий фиксируются по отношению именно к ним, а не ко всему миру в целом. Этот же подход применяется и в данной работе.

Фундаментальный теоретический вклад Й. Шумпетера²⁷, во многом принявшего положения теории больших волн Н. Д. Кондратьева²⁸, состоит в иллюстрации и объяснении циклического развития экономики на основе неравномерного развития инвестиций, за которыми стоит внедрение новых технологических достижений. Тем самым через категории повышательных и понижательных волн цикла характеризуются различия технико-экономических этапов развития. На этой основе автор обосновывает свои концепции предпринимателя-инноватора и созидательного разрушения.

Подход Й. Шумпетера был развит Г. Меншем²⁹, который подчеркнул регулярность появления технологического пата — стадии цикла, на которой происходит исчерпание импульса развития от предшествующего технологического способа производства (Г. Менш — автор термина). Появление и внедрение новых базисных технологий происходит неравномерно, часто в период экономической депрессии, что обуславливает фактическое отсутствие «гладкости» проявления долгосрочного цикла.

---

²⁶ Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016.

²⁷ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с. (Антология экономической мысли).

²⁸ Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / сост. Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2002.

²⁹ Mensch G. Theory of innovation. Lexington books, 1984.

Основным используемым понятием в работе выступает термин технологического уклада, предложенный С. Ю. Глазьевым и Д. С. Львовым³⁰.

Критерии разграничения укладов очень близки с основами выделения промышленных революций (и авторы включают эти понятия в свою теорию): исходным пунктом выступают те же технологические достижения, которые проявляются в производстве.

В индустриальной экономике, содержащей в себе достижения трех промышленных революций, выделяются пять технологических укладов, а они в свою очередь представлены конкретными изобретениями. Экономические системы воплощают в себе результаты использования различных технологий, поэтому они могут классифицироваться в зависимости от присущих им тех или иных технологических условий. Как пишет С. Ю. Глазьев, «Жизненный цикл каждого из них [тех. укладов. — Прим. авт.] образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития»³¹. В таком случае технологии и экономика становятся единым целым, образуя по отношению к теории цельную технико-экономическую реальность.

Имеют место небольшие расхождения в периодизации, которые неизбежны в связи с тем, что число технологических укладов больше, чем промышленных революций. Теория С. Ю. Глазьева — Д. С. Львова, во многом впитавшая себя положения теории больших волн Н. Д. Кондратьева, детальнее в сравнении с концепцией четырех промышленных революций иллюстрирует историю технико-экономических сдвигов. К примеру, к достижениям первой промышленной революции относятся и прядильные, и паровые машины. Однако они являются ключевыми факторами разных технологических укладов (первого и второго).

Понятие технико-экономической парадигмы, введенное К. Фрименом и развитое К. Перес, отражает единство объективных, относительно внешних по отношению к экономике достижений науки и техники, формы их внедрения и

---

³⁰ Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5. — С. 793–804.

³¹ Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. — 2012. — № 2. — С. 27–42. С. 29.

развития в производстве, соответствующие последствия в функционировании экономической системы. Парадигмы выделяются как совокупности оптимальных для определенных исторических условий производственных структур, которые в свою очередь во многом формируются в соответствии с наличием той или иной технологической волны, наборов моделей поведения, организационных форм и процессов ведения хозяйства³².

Таким образом, концепции К. Перес и С. Ю. Глазьева — Д. С. Львова очень близки. Некоторые аспекты развертывания технико-экономических парадигм (например, рост неравенства на стадии становления парадигмы, финансиализация как следствие развития IT-технологий) будут освещены в данной работе.

Вышеотмеченные концепции выделяют технико-экономические этапы, используя критерий различия производственных ядер экономики. Фиксируются ключевые области в структуре производства, определяющие в конечном счете фундаментальные параметры экономической системы и основы ее функционирования.

Несколько иной подход, примеры реализации которого даны ниже, применяется институционалистами. В основу положено рассмотрение эволюции определенного явления экономической жизни, и в зависимости от этапов его изменения выделяются эпохи развития технико-экономических составляющих, которые в свою очередь стали непосредственной предпосылкой этих изменений.

У. Ростоу предложил концепцию стадий экономического роста (можно обобщить до более широкого понятия — стадий развития общества), где различия между периодами во многом определяются техническими условиями, хотя роль других факторов тоже велика³³. Были зафиксированы важные переломные исторические моменты, которые повлекли за собой и перемены лица теории. Речь, например, о переходе к стадии зрелости, о стадии массового потребления (теоретическое продвижение к demand-side economics).

---

³² Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. — М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.

³³ Демография, характер и модели потребления, степень деловой активности и «культуры бизнеса»... См. Rostow W. W. 1959. The stages of Economic Growth // The Economic History Review, New Series. Vol. 12. № 1. P. 1–16.

Наиболее общее деление стадий развития представлено Э. Тоффлером, который выделяет три периода (волны)³⁴. Схожий подход используется многими теоретиками постиндустриального общества. Первая волна — аграрная экономика доиндустриального периода, вторая волна — промышленная эпоха, третья — постиндустриальный мир (который, по прогнозу, должен полностью вытеснить предыдущую эру уже в 2020-е годы). Не вдаваясь в данный момент в дискуссию о наличии тех или иных черт общественных волн в разных исторических периодах, стоит отметить важность такого рода фундаментальной периодизации.

В данном диссертационном исследовании за основу взята концепция технологических укладов С. Ю. Глазьева — Д. С. Львова (вместе с определением термина уклада), так как, во-первых, ей присуща оптимальная степень детализации этапов (зафиксированы основные вехи технико-экономических сдвигов, но нет ухода в их чрезмерное дробление, что слишком уменьшало бы качественные различия между ними). Во-вторых, что, вероятно, более важно, концепция технологических укладов в достаточно явном виде обращается к основе производственной структуры экономической системы через влияние применяемых достижений науки. Тем самым с ее помощью можно проследить движение от технико-экономической структуры к различным аспектам функционирования экономической системы, а впоследствии зафиксировать сдвиги в экономической теории как реакцию на изменение технологических параметров.

Однако аспекты других парадигм также используются в работе, если они не противоречат теории технологических укладов (в частности, выделение промышленных революций).

Отдельно следует затронуть проблему многоукладности экономической системы в целом и национальных экономик развитых стран в частности (так как именно развитые страны в данной работе выступают объектом исследования).

---

³⁴ Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010. — 781 с.

Обращаясь к технологической неоднородности на макроуровне, Ю. В. Яременко выделяет качественные (верхний уровень технологической шкалы) и массовые ресурсы³⁵. В соответствии с наличием и распределением этих ресурсов формируется определенная отраслевая структура, взаимодействия между уровнями которой ключевым образом задают количественные и качественные показатели роста.

Таким образом, подчеркивается сложность «технологической начинки» национального производства, неравномерность внедрения технических нововведений. *Усложняется при этом работа по периодизации технологических стадий, так как процесс их смен не является одномоментным и четко фиксируемым.*

Тем не менее сложности детального установления дат, означающие существенную степень условности, не исключают самого наличия качественных переходов от одной технологической основы производства к другой. Кроме того, как отмечает Ю. В. Яременко, развитым капиталистическим странам свойственен высокий уровень технологической однородности (в отличие, например, от неравномерно развитого СССР). Следовательно, это облегчает задачу соотнесения национальной экономики развитой страны с господствующим в ней технологическим укладом (или же наличием переходного периода).

Проблема же периодизации и установления причинно-следственных связей в вопросе соотношения технологических укладов и школ экономической теории в связи с многоукладностью будет рассмотрена в следующем параграфе.

1.3. Становление технологических укладов и развитие экономической теории: диалектика прямых и опосредованных взаимосвязей

Использование материалистического подхода в ведущих, прежде всего западных, историографических работах в последнее время встречается редко. В то же время это само по себе не свидетельствует об исчерпанности его

---

³⁵ Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997.

исследовательского потенциала. Наоборот, непрерывный исторический процесс предоставляет новые объекты исследования, что в том числе касается вопроса эволюции экономической теории.

Положение К. Маркса о связи производительных сил, производственных отношений и надстройки³⁶ позволяет говорить о возможности наличия значительного влияния технико-экономических факторов на развитие экономической теории, лежащей в области общественного сознания. Тем самым марксистский подход способен стать исследовательской опорой при изучении материальных предпосылок формирования и распространения школ экономической теории.

Прежде чем исследовать генезис становления экономических теорий в их взаимосвязи с объективной экономической реальностью, следует выделить ряд исходных исследовательских предпосылок. *Первой из них может служить высказывание В. И. Ленина «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него»³⁷*. Сознание людей, в том числе и ученых, формируется под воздействием окружающей среды, установок, царящих в обществе. Научные теории несут на себе печать сформировавшихся в данный период времени и места условий. Какова степень этой связи, будет рассмотрено далее, сейчас важно отметить само наличие влияния реальности на сознание. При правильности этой предпосылки появляется достаточное объяснение существования причин переменчивости экономических идей.

Во-вторых, *любая рассматриваемая экономическая теория несет в себе праксеологическую функцию*. Отсутствие этой предпосылки означало бы разрушение (может, не полное, но очень существенное) обусловленности выбора предмета изучения той или иной теории. Если теория не претендует на решение задач, которые запрашивает общество, а ставит целью лишь реализацию общепознавательной функции (познание ради познания), выбор предмета был бы в немалой степени случаен. Связь реальности и теории грубо может быть

---

³⁶ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 5–9.

³⁷ Из работы: Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // ПСС. 5-е изд. Т. 12 С. 104.

представлена как «объективная реальность — порождаемые ею проблемы — выбор предмета изучения, призванного помочь решению проблемы». При отказе от этой изначально вводимой аксиомы цепочка разрывается, и тогда взаимосвязь реальности и теории можно было бы объяснить либо случайностью, либо, если закономерность абсолютно очевидна, можно было бы говорить о «черном ящике»: о принятии факта, но отсутствии его объяснения. При наличии же предпосылки это объяснение можно обоснованно формулировать.

В данной работе перед подходом научно-исследовательских программ И. Лакатоса³⁸ приоритет будет отдан парадигмальной концепции Т. Куна (и его же интерпретации термина парадигмы как системы исследовательских установок, включающей в себя методологические предпосылки, ряд аксиом, действующих в определенном предметном поле)³⁹. В данной работе важнее зафиксировать процессы скачкообразности развития теории, а не конкуренцию теорий, рассматривающих схожие проблемы. Кроме того, в работе важно отметить динамику реакции мейнстрима на появление несоответствий между положениями теории и экономической действительностью. В данном случае стоит сослаться на библиометрическое исследование М. Айстлейтнера, Я. Капеллера, Ш. Штейнбергера⁴⁰, в котором на основе анализа цитируемости экономистов-теоретиков обосновывается положение Т. Куна о периодических кризисах науки, которые разрешаются путем столкновений между сторонниками старых взглядов и представителями новых теорий.

А. И. Московский⁴¹, придерживаясь позиции Т. Куна в определении термина парадигмы, тем не менее, отмечает, что исследование парадигм у Т. Куна строилось во многом на опыте физики, где истина по поводу того или иного объекта может быть только одна. В экономике же парадигмы не только конкурируют между собой, но и дополняют друг друга, рассматривая один

³⁸ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995.

³⁹ Кун Т. Структура научных революций. – М., 1985.

⁴⁰ Aistleitner M., Kapeller J., Steinerberger S. (2016). The Power of Scientometrics and the Development of Economics. ICAE Working Paper Series. No. 46. March 2016.

⁴¹ Московский А. И. Научный потенциал сравнительного анализа теоретических парадигм и «проекта Цаголова» // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2013. – № 5. – С. 3–21.

предмет с разных сторон; имеется преемственность. Соглашаясь с этим тезисом, нужно сказать о выделении в данной работе много большего числа парадигм, чем у А. И. Московского (им выделяются четыре «крупные теоретические схемы» — марксизм, неоклассика, институционализм, кейнсианство). Это осуществляется для более детального рассмотрения хода изменения господствующих теорий, хотя из-за этого происходит как значительное уменьшение «революционной» составляющей при смене парадигм, так и существенности отличий одной парадигмы от другой.

Убедительные причинно-следственные связи по цепочке от технологических параметров к экономической мысли (через экономическую систему) возможны только на уровне отдельных аспектов теорий. Недостаточно просто соотнести технологический уклад, отражающий господство определенного типа технологий, с распространением крупного теоретического направления. Необходимо элементы технико-экономического содержания уклада связать с отдельными предпосылками теоретических предпосылок, основных исследовательских идей и только затем, «суммируя» случаи исходных составляющих теории, ее отдельных положений, сделать заключение о связи условий реальности и школы в целом.

Таким образом, парадигма имеет разные масштабы: от системы взглядов отдельного автора до основного содержания фундаментального направления экономической мысли — это обусловлено разными уровнями анализа.

Можно сказать, ***подобным же образом происходит и классификация школ экономической мысли. Школа выступает персонализированным носителем парадигмы. Ее можно определить как субъект, представляющий в исследованиях уникальную и самодостаточную методологическую систему, предмет.***

Традиционно под школой подразумевается довольно большое объединение, охватывающее как множество ученых, в него входящих, так и широкий предметный охват. В этом смысле школа, безусловно, тоже будет

рассматриваться — в противном случае выводы работы заведомо не могли бы претендовать на освещение крупных закономерностей.

Однако в данном исследовании, как говорилось выше, важно показать связь между технико-экономическими факторами и развитием науки также и на уровне отдельных исследователей, ведущих представителей экономической мысли. Ученый может в явном виде не принадлежать к какой-то крупной научной школе (что особенно свойственно периоду до XX века, когда научные исследования носили менее коллективистский характер). Возможно что, наоборот, экономиста часто относят к очень крупной области (например, называя его представителем классической политической экономии), что мало говорит о содержании работ исследователя. Во втором случае необходимо представить его уникальную систему взглядов, выделив отдельно концепцию ученого и его последователей.

Таким образом, *школа как носитель парадигмы может быть сведена в своем масштабе до системы взглядов отдельного упоминаемого в работе автора, у которого появилось значительное число последователей.*

Такому подходу логично возразить, что тогда вообще любому экономисту можно приписать школу его имени, и тогда грань между наличием школы и ее отсутствием пропадет. Однако в данной работе затрагиваются в качестве объекта только ведущие экономисты, составляющие мизерную долю относительно всех ученых, оказавшие наибольшее влияние на развитие мировой мысли, вошедшие в учебники по истории экономических учений. Тем самым подразумевается, что они оказали большое влияние на умы современников и потомков, их концепции получили последователей.

Критерий наличия школы или ее отсутствия состоит в степени признания работ автора и их влияния на ход истории мысли. Так как данная работа все же касается ограниченного круга имен, то можно говорить о том, что автор, чья концепция входит в объект данного исследования, заведомо олицетворяет собой некую теоретическую школу.

Конкретизируя исследовательскую цель, следует подчеркнуть, что *степень воздействия технико-экономических факторов на теорию не рассматривается как некий процент от совокупного влияния на эволюцию теории*. В работе не подразумевается, что на протяжении определенного периода технология на $X\%$ предопределила распространение некой теории, а на остальные факторы, соответственно, приходится $(100 - X)\%$. Более того, не предпринимается попыток найти даже ориентировочную количественную величину X . Это противоречит математической логике, стремящейся выразить количественные отношения, присвоить тому или иному фактору конкретную значимость, представленную в цифрах.

Объяснение отхода от стремления даже примерной количественной оценки состоит, во-первых, в ограниченном объеме работы. Полноценное исследование, включающее достаточный для своей доказательности количественный анализ, требовало бы куда больших масштабов, многочисленности изучения связанных друг с другом параметров, анализа для сравнения других факторов, воздействующих на теорию и т. д. Во-вторых, предмет изучения очень широк, многогранен, содержит множество разнородных постоянно эволюционирующих элементов, что затрудняет формализацию. Следовательно, качественный анализ также необходим для понимания причинно-следственных связей. Именно эта качественная сторона представлена в данном исследовании.

Целью является выявление факта связи, который проявляет себя в изменении качества объекта в результате реакции на изменение воздействующего на него фактора. Говорится не о том, что рассматриваемый фактор (технология) повлиял в некоей количественно выраженной степени, поэтому его можно назвать существенным, а он является существенным, потому что он привел к изменению качества объекта⁴², находившегося под его воздействием (теоретическая школа).

---

⁴² Фактор, приводящий к изменению качества объекта, по умолчанию может считаться значимым. Но простая формулировка «значимости» неконкретна и менее ценна, если за ней не стоит характеристика того, каким образом и с какими последствиями этот фактор действует.

При таком подходе возможна характеристика роли рассматриваемых параметров в абстракции от прочих факторов, формирующих экономическую теорию и ее распространение. Техничко-экономические условия в данной работе не называются главенствующими, самыми значимыми и т. д. Отмечается, что они регулярно приводят к качественным изменениям теории закономерным образом, задают ограничения, внутри которых теория развивается. Например, тенденции монополизма, вызванные технической необходимостью крупномасштабных производств и больших капиталов, неизбежно заставляют теорию обратиться к этой проблеме, откорректировать/дополнить исходные предпосылки прежних моделей. Можно сделать вывод о значимости технологического фактора, так как он качественно изменил теорию, не обращаясь к роли других причин этого изменения, не пытаясь дать количественное и сравнительное описание его «веса».

Важна и устойчивость, регулярность влияния технологии на теорию на протяжении истории, чтобы можно было сказать о постоянстве действия технико-экономического фактора. Отдельные примеры должны составить вместе большой объем, чтобы возможно стало распространить выводы на масштаб общей логики исторического развития.

В конечном счете в масштабах продолжительных исторических периодов индикатором значимости связи способна выступить возможность классификации структуры экономической теории на основе критериев, в которых заключена технико-экономическая составляющая.

В противном случае связь могла бы быть представлена только как в некоей, не зафиксированной ни количественно, ни качественно, существенной степени, то есть исследовательский результат был бы отражен только описательным эпитетом.

На протяжении истории действительная роль технико-экономических факторов различается относительно той или иной теории. Как правило, воздействие технико-экономических факторов на теорию является опосредованным производственными отношениями и многоступенчатым. Однако также обнаруживаются периоды, когда наука «нос к носу» столкнулась с

материальными вызовами реальности, и содержание ее парадигмы наполнено технологически предопределенной начинкой.

Это означает появление новых качеств экономической системы, предпосылками которых стали технологические изменения, актуализирующие определенные теоретические вопросы.

Подобное прямое влияние исследования технико-экономических параметров на экономические теории не означает подмену предмета экономической науки и включение в нее технологий. Безусловно, влияние технологий на экономику теория изучает прежде всего под углом зрения тех изменений, которые происходят в производственных отношениях под влиянием технологических сдвигов.

Однако в реальном развитии экономической теории представители этой науки не обязательно реагируют прямо и непосредственно на изменения именно в производственных отношениях. Непосредственно метод исследования может оказаться более сложным. Если изменения в технологиях еще не успели сказаться явным и очевидным образом на производственных отношениях, или эти изменения не приобрели господствующего характера, проявляются в скрытом, подспудном виде, то экономистам сложно вычленить эти изменения непосредственно. Именно в таких случаях экономисты, чувствуя, что в экономике что-то меняется, сначала реагируют на очевидные, непосредственно видимые, и эмпирически достоверные изменения в технологиях. И лишь затем, изучая характер технологических сдвигов, теоретики могут прийти к пониманию того, как данные сдвиги влияют на изменения в производственных отношениях, а затем теоретически обобщить сами эти изменения.

Таким образом, технологические сдвиги не втягиваются в предмет экономической теории, но могут при определенных условиях выступать в качестве отправной точки исследования, дающей возможность выявить и изучить новые явления в экономическом строе общества, выдвинув на этой основе новые теоретические концепции.

Однако нужно еще раз подчеркнуть, что на практике в большинстве случаев существуют значительные временные лаги между изменениями экономической системы, их осознанием, формированием теоретических концепций, их признанием, распространением и последующим совершенствованием. В целом, при смене технологических укладов происходят масштабные изменения на разных уровнях экономической системы, своего рода институциональная турбулентность⁴³.

Это означает, что *связь между технологическим укладом и научной школой не подразумевает автоматически хронологическое совпадение*. Такие пересечения возможны с довольно высокой долей вероятности, но не обязательны. При этом нельзя сказать, что временное несоответствие само по себе может служить опровержением наличия причинно-следственной связи, так как эта связь в разных случаях может иметь различный характер, который определит временной лаг, но степень этой связи может быть одна и та же.

Явление разрыва во времени способно проявляться еще сильнее не только из-за того, что теория не мгновенно реагирует на изменившуюся реальность, а также может не сразу получить признание и распространение, но и по причине фактической технологической многоукладности. Так, в рамках национальной экономики в определенный момент могут «сосуществовать» производства, на которых используются технологические средства, согласно С. Ю. Глазьеву — Д. С. Львову, принадлежащие разным укладам.

Однако так как не ставится задача обнаружения точного временного наложения уклада (периодизация которого по причине фактической многоукладности в немалой степени условна) и теоретической концепции, это не является методологически неразрешимой проблемой. Концепция технологических укладов используется в работе как классификатор ключевых научных достижений, определяющих технико-экономический каркас системы. В нем отражаются основные качественные сдвиги в развитии производства,

---

⁴³ Ерзнкян Б. А. Технологическое и институциональное развитие социально-экономической системы в гетерогенной среде // Journal of institutional studies. – Т. 4. – 2012. – № 3. – С. 79-94.

которые способны служить объяснением существенных изменений в теории. И если существенная связь между технико-экономическими факторами и развитием научных школ на историческом протяжении существует, то логично предположить, что переход от одной стадии технологической основы производства знаменует и заметное качественное изменение в структуре экономической мысли.

Тем самым возможно продемонстрировать качественно отличающиеся этапы развития теории в соотнесении со стадиями технико-экономического развития.

Качественные сдвиги технологий и накопление ранее созданного (за счет прежних технологий) богатства иногда непосредственно приводят к появлению новых отраслей, изменению характера труда, отношений внутри предприятия и другим существенным особенностям функционирования экономической системы. С другой стороны, может меняться лишь уровень производительности, благосостояния населения в сторону повышения⁴⁴ без существенных качественных воспроизводственных изменений. В первом условном случае появление новой технологии приводит к новой экономической системе и, как следствие, побуждает дальнейшую эволюцию теории. Во втором случае меняются количественные стороны системы, которые в зависимости от своего масштаба и конкретных условий в одних ситуациях могут повлечь за собой качественные сдвиги, а в других нет. На практике такое разделение сложно уловить, в диссертации не будет заикленности на этой задаче.

В этой связи важно отметить исследовательский потенциал диалектики в данной работе. Диалектика работает преимущественно на «больших масштабах», рассматривая взаимодействие крупных систем, их движение. Формальная логика присутствует при изучении статичных связей объектов, которые создают предпосылки для дальнейших фундаментальных перемен.

---

⁴⁴ Предполагается, что в долгосрочном периоде развитие технологий приводит к росту производительности и благосостояния — негативные последствия относительно краткосрочных циклических колебаний, природных катаклизмов, войн и т. д. не рассматриваются.

Умозаключения в рамках формальной логики, следовательно, используются при построении соответствий между технико-экономическими условиями и теорией, сформировавшимися в конкретный момент времени. Та или иная технология служит объяснением формирования определенных параметров экономической системы и ее воспроизводства в неизменном виде. Далее эти параметры показываются как предпосылка выбора предмета, метода, предпосылок науки, господству ее парадигмы. Другими словами, фиксируется отдельная точка хода истории, «пункты А, Б, В...».

Диалектика освещает *процесс* перехода из одного состояния экономической системы в другое под действием новой технологии как катализатора.

Проявление диалектических противоречий является многосторонним. Например, машинное производство вследствие своей большей производительности втянуло в себя большее число работников. Сформировались классы капиталистов и рабочих с противоположными интересами по поводу заработной платы и продолжительности рабочего времени. Далее для достижения социального компромисса государство узаконило уровни минимальной заработной платы и максимального объема рабочей недели. При этом государство и рынок, являясь неотъемлемыми и взаимодополняющими элементами экономической системы, часто преследуют разные интересы: рынку нужна свобода для своего распространения, а государство должно сглаживать его негативные последствия для снижения социальной напряженности, ликвидации «провалов рынка» и т. д. Тем самым создается еще одно противоречие, отражающее единство и борьбу противоположностей.

В области экономической теории противоречия, безусловно, тоже возникают. Однако в данной работе берется во внимание технико-экономический фактор без учета прочих внешних элементов воздействия. Поэтому теория выступает отражением конечного результата становления экономической системы. Как было отмечено выше, по отношению к статичному состоянию

причины и следствия рассматриваются формальной логикой, диалектика не применяется.

Закон перехода количественных изменений в качественные представлен в более явном виде. В частности, при росте производительности, благосостояния населения наступает момент перехода в иное качество. Так, меняются потребительские предпочтения индивида при пересечении определенного порога дохода, большее национальное богатство перетягивает работников в сферу услуг, приводя к появлению «постиндустриального» общества. Как будет показано в данной работе, история регулярно демонстрирует множество и разнообразие примеров, где работает этот закон диалектики. На практике, безусловно, не существует строгой и конкретной временной границы, такой сложный процесс не проходит одномоментно, но так как исследуются долгосрочные тенденции, это не является ключевой проблемой.

Закон отрицания отрицания наиболее наглядно иллюстрирует последствия промышленных революций. Система способна кардинально измениться в целом ряде своих ключевых параметров (сохранив, безусловно, в определенном объеме свое предыдущее наследие), затем вновь обновиться в период нового периода интенсивного внедрения технологических нововведений. Причем в конечном пункте (условно говоря, в третьем периоде) она может вернуться к некоторым существенным чертам своего изначального, первого состояния. Так, информационная революция придала новый толчок отраслям, которым более свойственно состояние, близкое к совершенной конкуренции, господствовавшей несколько десятилетий назад.

История влияния технико-экономических параметров на теорию требует широкого и разнообразного инструментария для своего изучения, особенно при выведении общих закономерностей.

На пути идентификации значимых перемен, отделения главного от второстепенного, нахождения причин и следствий, объяснения механизма переходов неизбежны спорные моменты, где-то и вовсе сложно найти какое-либо правдоподобное обоснование возникновения определенных теоретических

аспектов, тем более имея в виду наличие разнообразных факторов, влияющих на теорию, не рассматриваемых достаточным образом в данной работе. Однако заранее нельзя найти единого рецепта разрешения подобных сложностей, отдельный случай может далеко отходить от закономерностей, выявленных до и после него.

В настоящем исследовании объектом с точки зрения «принадлежности» технологическим укладам выбраны национальные экономики наиболее развитых стран. *Подразумевается, и впоследствии в исследовании это предполагается подтвердить, что именно проблемы наиболее развитых стран в первую очередь интересуют доминирующую экономическую теорию.* Логично, что в этих странах наиболее развита наука, и ведущие исследователи часто ориентируются при разработке теорий на отечественные условия. Проблемой же становится то, что, во-первых, такие теории преподносятся как универсальные по своей практической реализации, а во-вторых, экономисты, представляющие менее успешные национальные экономики, имеют намного меньше шансов получить академическое признание, если они ставят исследовательские задачи, связанные со спецификой своих стран. Хотя качество исследований и практические результаты могут быть на самом высоком уровне.

Помимо технологического развития важно учитывать и масштабы страны, так как это говорит о ее влиятельности в мировой экономике и научном сообществе. Поэтому в данной работе будут рассматриваться особенности социально-экономического развития таких стран, как США, Германия, Великобритания, Франция, а, например, не стран Скандинавии.

Как отмечалось выше, в работе рассматриваются ведущие концепции экономической теории, а не гетеродоксальные направления. Это обусловлено задачей изучить воздействие технико-экономической среды не только на формирование теории, но и на процесс получения ею максимального распространения и признания.

Кроме того, такой выбор обусловлен ограниченностью объема работы — охватить дополнительно экономическое пространство меньшего

технологического развития и менее известных в мире теорий в любом случае было бы невозможно.

Говоря о роли технологической составляющей в становлении теории, следует еще раз подчеркнуть, что *не принижается значение других факторов развития теории, лежащих не только в «материальном», но и в «идеальном»*. В работе делается фокусировка на объективных технико-экономических параметрах, но, делая эту абстракцию, нельзя забывая о многообразии движущих сил теории, говорить о точной траектории развития, заданной одними только технологическими элементами.

Любая теория рождается и распространяется под воздействием многих движущих сил, и довольно редко можно непосредственно выразить ее становление как ответ на соответствующую технико-экономическую среду. Однако возможность осуществления абстракции позволяет как минимум в общих чертах обнаружить те стороны теории, которые оказались зависимы от материальных предпосылок экономической реальности. Примером решения подобной исследовательской задачи можно назвать работу Р. Фогеля⁴⁵, где он применил контрфактуальный метод для оценки влияния железных дорог на уровень жизни американцев. В рамках этого подхода мысленно представляется, каким бы стал объект, если бы рассматриваемый фактор на него не воздействовал.

В данной работе в явном виде не будет предприниматься попыток обрисовать картину развития экономической науки при «нулевом» изменении технологии, так как ввиду сложности причин трансформации теории можно увязнуть в представлении множества альтернатив. Однако будет задействован опыт выделения тех аспектов объекта, которые были в значительной степени затронуты рассматриваемым фактором. Тем самым в работе подразумевается, что если технология не в ключевой степени предопределила некий элемент теории, то как минимум поставила некоторые рамки, ограничения, внутри которых в дальнейшем этот элемент стал развиваться.

---

⁴⁵ Fogel R. 1964. Railroads and American Economic Growth: Essays in Economic History. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Для дополнительной иллюстрации особенностей методологии, применяемой в работе, стоит сравнить предлагаемый подход с некоторыми другими концепциями, посвященными вопросу эволюции экономической мысли.

А. В. Бузгалин⁴⁶ проводит классификацию этапов развития капитализма с характеристикой присущих каждому этапу технологических и социально-экономических параметров. Определенному этапу соответствуют те или иные установки теории. При этом делается акцент на внутринаучной конкуренции теорий, начавшейся с противостояния политической экономии капитала и труда (последняя появилась вместе с работами К. Маркса). Затрагивается проблема адаптации двух противоборствующих направлений в условиях воздействия социально-политических факторов (в частности, противостояния развитых капиталистических стран и стран Мировой социалистической системы).

Данная же диссертационная работа, сосредотачиваясь на технико-экономических факторах, абстрагируется от идеолого-соревновательной функции науки, хотя следует согласиться с тем, что «Экономические концепции появляются, конечно, по «вызову» социально-экономической ситуации в обществе. Это первая причина. Но ответ на «стук» истории в значительной мере предопределяется влиянием идеолого-мировоззренческих, социально-философских доктрин»⁴⁷. Таким образом, прямого пересечения подходов с диссертационной работой нет, хотя сходство состоит в том, что А. В. Бузгалин связывает этапы трансформации экономической мысли со стадиями капитализма, которые в свою очередь в существенной степени соответствуют ступени развития производительных сил. Близкий исследовательский подход и критерий выделения этапов развития экономической мысли, как указывает А. В. Бузгалин, использован и советскими политэкономистами традиции МГУ им. М. В. Ломоносова⁴⁸.

---

⁴⁶ Бузгалин А. В. Эволюции экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4. – С. 88–89.

⁴⁷ Черковец В. Н. Основы востребованности трудовой теории стоимости в современной рыночной экономике // Вестник Московского университета. – 2008. – № 1. – С. 16–40. С. 17.

⁴⁸ Критика современных мелкобуржуазных экономических теорий / отв. ред. Ф. Я. Полянский. – М., 1979; Курс политической экономии. Т. 1 / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1964.

А. Г. Худокормов⁴⁹ отмечает цикличность развития теории, связав ее с кондратьевскими циклами. При этом критерием разделения теорий является их принадлежность к «левому» или «правому» экономико-политическому флангу, мысль разделяется на критические по отношению к капитализму теории и на концепции, явно или неявно подчеркивающие достоинства свободного капитализма. Согласно этому, общественная востребованность и популярность первых усиливается в периоды неблагоприятной конъюнктуры, понижительных волн, а вторых — соответственно, во время повышательных.

Как и в подходе А. В. Бузгалина, имеет место обращение к предпосылкам социально-экономической реальности. Можно добавить, что так как циклы Н. Д. Кондратьева рядом исследователей объясняются технологическим развитием, то и в концепции А. Г. Худокормова отчасти заложена некая материальная предопределенность смен этапов эволюции экономической мысли.

Ключевым отличием предлагаемого исследовательского видения сравнительно с подходами А. В. Бузгалина и А. Г. Худокормова является абстрагирование от идеолого-политической борьбы различных теоретических подходов. Теория одного фланга не выделяется как продолжатель своего экономико-политического направления. Наоборот, выделяются особенности предпосылок возникновения этой теории, что подчеркивает ее уникальность.

Отчасти близким можно считать подход А. А. Мальцева⁵⁰, который указывает на бóльшую склонность экономической теории к релятивизму в относительно трудные и/или переходные для капитализма времена, а в более благоприятные и спокойные периоды имеется большее стремление к абсолютизму. Это в свою очередь можно объяснить тем, что теории, ратующие за свободы рынка, большее тяготеют к абсолютизму в отличие от направлений, в той или иной мере критикующих идеи свободного рынка.

---

⁴⁹ Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 38 с.

⁵⁰ Мальцев А. А. История экономических учений в системе экономических наук: современность и перспективы: дисс. д-ра экон. наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 2017.

Г. Улиг отмечает 4 аспекта экономической науки⁵¹: экономика как наука, экономика как искусство, экономика как соревнование идей и экономика как политический инструмент. Такое выделение автоматически означает множество факторов, воздействующих на изменение теории, — такова специфика общественной науки и особенно экономики. Соглашаясь с этим, можно поспорить с дальнейшим выводом, что главным источником изменения теории является несоответствие новых эмпирических данных и тех старых, на которых базировалась теория⁵². Во-первых, это может относиться главным образом к позитивистским теориям, преимущественно построенным на математическом моделировании, хотя множество теорий этой традиции не принадлежат. Во-вторых, из этого вывода следует, что теории, конкурируя между собой, соперничают по поводу одних и тех же вопросов.

Тем не менее нужно отметить, что даже максимально близкие по своему предмету макроэкономические дисциплины во многом различаются по своему приложению. Например, кейнсианство ставило условной задачей поддержание совокупного спроса, а монетаризм — стимулирование частных инвестиций. Г. Улиг, в частности, приводит часто используемый пример кривой Филлипса — в новых условиях ее «рассыпание» стало символом победы монетаризма над кейнсианством. Однако дискредитация кривой Филлипса, как видится, не стала необходимой предпосылкой относительного забвения кейнсианской традиции, которая могла бы и может в обновленном виде продолжать решать проблемы поддержки спроса, основываясь на своих основополагающих предпосылках. Монетаризм же победил, так как ответил на общественный запрос обеспечения инвестициями множества новых компаний для перехода на новый технологический уровень.

Очень метким в случае кривой Филлипса и движения к монетаризму является выражение Ю. Я. Ольсевича (хотя автор в данном случае писал о

---

⁵¹ Uhlig Harald. Economics and Reality. NBER Working Paper No. 16416. September 2010.

⁵² Вернее, отставание теории от эмпирики — действительно наблюдаемый симптом устаревания теории, но причина заключается в методологическом подходе, исходных предпосылках, не соответствующих потребностям нового времени. «Неправильная» эмпирика является следствием.

теоретических кризисах в целом, а не именно о кризисе кейнсианства): «Кризис теории наступает не тогда, когда накапливаются факты, ей противоречащие. Это необходимое, но недостаточное условие. Кризис наступает, когда эти факты выстраиваются в альтернативную конкурирующую гипотезу, посвященную тому же объекту. Определяющей чертой кризиса теории является выявление абсолютной либо относительной несостоятельности ее исходных посылок, то есть ее аксиоматики. Под абсолютной несостоятельностью аксиоматики понимается ее непригодность в любые периоды истории и в любых странах, под относительной — ее несоответствие фактам в отдельные периоды и в конкретных странах»⁵³.

В. М. Полтерович описывает кризисное состояние экономической теории как отсутствие накопления эмпирических данных за счет того, что новые данные постоянно опровергают прежние, ориентированные на фиксацию статических явлений теории. «Экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость ее изменения опережает темп ее изучения»⁵⁴, что обуславливает разнообразие и плюрализм в теории — соответственно, монополизация знания каким-то одним направлением, уверенность в ее непогрешимости опасны. Такая интерпретация развития теории соотносится с подходом данной работы: экономическая мысль представляется постоянно развивающейся, во многом зависимой от внешних условий, а отдельная теория занимает только определенный пласт в структуре знания.

Говоря в целом о перспективах предлагаемого исследования, можно констатировать, что *при неизбежных методологических трудностях, тем не менее, есть основания получения доказательных суждений, значимых результатов. В конечном счете единственной исследовательской альтернативой, которая сняла бы эти проблемы, было бы заведомое признание невозможности познания в данной области, завершение исследования до его начала.* Однако такая позиция также требует доказательств,

---

⁵³ Ольсевич Ю. Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2008. – № 1. – С. 3–15. С. 3.

⁵⁴ Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66. С. 61.

которые пришлось бы обосновывать, в частности, слабой и неразличимой ролью технологий в развитии экономики, что кажется как минимум затруднительным. Если гипотетически предположить, что исследование не принесет нового знания, то это станет известно только после его полноценного проведения — и это уже само по себе явилось бы ценным результатом.

Наконец, стоит сказать о предметной принадлежности работы. *Несмотря на то, что бóльшая часть объема приходится на своего рода исторический экскурс, исследование опыта прошлого, ее не стоит относить к исторической по предмету и целям изучения. Новизна и исследовательские результаты не связаны с привнесением дополнительного знания об исторических фактах.* В качестве исторических иллюстраций приводятся уже известные знания как с точки зрения технико-экономических условий реальности, так и экономической теории.

Кроме того, исследовательская логика начинается не от школ экономической мысли. Если бы за первооснову бралась теория и всесторонне изучались многочисленные факторы ее становления, то в таком случае работа действительно относилась бы к историческому профилю.

Однако предлагаемый подход берет за исходную точку технологическую среду. Ключевая часть состоит в политэкономическом осмыслении воздействия новых достижений техники на экономическую систему и теорию, в описании его характера.

Глава 2. Трансформации технологических укладов и динамика школ экономической теории: диалектика исторического и логического

2.1. Развитие рыночной системы как предпосылка господства классической политической экономии

Важнейшим поворотным пунктом в истории экономической мысли стал переход от концентрации на сфере обращения, свойственной меркантилистам, к предмету сферы производства. Предпосылкой такого смещения исследовательского внимания можно назвать меньшую отдачу от прежних факторов развития. Международные рынки становились все более освоенными, рост специализации замедлился — относительная выгода от торговли уменьшалась (но не выгоды от колониализма). Кроме того, торговые операции и ввоз благородных металлов из Америки привели к концентрации капитала, сосредоточенного главным образом в руках купцов. Вкупе с пусть не революционным, но заметным техническим усовершенствованием, увеличившим производительность сельского хозяйства и промышленности, возросший объем капитала купцов стал более выгоден для вложения в средства производства. Производство новых продуктов получило бóльшую привлекательность для капитала, чем меркантилистско-купеческая концепция «купить подешевле — продать подороже». Следовательно, снимается былая «заикленность» на активном торговом балансе.

Концентрация капиталов в руках отдельных буржуа обособила их друг от друга и от государства в том смысле, что сам факт достаточного наличия капитала уже не предполагает неизбежной зависимости от государства и необходимости координации с другими капиталами. *Запрос на исследование сферы производства, а не сферы обращения, нашел свое отражение в школе физиократов.*

Своего рода кульминацией развития данного направления стало появление теории воспроизводства — «Экономической таблицы» Ф. Кенэ. Этим закреплялся акцент на исследовании сферы производства с неизбежной постановкой вопроса

об источнике богатства («чистый продукт»). В данном случае по критерию отношения к этому источнику выделялись классы: производительный, бесплодный, земельных собственников. Производительными, опять же, в силу доминирования сельского хозяйства, назывались непосредственные работники на земле, так как только в сельском хозяйстве создается прибавочная стоимость. Как отмечает К. Маркс, описывая становление школы физиократов, «всякая прибавочная стоимость... основывается на некоторой данной производительности труда... эта степень производительности, служащая исходной предпосылкой, должна быть налицо прежде всего в земледельческом труде...»⁵⁵. Одной из главных функций нарождающегося капитала стало его самовозрастание, что получило (впервые) в теории Ф. Кенэ отражение в виде термина авансирования.

Тем не менее следует подчеркнуть, что в современных учебниках истории экономической мысли роль школы физиократов во влиянии на умы интеллектуалов того времени, как представляется, переоценивается. Концепции, выступавшие за потребность в существенном государственном вмешательстве, не оказались вытесненными — в частности, «бестселлером» того времени была книга оппонента Ф. Кенэ Ж. Неккера под названием «О законодательстве и торговле зерном»⁵⁶».

В XVIII веке Англия упрочила свое лидерство в мировой экономике, что стало результатом развития науки в этой стране. Согласно закону У. Петти, это должно было отражаться и отразилось в увеличении доли промышленности в структуре производства. Промышленность бóльшую часть века находилась на мануфактурной стадии, однако, во-первых, создавались предпосылки для осуществления промышленного переворота, во-вторых, ручное производство совершенствовалось, обогащались технические приемы обработки материалов (например, были разработаны хлорсодержащие отбеливатели, изготовлен углекислый натрий), позволяя создавать более сложные продукты. Можно

---

⁵⁵ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. 1962. С. 19–20.

⁵⁶ Reinert S. E., Carpenter K., Reinert F. A., Reinert S. A. 80 Economic Bestsellers before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought (2017). Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics no. 74, May 2017. К «бестселлерам» авторы причисляли книги, имевшие 10 и более изданий до 1850 г.

сказать, что капитализм вошел в зрелую стадию своего мануфактурного периода. *Когда та или иная развивающаяся система входит в свою зрелую стадию, она становится наиболее близкой к, условно говоря, своему классическому состоянию, будучи наиболее приближенной к модели этой системы. Мануфактурный капитализм как раз и перешел на этот этап — этап, где сложился рынок труда, где крупные фирмы были исключением, а задавало тон множество мелких, обособленных, независимых друг от друга производителей, где цена и объемы производства формировались по законам совершенной конкуренции.*

А. Смит, прежде всего в своей главной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» 1776 года, описывал капитализм как сложившуюся, целостную систему, во многом переняв предыдущие достижения политэкономии. Не случайно многие открытия часто связываются с именем А. Смита, хотя их автором был не он⁵⁷. В то же время он свел категории, законы, присущие мануфактурному капитализму, в целостную систему. Его учение впоследствии «дало импульс систематизации категорий политической экономии как науки, получившей свое достойное место в сложившейся в начале XIX века дисциплинарной структуре европейского университетского образования и исследований со стандартами процедур передачи знания и фиксации научных достижений в специальной литературе»⁵⁸. Можно сказать также, согласившись с А. В. Аникиным⁵⁹, что А. Смит особенно выделял позитивные черты капитализма, выступая борцом против феодальных пережитков.

---

⁵⁷ Например, в ненаучной, а скорее научно-популярной книге «Экономический образ мышления», которая издается большими тиражами и широко используется в образовательном процессе, говорится, что «Он [А. Смит] жил в эпоху, когда даже самые высокообразованные люди верили, что только благодаря неусыпному вниманию государственных мужей общество удерживается от неизбежного возврата в состояние беспорядка и бедности. А. Смит не согласился с этим» (Хейне П., Боутке П., Причитко Д. Экономический образ мышления, 10-е издание / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. – 544 с.: ил. Парал. тит. англ. С. 27). Видимо, выражение *laissez faire* не упоминается, чтобы не вызывать у читателя подозрений, зачем А. Смит использует французские слова.

⁵⁸ Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. – 2015. – № 1. – С. 73-81

⁵⁹ Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Изд. 2-е, доп. и переработ. – М.: Политиздат, 1975. 384 с.

Основой рынка служит обмен, основанный на обособлении индивидуальных производителей, движимых личным интересом. Теория А. Смита, иллюстрирующая «классическое» состояние капитализма, представлена как модель, которой свойственны естественные законы, схожие с природными, хотя философские аспекты, затрагивающие именно человеческие отношения, также раскрываются (в частности, нормы морали как исходная предпосылка). Продолжался политэкономический акцент на сфере производства с приданием деньгам роли лишь инструмента обмена материального богатства. Развитие мануфактурной промышленности снизило роль сельского хозяйства, сделав второе отстающим в своем развитии — А. Смит стал идентифицировать богатство со всем материальным продуктом, причем увеличение богатства связывалось с разделением труда именно в мануфактуре.

Стоимость создается трудом, однако по причине сложной измеримости труда, особенно разнокачественного (с ростом технического прогресса и специализации количество «видов труда» растет), стоимость товара измеряется количеством других товаров. Трудовая теория стоимости одновременно сочетается с интерпретацией стоимости как издержек производства, включающих ренту, заработную плату и прибыль. При этом фиксируется противоречивость интересов получателей этих видов дохода. Например, в утверждении «Наши купцы и владельцы мануфактур жалуется на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей»⁶⁰ одновременно заключается реализующееся на практике противоборство классов, а также наличие «губительных результатов» для общества в целом при благоприятной ситуации для отдельного класса. Понимание стоимости как цены производства характерно для развитого капиталистического производства,

---

⁶⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер.с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. (Антология экономической мысли). С. 147.

которое, по другому примеру А. Смита, существенным образом отличается от первобытного строя, где охотник непосредственно, в явном виде, получает эквивалент своего труда при обмене в виде других продуктов. Рост зарплаты происходит вследствие большей потребности в новых работниках с развитием производства, часть этих работников должна обладать особыми профессиональными качествами, что является и конкурентными преимуществами.

Преимущества в разделении труда иллюстрируются известным примером производства булавки. Сам пример уже свидетельствует о развитости мануфактурного производства, так как упоминается большое число операций для производства продукта. На осуществление операций требуются навыки, трудно осваиваемые одним и тем же человеком, что было возможно ранее при меньшем количестве и сложности операций. Таким образом, преимущества от специализации стали выражаться в большей степени.

В это же время широкое распространение и признание получил труд Б. Франклина «Путь к богатству»⁶¹, который также можно назвать фундаментальным с точки зрения описания основных принципов функционирования капитализма и его преимуществ по сравнению с прошлыми способами производства.

В конце XVIII — начале XIX века в наиболее развитых странах шел промышленный переворот, осуществлялась механизация труда, создание поточного производства, что стало предпосылкой перехода от мануфактуры к фабрике. Главным толчком прогресса явилось изобретение паровой машины, резко повысившей производительность труда, что заложило основы для новых изобретений, впоследствии сформировавших отрасль тяжелой промышленности. Локомотивом развития была текстильная промышленность. Периоду с 1770-го по 1830 год теорией технологических укладов присваивается доминирование технологий 1-го уклада, хотя нужно отметить протяженность времени внедрения

---

⁶¹ Reinert S. E., Carpenter K., Reinert F. A., Reinert S. A. 80 Economic Bestsellers before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought (2017). Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics no. 74, May 2017.

и закрепления нововведений. Ключевым фактором развития помимо конкретных научно-технических достижений стало возвращение среды, интегрирующей и расширяющей рынки, активная работа обществ, объединявших научные и промышленные круги (в свою очередь этому способствовало развитие средств коммуникаций, транспорта). За период 1780–1831 гг. объем промышленного производства в Англии вырос примерно на 235 %, в то время как объем ВВП — на 135 %⁶².

Ж. Б. Сэй, также живший в период относительно зрелого капитализма, в истории экономической мысли характеризуется как экономист, прошедший в первую очередь работу систематизатора. Одновременно с этим он внес принципиально новые по сравнению с «мейнстримом» того времени положения, которые, впрочем, могут интерпретироваться как объективно возникшие последствия технической революции конца XVIII века.

В исследовании источника стоимости и, следовательно, содержания богатства было внесено положение о полезности товара как его сущности, определяющей пропорции обмена (наряду с возможностями его производства). Следовательно, производительный труд стал связан в том числе с производством нематериальных продуктов, а в содержание богатства были включены и услуги. *Рост производительности обусловил высвобождение трудовых ресурсов в сферу услуг, усложнил производство, создав новые продукты, удовлетворяющие новые потребности, — это послужило предпосылкой перехода к интерпретации продукта как носителя полезности (по этому критерию также смешивается материальный продукт и услуга).*

Активное внедрение машин в производство, когда рабочий находился во многом в подчиненном положении по отношению к ним, можно назвать предпосылкой возникновения знаменитой триединой формулы. Физический труд большинства работников по результату стал сравниваться с эффективностью машины (которая измерялась, в частности, количеством работников, которых она

---

⁶² Crafts N. F. R., and C. K. Harley. Output Growth and the British Industrial Revolution: A Restatement of the Crafts-Harley View // Economic History Review 45, 1992. P. 703–730.

могла заменить). Действительно, если креативный труд человека качественно несопоставим с работой машины (машина не придумывает новых идей), то физический труд, по сути, однороден с работой машины по переработке материалов. Таким образом, смешивается труд человека и работа машины (к тому же человек и машина работают «вместе»), что, по К. Марксу, создало у Ж. Б. Сэя ошибочность принятия видимости процесса за его сущность и способствовало появлению теории трех факторов.

Новое производство, новая продукция неизбежно ставили вопрос реализации — большее обособление производителей с новыми товарами нарушало прежний баланс, что, впрочем, на начальном этапе не вызывало больших дисбалансов. В частности, моральный износ продукции шел медленно — даже в случае перепроизводства товары могли храниться на складе, дожидаясь своего потребителя. Это послужило обоснованием идеи о регулярности полной реализации продукции, которой свойственны лишь незначительные и временные затруднения.

Проблема постоянного сбыта продукции еще не приобрела тех явных форм, которые стали известны позднее. Однако ее признал как имеющуюся и развил Т. Мальтус⁶³. Социальная дифференциация создала проблему достаточного платежеспособного спроса, который должен постоянно подпитываться. Эта подпитка может происходить за счет расширения внешних рынков. Таким образом, торговая экспансия обосновывается не только преимуществами в процессе производства, связанными с разделением труда (уменьшение издержек), но и получением рынков сбыта. На этом примере можно указать в целом на распространение предмета исследования Т. Мальтусом помимо непосредственно сферы производства на проблему спроса. Кроме того, совокупный спрос растет вследствие более равномерного распределения дохода, которое, в частности, должно касаться непроизводительных классов. В то же время чрезмерное равенство может привести к уменьшению потенциала фирм-

---

⁶³ Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической мысли. – М.: Эконов, 1993.

лидеров, что негативно скажется на всем обществе, так как уменьшатся возможности внедрения технических усовершенствований.

Т. Мальтус интерпретировал тенденцию роста населения как негативное явление ввиду того, что на новых фабриках, где становилось все больше машин, более производительных, чем люди, не требовалось максимально большого числа рабочих. При этом еще доминировавшее сельское хозяйство имело экстенсивные пределы своего роста, так как увеличение численности населения вынуждает осваивать менее плодородные земли. Таким образом, подушевой доход должен падать. Так как беднейшее население в силу своего большого количества, а также изначально более «низкой базы» своих доходов в наибольшей степени трансформирует прирост доходов в прирост численности населения, то именно его рост доходов нужно «тормозить».

Д. Рикардо⁶⁴ отмечал рост классовых противоречий, проявившихся в неравномерном распределении средств производства. В теории большой акцент делался именно на сущности этих противоречий, выражаемых в том числе в исследовании распределения доходов. Источником стоимости признавался труд, к которому в конечном счете сводились все факторы, влияющие на рыночное ценообразование (если речь шла о воспроизводимом товаре, масса которого была преобладающей). В этом и состояло межклассовое противоречие, которое, тем не менее, не должно было приводить к государственному вмешательству. Важно отметить, что с ростом внедрения машин вопрос об источнике стоимости стал более актуальным. При этом объяснение равенства прибыли при равновеликом капитале, но разном строении капитала, которое Д. Рикардо признавал, не было дано.

Рост народонаселения привел к необходимости освоения новых сельскохозяйственных земель, причем худшего качества. Это вызывает тенденцию нормы прибыли к понижению, которой должно противостоять ограничение заработной платы на минимальном уровне. Однако по сравнению с Т. Мальтусом Д. Рикардо в большей степени проработал теорию

---

⁶⁴ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. – М.: Эксмо, 2007.

дифференциальной ренты. Более того, принцип формирования стоимости сельскохозяйственной продукции, возвращенной на худшем участке, был перенесен и на промышленность — стоимость определяется по затратам труда в наихудших условиях производства.

Начало 2-го технологического уклада относят к 1830-м годам. Для этого периода характерно активное внедрение изобретений, прежде всего основанных на технологии пара, использовании паровых двигателей. По аналогии с периодом, предварившим Великие географические открытия, большое развитие получили средства транспорта. Развивалось паровое судоходство, был изобретен паровоз, за которым последовало масштабное строительство железных дорог. Англия была лидером внешней торговли, продавая главным образом более высокотехнологичную продукцию промышленности («фабрика мира»), импортируя сырье и сельскохозяйственную продукцию. Усилилось ее колониальное господство.

Новые машины, кардинальный рост их производительности требовали все больших источников энергии, что приводило к развитию соответствующих отраслей, в первую очередь, угледобычи. Большую долю стала занимать тяжелая промышленность, металлургия, металлопереработка, значительным образом возросло производство чугуна и стали. Тем не менее главенствующей оставалась хлопчатобумажная отрасль.

Продолжавшаяся индустриализация стала предпосылкой масштабной урбанизации, к середине XIX века в Англии доля занятых в промышленности и строительстве превысила 50 %, а в сельском хозяйстве снизилась до 15 %⁶⁵. В других странах промышленность более медленными темпами занимала свою ведущую роль. Например, во Франции промышленный переворот завершился только к концу 1860-х, по показателям индустриализации она отставала от Англии на десятилетия. Отставание, впрочем, сокращалось отдельными

---

⁶⁵ История мировой экономики: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (080100) / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. 3-е изд., стереотип. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 671 с.: ил. С. 291.

периодами ускорений, связанными, в частности, с изобретением машины Жаккарда, распространением пудлингования.

Усложнявшееся строение машин одновременно приводило к упрощению операций со стороны рабочего, сделав его тем самым «придатком машины». Выражаясь современным языком, структурная перестройка производства привела к большей специализации деятельности, порой сводя труд к максимально рутинным, примитивным операциям (что не означает физическую легкость их выполнения). В то же время *при колоссальном росте производительности положение рабочих улучшалось крайне медленно вплоть до рубежа 1860–1870-х годов. В частности, по данным Р.Аллена с 1780-го по 1870-й годы реальные заработные платы в Великобритании выросли всего лишь на 40%*⁶⁶.

В явном виде проявил себя так называемый парадокс раннего роста, свидетельствующий о запаздывании на целые десятилетия темпов роста реальной заработной платы промышленных и сельскохозяйственных рабочих относительно экономического роста. Доступность обучения трудовой деятельности и выполнения операций увеличило рынок рабочей силы, одновременно оставляя возможность собственникам средств производства удерживать зарплату на минимальном уровне. Нередко машины не нуждались в количестве рабочих, соответствовавшем полной занятости, — это порождало безработицу, провоцируя «лишних» рабочих на борьбу с машинами в буквальном смысле слова (луддизм). *Высокая производительность машин делала интенсификацию производства, оборачивающуюся тяжелыми условиями труда, привлекательной для капитала. Степень противоречия между капиталистами и наемными работниками резко возросла, сфокусировав общественную мысль на этом вопросе.*

Стоит отметить, что, несмотря на активное внедрение больших производств, подъем отраслей, развивающих материальную инфраструктуру, которые являлись технологическими лидерами, этот период характеризуется

---

⁶⁶ См. Allen R. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History, 38, 2001. P. 411–447. P.434

ростом обособленности производителей, делая господствующими рынки совершенной конкуренции. Масштабный технический прогресс создал новые отрасли, удовлетворяющие новые потребности. Однако важно сказать, что выбор удовлетворения отдельной конкретной потребности был узким — разнообразие товаров оставалось невысоким.

С. де Сисмонди уделил большое внимание исследованию неблагоприятных сторон капитализма того времени. Наряду с Т. Мальтусом им указывается на пагубное влияние ограниченного спроса, но подчеркивается необходимость поддержания спроса за счет повышения благосостояния всех слоев населения, особенно самых бедных. Недостаток спроса наряду с оголтелым стремлением капиталиста к увеличению производства назывался основной причиной дисбалансов на рынке, кризисов.

Термин «богатство» увязывался с «богатством для всех». Благосостояние страны должно измеряться благосостоянием бедных, а не только общими валовыми показателями. Увеличение социальной дифференциации рассматривалось швейцарским ученым и с моральной точки зрения, что делало его политэкономия менее похожей на исследование некоей естественно-природной системы. По С. де Сисмонди, суть несправедливости новой формы капитализма заключалась в сокращении заработной платы рабочего за счет присвоения прибыли, нетрудового дохода по своей сущности. По аналогии с выражением П.-Ж. Прудона «Собственность — это кража», результат наличия собственности, прибыль, также называлась С. де Сисмонди ограблением. Явным образом показывалась объективность классовой борьбы, хотя С. де Сисмонди был сторонником постепенных реформ, а не революционного слома. Указывалось на особую роль прогресса транспорта, позволившего наиболее крупным производителям доставлять продукты на большее число рынков, подавляя тем самым мелких производителей. Государство помимо перераспределения доходов, введения социально-ориентированного законодательства должно было разукрупнить предприятия, совершив «откат» к предыдущей стадии развития, организовать рассредоточение собственности.

Связь между вызовами практики и возникновением левых, социалистических теорий видится довольно объективной. Резкий рост производительности при тяжелом положении рабочих предполагал поиск объяснения сложившейся ситуации и выработки теорий, призванных поддержать рабочих.

Если С. де Сисмонди был сторонником возврата к мелкобуржуазному хозяйству, то Р. Оуэн настаивал на более радикальной мере — переходе к социализму. Делая акцент на понятии «справедливость», которое интерпретировалось в экономике как вознаграждение, соответствующее вложенному труду, обосновывалась задача уничтожения капитализма, порочного по своей сущности ввиду наличия нетрудовых доходов: прибыли и ренты. Затраты труда в теории Р. Оуэна выступали единственным источником стоимости. Дифференциация доходов помимо своей несправедливой причины порождает кризисы, недостаток спроса по сравнению с предложением. Безуспешная идея создания рынков справедливого обмена основывалась на возможности непосредственного измерения количества даже разнородного труда, которое бы стало основой пропорций обмена. Важно отметить, что в первой половине XIX века разнообразие товаров и способов их производства было еще относительно невелико, что стало предпосылкой создания теорий, предусматривающих сравнимость товаров по вложенному труду.

Течение «левых рикардианцев», перенявших у Д. Рикардо идею труда как единственного источника стоимости, относительно менее известно, хотя его представители ввели в оборот ряд важнейших категорий. Например, У. Томпсон обосновал термин «прибавочной ценности», вместе с Т. Годскином развивалась категория «производительных сил». Т. Годскин указывал на прогрессивность конкуренции, но указывал, что капитализм по своей сути ее разрушает, захватывая власть над наемными работниками.

А. Сен-Симон выделил некоторые меняющиеся во времени структуры и закономерности их эволюции: изменчивость классов-лидеров, закон сокращения доли религиозного, метафизического знания в пользу строго научного, общее

смягчение эксплуатации. Индустриальное общество также выделялось как закономерный результат исторического развития. Сен-симонизм (среди его представителей особенно выделяют С. А. Базара, П. Анфантена) как течение предполагал последующий рост ассоциирования производства, рост организации и планомерности.

Ш. Фурье помимо критики непроизводительной, паразитической деятельности большое внимание уделил проблеме тяжести самого труда с физической и моральной точек зрения. Максимальному разделению труда противопоставлялась перемена работником рабочих мест с целью большего разнообразия процесса труда. В противовес торговле, основанной на обособлении производителей, предлагался ассоциированный процесс производства и обмена. Возможно, самой знаменитой стала идея фаланстеров.

В качестве гипотезы можно обосновать использование социалистами элементов исторического метода. Обращение к истории, выявление закономерностей ее развития вызывало общественный запрос, так как появились на первый взгляд парадоксальные тенденции. Главным образом, почему при колоссальном росте производительности широким слоям населения жить стало немногим лучше, если вообще не хуже. Разрешение такого парадокса невозможно без более детального исследования исторической изменчивости конкретных явлений с последующим обобщением закономерностей исторического развития. Другими словами, в рамках вневременной логики и декларирования вечных и естественных законов подобные парадоксы не могут быть отмечены и, следовательно, разрешены.

Объективно обусловленное появление антикапиталистических, реформистских теорий также объективно вызвало и реакцию сторонников свободного рынка (манчестерская школа). Со временем к аргументам первых стали добавляться устойчиво возникающие кризисы, еще локального масштаба, но их наличие и неслучайность уже нельзя было игнорировать. Одними из катализаторов кризисных процессов становились развитие кредитования, рост активности банковской деятельности, что в свою очередь объясняется

потребностью в обновлении и расширении вещественного капитала. Интенсификация денежного обращения, сопутствовавшая периоду развития машинного производства, была взята за объект исследования как потенциальный источник возникновения кризисов. Сформировались денежная и банковская школы.

Как эпоха Великих географических открытий, так и индустриальная революция стала мощным (еще более мощным) толчком к развитию, но это развитие также разворачивалось неравномерно, оставляя некоторые страны в числе отстающих. В первом случае Англия и Франция, стремясь перехватить и закрепить лидерство у «образцовой капиталистической страны» — торговой Голландии, выработали, без преувеличения, революционные теории, сместившие предмет со сферы обращения на сферу производства. В первой половине XIX века возврат к сфере обращения был явно невозможен, так как потенциал выгод от торговли был несоизмеримо меньше, чем от развития средств производства, машин, технологий.

Перед Германией, отстававшей в технико-экономическом развитии страной, стояла задача выработать теорию, которая привела бы к опережающему росту и развитию собственного производства в условиях жесткой конкуренции со стороны внешних сил. Альтернативная теория требовала поиска новых факторов развития экономики, находящихся за пределами «мейнстрима» того времени.

Ф. Лист⁶⁷, основоположник немецкой исторической школы, в поисках этих факторов перенес предмет исследования на сторону, говоря современным языком, различных институтов экономической системы. В классической политической экономии они, по большому счету оставаясь в стороне от исследования, рассматривались как «естественные», универсальные. Ф. Лист, критикуя главным образом А. Смита (как ранее отмечалось, системного исследователя классического капитализма), указывал на ограниченность «экономического человека». Богатство, ключевую категорию политэкономии, Ф. Лист расширил в

---

⁶⁷ Лист Ф. Национальная система политической экономии. – СПб., 1891.

сторону исследования его источников. Было введено в оборот понятие экономического потенциала, который, в свою очередь, включил в себя «неэкономические» составляющие: судебную систему, геополитику, менталитет, религию и т. д.

Мобилизационная задача, стоявшая перед Германией, также сделала «производительные силы нации», экономический потенциал исходными категориями, характеризующими начало любого производства, ресурсы. Большое значение придавалось геоэкономическому фактору. Кроме того, в противовес методологическому индивидуализму ставился холизм, с одной стороны, по причине общенациональной мобилизационной задачи, с другой стороны, как элемент отрицания сугубо эгоистических экономических интересов индивида. Впоследствии, с развитием теории Ф. Листа в рамках направления старой исторической школы (к наиболее известным представителям которого можно отнести также В. Рошера, Б. Хильдебранда, К. Книса), логичным образом появилась категория «национального духа». В более прикладном аспекте теории, говоря о необходимых мерах экономической политики, обосновывалась концепция «воспитательного» протекционизма. В этой связи отдавалось должное меркантилистам, однако протекционизм главным образом был в пользу не купцов, а отечественных производителей, проигрывавших в конкурентной борьбе.

Старая историческая школа, что видно из названия, отдавала приоритет историческому методу исследования в противовес «естественным» законам, разрабатывались стадияльные концепции. Природа возникновения историзма видится отличной от специфики социалистических идей, где экскурс в прошлое представлялся источником разрешения парадокса «почему с прогрессом многим стало жить хуже, чем раньше». В данном случае на первый взгляд сугубо временное понятие историзма применяется к исследованию пространственных различий. Изначальная «миссия» школы Ф. Листа в формулировке альтернатив для страны возникла из объективного различия условий развития и особенностей Германии. Исследование причин отличий не может происходить без изучения генезиса систем, то есть без исторического метода.

Дж. Ст. Милль⁶⁸ представляет завершающий этап классической политической экономии. Если выше говорилось, что А. Смит систематизировал знания зрелого состояния капитализма на мануфактурной стадии, то на период Дж. Ст. Милля пришлось время зрелого индустриального капитализма совершенной конкуренции и довольно низкой роли государства, вмешивающегося в «естественный» рыночный процесс. Не случайно Дж. Ст. Милль провел большую работу по анализу и систематизации предыдущих достижений политэкономии. Восприняв достижения противоположных, явным образом спорящих между собой направлений, этот английский экономист стал известен своей «компромиссной» позицией по ряду ключевых вопросов. Например, выделялись как «эгоистичные» интересы индивида, так и «общественные» мотивы его поведения. Принимались «вечные» законы и идея социальной эволюции. Причем первые больше свойственны законам производства, вторая лучше объясняет законы распределения. Государство должно смягчать негативные стороны капитализма, указанные, в частности, социалистами, не препятствуя при этом позитивному воздействию отношений частной собственности.

В качестве принципиальной новизны теории Дж. Ст. Милля выступает разделение экономической статики и динамики, исследование факторов экономического роста. Усложняющееся взаимодействие обособленных в рамках рынка частных производителей, развитие технологий, бóльшая вовлеченность науки в производство, подъем инфраструктуры (главным образом транспортные возможности), плотное взаимодействие банковского и вещественного капиталов, устойчиво возникающие кризисы и ряд других факторов усложнили общехозяйственную систему и объективным образом, ввиду тесной и сложной взаимосвязи, поставили вопрос о законах воспроизводства всей системы в целом и экономического роста как их проявления.

---

⁶⁸ Милль Дж. С. Основы политической экономии. – М.: Прогресс, 1980.

К. Маркс⁶⁹ также застал сформировавшийся этап индустриального капитализма, как и Дж. Ст. Милль, систематизировал исследования предшественников. Работа самого же К. Маркса отличается сверхсистемностью, исследованием капитализма взглядом различных общественных наук (и некоторых достижений естественных). Например, присвоение прибавочной стоимости капиталистом рассматривалось как частный случай общефилософского понятия «отчуждение».

При выделении именно технологических предпосылок формирования теории К. Маркса можно предположить их более явные проявления в следующих аспектах. К. Маркс застал весь период 2-го технологического уклада (хотя основные идеи были сформированы до его заката), на который пришлось колоссальное развитие технологий в противоречивом виде, что можно в определенной степени назвать предпосылкой формирования исторического материализма, генетического метода. Как и перед Дж. Ст. Миллем, перед К. Марксом стояла задача использования системного подхода при исследовании экономики в целом (можно сказать, на макроуровне). При этом все большее развитие машинного производства, в том числе производства машин другими машинами, зафиксированное К. Марксом в росте органического строения капитала, дало основание для вывода тенденции нормы прибыли к понижению, закона производства относительной прибавочной стоимости и ряда других ключевых положений.

Новизной теории при исследовании макропроцесса воспроизводства стало разделение промышленности на два подразделения, что стало также полем для исследования источников кризисов. Сохранявшееся преобладание рынков совершенной конкуренции привело к обоснованию равенства средней прибыли для всех отраслей за счет относительно легких возможностей перелива капитала.

---

⁶⁹ Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23; Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24; Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25.

2.2. Индустриальная экономика: маржиналистская революция

Коренным переломом в истории экономической мысли стала маржиналистская революция, ознаменовавшая собой кардинальную смену предмета и метода исследования⁷⁰. В общенаучной среде стал доминировать позитивизм — в экономике это отразилось в анализе функциональных связей между явлениями.

Н. А. Макашева пишет: «Что касается маржиналистской революции, то найти для нее сколько-нибудь убедительную причину в экономической реальности вообще вряд ли возможно, за исключением, пожалуй, влияния других наук, например, психологии»⁷¹. Признавая многообразие основ маржиналистской революции, но споря с данным тезисом, в данной работе, как и по отношению к исследованию причин формирования остальных теорий, акцент будет сделан на выделении технологических предпосылок.

В конце второй — начале последней трети XIX века Англия стала терять былой уровень экономического первенства, уступая дорогу прежде всего США, которые, в свою очередь, становились лидерами в экономическом и технологическом развитии. Германия и ряд более мелких европейских стран (Швейцария, Бельгия, Австрия) успешно и в короткие сроки провели индустриализацию, попутно освободившись от феодальных пережитков. *Тем самым капитализм существенно расширился географически, «объединив» большее число стран наличием похожих друг на друга экономических систем. Это можно назвать предпосылкой начала разворачивания маржиналистской революции в разных странах практически одновременно. Большое число авторов, писавших уже в маржиналистском ключе, означало масштабность сдвига в теории.*

---

⁷⁰ Можно сказать, что эта революция размыла предмет и содержание экономической науки в том смысле, что с тех пор пропало относительное согласие ученых в определении экономики как науки в отличие от прежнего периода господства политической экономии. См. Воейков М. И. О предмете экономической науки // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2017. – № 1. – С. 9–20.

⁷¹ Макашева Н. А. Экономическая наука после кризиса: что изменится? // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 73–86. С. 75.

Технологическое развитие в конце 2-й трети XIX века проходило по пути совершенствования основных изобретений, бывших ядром 2-го технологического уклада, сделав некоторую «передышку» перед второй научно-технической революцией. Первые изобретения 3-го уклада еще не были внедрены в массовом порядке. В то же время стоит отметить начало процесса возникновения крупных акционерных компаний, поглощавших мелких производителей. Данный процесс связан как с победами отдельных участников рынка во внутриотраслевой конкуренции, так и с наличием отраслей (главным образом тяжелой промышленности), требующих больших величин капитала. Более крупные компании, становившиеся все более связанными с банками, обладали большей рыночной властью, которая помимо прочего позволяла влиять на цены, хотя общий уровень конкуренции оставался высоким по сравнению с последующим периодом. Стоит отметить и рост продукции, требующей больше этапов переработки, так называемой промежуточной продукции, дальнейший рост сферы услуг.

Введение маржиналистами категории «полезность» автоматически переносит (но не полностью) предмет исследования на сторону спроса⁷², так как полезность сама по себе подразумевает причину, по которой потребитель приобретает благо, — и именно полезность становится стартовым стимулом самого производства. Продать благо означает удовлетворить потребность, продав именно полезность, которую, согласно первым маржиналистам, можно было сосчитать. Таким образом, стирается качественное различие между материальными товарами и услугами.

С точки зрения продавца потребитель согласен заплатить любую цену, если полезность товара выше полезности уплачиваемых денег. Следовательно, рационально установить такую цену, которая определит минимальную разницу по модулю между полезностью товара и «страданиями» (в терминологии утилитариста И. Бентама), связанными с потерей суммы денег. В экономике, где

---

⁷² При этом речь может идти о спросе не только на потребительском рынке, но и на рынке средств производства.

возникает монополизм, предполагающий возможность управления ценой отдельными фирмами, естественным образом создается потребность в категории «полезность» как категории, определяющей максимально возможную продажную цену. Кроме того, возросшее разнообразие продукции влечет со стороны потребителя бóльшую возможность выбора (особенно для наиболее богатых собственников производств), то есть активного поведения на рынке именно как потребителя. Основой выбора служит степень удовлетворения покупкой, то есть полезность. Следовательно, *существует запрос на исследования потребительского поведения не только при определении максимальной цены на один конкретный товар, но и при выявлении потребительских предпочтений в большом скоплении товаров, где исходной категорией также выступает полезность, отвечая тем самым на вопрос «что производить?»*⁷³. Забегая вперед, можно отметить, что с началом второй научно-технической революции эти факторы только усиливаются.

Уже к 1870 году развитие промышленности привело к достижению ее доли на уровне четверти-трети в структуре производства ведущих стран (например, в Великобритании и Франции показатель составил 34 %, в Нидерландах и Германии — 24 %⁷⁴). Бóльшая интеграция рынков, имевшая место за счет развития транспортных сетей, способствовала дальнейшей специализации, «знакомству» с новыми товарами.

Увеличилось разнообразие товаров, появлялись продукты, создающие и удовлетворяющие новые потребности. Кроме того, существенно увеличивается общий уровень благосостояния населения, как и финансовые возможности осуществлять рыночный выбор. Как показано в работе Ж. де Фриза⁷⁵, имели место отчетливые сдвиги в потребительском поведении в XIX веке (например, стремление и последующее привыкание к ранее слишком

---

⁷³ Еще раз следует подчеркнуть, что эта «технологическая» интерпретация активного внедрения категории «полезность», безусловно, выступает лишь «одним из» факторов становления маржиналистского подхода.

⁷⁴ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 464 с. С. 269.

⁷⁵ Vries J. de. The industrious Revolution. Cambridge University Press, 2008.

дорогим чаю, какао, сахару), в том числе как реакция на технологические достижения промышленной революции.

Полезность выступает как исходная категория маржинализма. Родоначальник этого направления К. Менгер называет экономическое благо носителем этой полезности⁷⁶, ради которой и совершается покупка. Так как решение о конкретной покупке принимается индивидом исходя из соизмерения личного уровня полезности, при исследовании делается упор на индивидуальном уровне деятельности (робинзонада), который развился в конечном счете до методологического индивидуализма как господствующего поныне подхода. Принцип предельной полезности связан с фактом ограниченности ресурса, что стало основой последующего выведения маржиналистами кривой предложения. Это также отразилось в так называемой «цепочке Джевонса», показывающей взаимозависимость предельной полезности, издержек, предложения. Проблема выбора при самой своей постановке автоматически подразумевает наличие альтернатив при принятии решения. Последствия принятого решения описываются, соответственно, через понятие «альтернативных издержек», введенное Ф. Визером, которое является мерилем эффективности принятого решения через сравнение с упущенной выгодой от непринятия иного решения.

Австрийская школа, указывая на субъективно-психологические основы, использует в исследовании два закона Госсена. На этой основе выводятся цены спроса и предложения, определяющие заведомо неэквивалентный обмен. Это отражается в проблеме торга между продавцом и покупателем — покупка совершается при пересечении «коридоров допустимых значений» обоих агентов.

Основой инвестиций выступает также субъективная оценка индивида. По Е. Бем-Баверку, отложенное потребление, которое ценится ниже текущего, должно получать компенсацию — в противном случае отсутствует стимул необходимого инвестирования. Таким образом, капитал, как и другие явления, описывается через оценочную категорию полезности. Этот временной подход

---

⁷⁶ Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер / пер. с нем. Предисл., коммент., сост. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1992.

применяется и при классификации «австрийцами» средств производства. Акцент делается не на основном или оборотном капитале, определяемом по доле стоимости, передаваемой продукту, а на том, является ли продукт промежуточным или нет. Если продукт промежуточный, не готовый к конечному потреблению, то ставится вопрос, сколько «итераций», переделов требуется для создания готового продукта. Следовательно, ставится вопрос о времени, необходимом для создания продукта от начала производства до окончания, что восходит к «временной» интерпретации существования капитала, инвестиций. Используя тот же подход (при этом работая независимо), У. С. Джевонс через прибыль как награду за ожидание выводил заработную плату косвенным образом: она образуется после вычета прочих необходимых капитальных трат и самой награды за ожидание.

«Австрийцы» сосредоточились на обосновании категории «полезность», «предельная полезность», описав через них сущность основных экономических процессов. Через эти категории, заключающие в себе мотивы деятельности всех экономических агентов, можно было объяснить и описать результаты всех принимаемых в экономике решений, в том числе формируемых и статистически фиксируемых пропорций обмена.

Таким образом, имеется совокупность качественно однородных, сравнимых между собой показателей, что делает возможным формализацию явлений, их математическое моделирование. В частности, выводятся функции спроса и предложения. Важно отметить необходимость включения в модель предпосылок поведения человека, в частности, человека как рационального потребителя-максимизатора. Модели в качестве предпосылки также требуют отказа от идеи неделимости продукта, предложенной австрийской школой. Это положение особенно подчеркивалось У. С. Джевонсом.

Л. Вальрас⁷⁷, формализовав результаты принимаемых агентами решений, разработал теорию общего экономического равновесия. Использование математики как инструмента универсального, а потому скрывающего характер,

---

⁷⁷ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000.

сущность исследуемого объекта, обусловило введение самим Л. Вальрасом понятия «чистая экономика». Конкретные явления, например сложившаяся на определенном рынке цена, интерпретируются как сугубо математические факты. Вся система была поделена на рынки предметов потребления, факторов производства, денежных капиталов, денег. В своем идеальном состоянии совершенной конкуренции экономика находится в равновесии — следовательно, вмешательство государства не требуется, монополизм вреден. Этот же факт также доказывается Ф. Эджуортом: «коробка Эджуорта» обосновывает оптимальные с точки зрения общей полезности пропорции обмена в условиях совершенной конкуренции.

Д. Милонакис и Б. Файн⁷⁸ выделяют маржиналистскую революцию как поворотный пункт эволюции экономической теории с той точки зрения, что с этого момента произошел практически раскол на две науки: математизированный экономикс и школы, где сохраняется междисциплинарность, разнообразие методологий (исторические школы, традиционный институционализм и т. д.). С тех пор дедуктивный метод стал все больше господствовать над индуктивным. Маржинализм и экономикс, в частности, победили английскую историческую школу, теоретический потенциал которой сравним с более известной немецкой.

Таким образом, факторы экономической реальности (техно-экономические и иные) возникновения и распространения маржинализма по своему влиянию можно назвать революционными, хотя сами по себе они могли и не так значительно отличаться от предыдущих хозяйственных условий. Можно сказать, что в них также оказались заложены предпосылки последующего становления и развития экономикса.

Имя А. Маршалла связывается со становлением основ неоклассики. Используя категорию полезности, воспринимаемую с учетом финансовых возможностей потребителей А. Маршалл «рисует» кривую платежеспособного спроса. Также через предельные выгоды и издержки выводится кривая

---

⁷⁸ Fine B., Milonakis D. 2008. From Political Economy to Economics. Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory. Routledge.

предложения, вместе с кривой спроса образуя так называемый маршаллианский крест. Исходя из еще «австрийской» идеи интерпретации капитала во временном контексте, А. Маршалл выделяет мгновенный, краткосрочный и долгосрочный периоды. Еще одним ключевым маршаллианским положением, используемым и в современной микроэкономике, стала теория эластичности спроса и перекрестной эластичности. Отметив в модельном виде реальное разделение общества на бедные, средние и богатые классы, были классифицированы товары как продукты первой необходимости, обычные и товары роскоши, товары-комплементы, субституты. Указывались особенности того или иного уровня эластичности на конкретном рынке. Категория эластичности, ключевая для микроэкономики, получает затем дальнейшее развитие, особенно в математической экономике (в частности, работы отечественных ученых В. Дмитриева, Е. Слуцкого)

На основе выведенных из анализа спроса и предложения понятий потребительского излишка и квазиаренды, природа которых состоит в разнице доходов населения и возможностях технологических преимуществ, сокращающих издержки на предприятии, обосновывается эффективность или неэффективность фискального воздействия государства на тот или иной рынок. Постепенное внедрение более сложных и бóльших по масштабу производств поставило вопрос об эффективности, возникающей за счет самого увеличения масштаба производства. А. Маршалл, отметив факты внутренней и внешней экономии от масштаба, обосновал эффект возрастающей отдачи от масштаба. Однако это преимущество крупной компании одновременно ставит более трудные управленческие задачи для предпринимателя. Организационные функции стали играть более значимую роль в общей эффективности производства, что, можно сказать, дало повод А. Маршаллу дополнить организационными процессами число «традиционных» факторов производства: труд, земля и капитал. Отмечается, что «годовая норма прибыли на капитал окажется высокой, когда

тягость работы по управлению непропорционально высока по сравнению с количеством капитала»⁷⁹.

А. Маршалла, как ранее А. Смита, К. Маркса, Дж. Ст. Милля, можно назвать классиком своего направления. Сформировавшиеся ранее предпосылки стали причиной развития нового теоретического направления. Спустя время появился исследовательский материал, потребовавший своей систематизации (безусловно, с наличием и собственного авторского вклада), что привело к рождению целостной, крупной научной концепции. Таким образом, имя А. Маршалла стало связываться с созданием стандартов последующего развития фундаментального направления в истории мысли: экономика.

Параллельно со становлением маржинализма продолжает свое развитие немецкая историческая школа. Успехи Германии, которым способствовали достижения старой исторической школы, вызывали дальнейшее развитие этого направления. Историко-эмпирический метод, указавший, в частности, на национальную специфику, ставшую фактором ускоренной немецкой индустриализации, в более явном и уже сформировавшемся и доказавшем свою продуктивность виде выступил оппозицией абстрактного метода (знаменитый «спор о методе» Г. Шмоллера и К. Менгера). Обосновывалась зыбкость так называемых экономических законов. Новая историческая школа продолжила выведение стадийных концепций развития экономических систем (в частности, теория трех этапов К. Бюхера).

Противоречия индустриализации, «запоздавшие» в своем появлении в Германии, а также тенденции монополизации поставили дополнительные вопросы о роли государства. Была разработана концепция катедер-социализма, «третьего пути» между либерализмом и марксизмом, призванного смягчить негативные стороны свободного рынка и, что свойственно немецкой традиции, разрабатывались принципы государственной политики развития экономического

---

⁷⁹ Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. III / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 25 л. («Экономическая мысль Запада». Для научных библиотек). С. 22.

потенциала. Нужно отметить, что в конце XIX века в развитых странах в целом складывалась тенденция роста социальных расходов, улучшения условий труда. Так, к началу XX века почти во всех европейских странах введен запрет на детский труд (до 12 лет), установлен предел 11 рабочих часов для женщин, введены системы страхования от безработицы, несчастных случаев на производстве⁸⁰.

Эта теория связана с именами Г. Шмоллера, А. Шеффле, Л. Brentано, А. Гельда, А. Вагнера и других. К числу необходимых мер относились развитие профсоюзов, коопераций, улучшение условий труда, помощь безработным и малоимущим. В условиях новой промышленной революции особенно важным стало развитие человеческого потенциала, что поставило задачей перед катедер-социалистами обеспечение всеобщего доступного образования. Используя исторический подход, А. Вагнер обосновал тенденцию к увеличению перераспределительных функций государства с течением времени. На основе наблюдаемых процессов большей наукоемкости производства отмечалось, что впоследствии наука будет еще больше сращена с производством и, следовательно, государство будет больше нести расходов на ее поддержку. Кроме того, научно-промышленная политика предполагает увеличенное вложение в так называемые инфраструктурные проекты, что требует большей государственной активности на финансовых рынках. Наконец, рост важности человеческого потенциала, а также увеличение финансовых возможностей будут повышать общенеобходимые расходы по социальному страхованию.

Конец XIX — начало XX века знаменуется качественным скачком в развитии технологий, сопровождавшимся радикальным ростом производительности труда. Наука все в большей степени становилась сращенной с производством. Вероятно, самым значимым нововведением стало использование электричества — новый вид энергии создал предпосылки ускоренной автоматизации производства, изменил качество и образ жизни

---

⁸⁰ См. Huberman M. and W. Lewchuk. European Economic Integration and the Labour Compact, 1850–1913 // European Review of Economic History Vol. 7, 1, 2003. P. 3–41. P.18, 38.

населения развитых стран. Значимость появления электричества в развитии экономики косвенно подтверждается дальнейшим советским опытом, где тотальная электрификация была основой перехода на новую ступень развития. Большую роль в процессе глобализации сыграли новые средства связи: телефон, радио, усовершенствованная аппаратура телеграфа. В начале XX века появилась отрасль электроники.

Особое значение имело изобретение двигателя внутреннего сгорания, породившее своего рода транспортную революцию: автомобильную индустрию, теплоходы, впоследствии — самолеты и подводные лодки. Помимо принципиально новых разработок вносились усовершенствования в «старые» отрасли производства, главным образом металлургию (в том числе цветную), спрос на продукты которой устойчиво рос в связи с большими потребностями отраслей материального производства.

Отличительной чертой второй промышленной революции, соответствующей наступлению третьего технологического уклада, является ключевая роль химии, получившей применение практически во всех отраслях производства. Выделяются в первую очередь достижения химии синтетических волокон, получение синтетического каучука из углеводов, создание процесса крекинга, ставшего новым словом в нефтехимии, нефтепереработке. В строительстве в существенно бóльших масштабах стал использоваться железобетон. Ключевыми элементами данной технологической волны также являются конвертер, новые взрывчатые вещества (прежде всего динамит).

Промышленная революция кардинальным образом изменила тип хозяйствования капиталистической системы, во многом оторвав ее от собственных классических основ⁸¹. ***Создание новых отраслей производства привело к колоссальному увеличению разнообразия продуктовой массы, диверсификации отраслей, росту специализации.*** Повысилась доля I

---

⁸¹ А. В. Бузгалин и А. И. Колганов на этой основе используют понятие капитализма эпохи своего заката. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. — М.: Ленанд, 2015. — 912 с. (Размышляя о марксизме. № 101; Библиотека журнала «Альтернативы». № 51.)

подразделения — производства средств производства. Нужно отметить устойчивый рост инвестиций в структуре валового продукта в самом конце XIX — начале XX веков⁸². В то же время важно отметить новизну в размещении производственных мощностей, организации производства: в рамках конкретного предприятия выгоду получает использование конвейерного производства стандартизированной продукции, основанного на максимально узкой специализации отдельного работника.

Новые отрасли, требующие крупных капитальных затрат, обусловили стремительное формирование акционерного капитала, большей роли банков, что в конечном счете предопределило окончательное становление и господство финансового капитала. Необходимость использования больших средств и особенных процессов производства обусловило радикальную монополизацию внутри национальных экономик (особенно в США). К примеру, в США к 1912 г. «18 концернов... и 12 банковских институтов... контролируют 134 общества... с общей капитализированной (номинальной) суммой в 25 миллиардов долларов, причем один «Морган» контролирует 10 миллиардов»⁸³. В 1909 г. на 1,1 % крупнейших предприятий промышленности приходилось 30,5 % занятых рабочих и 43,8 % объема производства (в денежном выражении)⁸⁴.

Факторы опережающего роста отраслей I подразделения, глобализации, создание новых продуктовых рынков (новизна вносит дополнительную неопределенность), становление финансового капитала и ряд других причин сформировали устойчивость циклических экономических кризисов и увеличили их масштаб. Государство стало играть более активную роль как производитель материальных благ, внедрялись формы государственно-частного партнерства. Это, в частности, можно объяснить необходимостью крупных капитальных расходов, наличием рисков и стратегической важности строящихся объектов, в частности железных дорог.

---

⁸² См. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 624 с. С. 84.

⁸³ Финн-Енотаевский А. Финансовый капитал и производительный. — М.: Финансовое издательство НКФ, 1926. С. 101.

⁸⁴ Цит. по: Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. 5-е изд. 1969. С. 311.

Период конца XIX — начала XX века характеризуется изменениями в глобальной расстановке сил на мировой арене. В лидеры выходят США, поднимаются в мировой иерархии Германия, Япония, ряд европейских государств, в то время как Англия и Франция оказываются в относительном смысле в числе отстающих по сравнению со своим положением недавнего прошлого. Рост производства, в том числе новой продукции, требует расширения рынков сбыта, размер которых ограничен. Кроме того, значительная часть изобретений связана с отраслями производства военной техники. Эти факторы обусловили рост геэкономических конфликтов, что в конечном счете привело к Первой мировой войне. В то же время стоит отметить, что по сравнению с периодом промышленного переворота по ряду объективных и субъективных причин не произошло такого отрыва между ростом производительности и ростом благосостояния большинства работников. Уровень доходов всех слоев населения существенно вырос, переплетаясь, тем не менее, с противоречиями растущего неравенства и концентрации капитала, главным образом в США.

Тотальные изменения глобальной экономической системы существенно изменили содержание исследований уже существовавших экономических направлений, создав при этом новые области экономической теории. Можно выделить развитие маржиналистских теорий, ставших основой современных микро- и макроэкономики (экономикс), политэкономической традиции, рождение институционализма и развитие исторических школ, появление теорий цикла и эволюции капитализма, рассматривавших проблемы циклических кризисов, «длинных волн».

Большинство теорий ранних маржиналистов включало в себя моделирование статичных, равновесных систем. Подход Дж. Кларка, включившего в анализ помимо статики состояние динамики, привносит новизну. Теория предельной производительности факторов производства Дж. Кларка, по сути, формализует триединую формулу Ж. Б. Сэя. Предельная полезность (предельная отдача фактора) выступает исходным пунктом построения модели, которая в результате обосновывает оптимальность складывающегося на рынке

вознаграждения владельцев факторов производства. Актуальность этой проблемы растет с кардинальной перестройкой общественной структуры капитала, создания и внедрения новых средств производства, так как острее становится вопрос воспроизводства системы.

Имя А. Пигу, как правило, связывается с введением терминов «внешних эффектов», возникновение которых обуславливает провалы рынка. Существование этих побочных явлений процессов производства выводит проблему их приемлемого уровня наличия за пределы исследования «стандартного» рыночного обмена — появляются понятия национального дивиденда и общественного чистого продукта. Государство как третья сторона между производителем и остальным обществом в теории А. Пигу получает легитимацию фискального воздействия на создателя внешних эффектов. Так, А. Пигу пишет: «Подобный контроль [государственный. — *Прим. авт.*] должен сдерживать ту самую инициативу, которая является основным достоинством частного предпринимательства»⁸⁵. Появление качественно новых производств создает существенные последствия, ощущаемые главным образом территориальными соседями производства.

В. Парето давал объяснение сложившемуся в его время социального неравенства, проблема которого актуализировалась в период второй промышленной революции, наличием биологически заданного распределения способностей среди населения в соответствующей уровню доходов пропорции (закон Парето). Тем не менее В. Парето в основном специализировался на математическом моделировании системы в рамках лозаннской школы. По сравнению со своим предшественником Л. Вальрасом в общую модель равновесия франко-итальянский экономист включил монополизированный рынок, что было довольно объяснимо в связи с нарастающими процессами монополизации. Главная отличительная черта монополии в данном случае — возможность формировать цену, хотя данная ценовая власть не абсолютна. В

---

⁸⁵ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I / пер. с англ. — М.: Прогресс, 1985. — 30 л. («Экономическая мысль Запада»). С. 468.

качестве модели-абстракции также была введена полностью огосударствленная экономика, где единый центральный орган «вручную» определяет цены и объемы производства. Теоретически в рамках любой системы может осуществляться оптимальное установление пропорций обмена (Парето-оптимум), хотя в реальности к наиболее близкому их достижению приходит совершенная конкуренция.

На денежном аспекте маржинализма сфокусировался И. Фишер. Классическая политическая экономия давно указывала на взаимосвязи уровня цен, количества денег в обращении, объема товарной массы (подобные положения развивались и меркантилистами), однако в рамках маржинализма требовалась математическая формула, описывающая эту взаимосвязь. Эта формула получила название «уравнение Фишера»⁸⁶. Рост кредитования, связанный с расширением производства, появлением новых отраслей, привел к увеличению денежной массы, что актуализировало проблему денежного рынка. Было уделено значительное внимание фактору инфляции, появившейся при сопоставлении И. Фишером реальных и номинальных показателей. Ключевой составляющей теории американского экономиста стало понятие дисконтированного дохода. Как отмечал сам И. Фишер, рост технических нововведений стимулирует инвестиции, связанные зачастую с высокой степенью неопределенности. Механизм принятия решения, заведомо сведенный к индивидуальному выбору, также в рамках маржиналистской традиции должен был принимать математическую форму. Этим механизмом стала формула, имеющая сегодня название NPV, отражающая соотношения будущих доходов от инвестиции и альтернативных издержек.

Развитие положений первых маржиналистов нашло свое отражение и в неоклассической экономической школе. К числу ее отличительных черт, на основе которых это направление сформировалось, можно отнести следующее.

---

⁸⁶ В основной части данной работы намеренно не говорится о том, что эта формула первоначально выведена не И. Фишером. Целью ставится доказать, что теоретическая идея получает распространение, когда существуют соответствующие общественные условия, а не когда она выдвигается.

На основе предельных категорий математически выводятся кривые спроса и предложения, являющиеся основой моделирования того или иного рынка. В целом закрепляется математический метод исследования. Делается акцент на долгосрочном периоде (основные параметры моделей гибки). Макропоказатели интерпретируются как агрегирование микроэкономических параметров. Экономические агенты ориентируются на реальные показатели.

Предпосылкой функционального, математического подхода, получившего развитие в последующих микро- и макроэкономических теориях, стало появление всеобъемлющей категории «полезность», которая, во-первых, универсальна для любого рынка, любого типа действия экономического агента, что позволяет формализовать («подводить под один знаменатель») разнокачественные параметры, во-вторых, включает в себе анализ индивидуального принятия решений без исследования его сущности. Кроме того, стандартизированная в рамках фирмы индустриальная продукция, способы ее производства (конвейеризация) также дают основу использования математических расчетов однородных параметров-продуктов.

Категория полезности, как отмечалось выше, автоматически предполагает максимальную индивидуализацию, что находит свое отражение и на макроуровне, понимаемом как совокупность «микроагентов» — отдельных фирм.

Развитие финансового рынка еще не приобрело масштабов, в большой степени отрывающих рынок денег от реального сектора, рост кредитования тесно был связан с ростом производства товаров. Это снижало роль инфляции в поведении агентов, что на макроуровне фиксировалось принятием предпосылки об ориентации агентов на реальные показатели. Факт стандартизированных операций индустриального производства, не требующий, в частности, специального обучения работников, означает и гибкость рынка труда (можно без проблем осуществлять высокую текучесть рабочей силы⁸⁷). Относительная изолированность отдельных компаний не способствовала широкому

---

⁸⁷ Возможность простой замены рабочих отмечается В. И. Лениным как краеугольный камень тейлоризма. Ленин В. И. «Научная» система выжимания пота // ПСС. Т. 23. 5-е изд. С. 18–19.

возникновению эффекта домино — кризисы не становились глобальными, в случае проблемы в одной отрасли не появлялись тяжелые негативные последствия в других. Относительная локальность кризисов даже при устойчивости их возникновения не делала столь острым вопрос спроса, покупательной способности, что способствовало акцентированию исследования на проблемах предложения. Можно также сказать, что самостоятельность фирм в целом делает их более уязвимыми к внешним шокам, повышая их способность адаптироваться к изменению цен — в этом проявляется гибкость фирм периода развития неоклассики.

Продолжением исторической традиции, восходящей к немецкой школе, можно назвать стадиальные концепции В. Зомбарта и М. Вебера. Предметом их исследования стал вопрос возникновения капитализма и этапов его развития. В. Зомбарт сформулировал категорию экономической системы, основой которой является сочетание конкретного уровня технического развития и способа ведения хозяйства (которые постоянно меняются во времени). Данный подход схож также с идеями А. Шпитгофа, указывавшего на непостоянность экономических систем, требующих разнообразия методов их изучения. В. Зомбарт отмечал, что последняя рассмотренная им система может называться «организованным капитализмом» — по сути, это отражение и подтверждение теории А. Вагнера о тенденции роста роли государства на рынке.

В. Зомбартом выделяются шесть типов экономического поведения предпринимателей. Первые три типа соответствуют «героической юности», авантюризму, вторые три типа, более поздние, связываются со «скучной» рациональностью, прагматизмом. Первой группе типов соответствует молодой капитализм, второй — зрелый. Важно отметить, что чертой позднего капитализма был отмечен ценовой тип конкуренции, внушение через рекламу — это характерные признаки развившегося монополизма и возможностей создавать множество типов продукции.

М. Вебер ввел в оборот термин «идеальный тип», имеющий смысловое сходство с понятием экономической системы, представленной в идеальном,

модельном виде. Им также разделяются этапы капитализма. Каждому этапу свойственна особая модель поведения индивидов и главным образом капиталистов как основных акторов. Выделяются целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный, традиционный типы поведения. М. Вебер в качестве главного толчка развития капитализма называл появление протестантизма, выступающего идеологией предпринимательского поведения⁸⁸.

Отличительной чертой новейшей исторической школы помимо историзма, связанного с описанием и объяснением формирования и эволюции капитализма, можно назвать поворот в поведенческий аспект исследования (который не оторван, а переплетен с историческим подходом). Более того, можно сказать, они положили начало дисциплине «экономическая социология». *Качественные изменения (монополизация, изменение форм управления, новые типы ведения конкуренции и др.) системы хозяйствования провоцируют интерес в исследовании причин возникновения нового порядка, которое невозможно без изучения предыдущих систем.*

Монополизм, тесно связанный с внедрением производств новых продуктов, во-первых, изменяет формы управления фирмой, способы ведения хозяйства, что делает предметом изучения поведение основных рыночных игроков — как и почему именно так они действуют на рынке. *Повысившаяся сложность управления больших систем, сложность принятия решения высвечивают ограниченность неоклассической предпосылки о полной информированности предпринимателей, что способствует появлению теорий, указывающих на возможность нерационального с точки зрения рыночного производителя поведения.* Со стороны потребителя, у которого появилась бóльшая возможность выбора на рынке (большой ассортимент продукции и рост доходов), также растет отрыв от идеально-рациональной модели поведения на рынке за счет усложнения условий принятий решений при фактической ограниченной информированности.

---

⁸⁸ При этом важно подчеркнуть, что М. Вебер не абсолютизировал значение Реформации, указывая на то, что ряд форм капиталистического предпринимательства возник до нее. Вебер М. История хозяйства. Город. — М.: Канон-Пресс-Ц., Кучково поле, 2001. I. Постановка проблемы. Гл. 3 Концепция призвания у Лютера. Задачи исследования.

Новейшую немецкую историческую школу можно назвать первым серьезным звонком, возвестившим дальнейшее распространение теории ограниченной рациональности, неопределенности.

Американский традиционный институционализм в определенной мере можно назвать наследником немецкой исторической школы. Обострение социальных противоречий в США на рубеже XIX–XX веков, главной причиной которых можно назвать последствия монополизма, выступило предпосылкой поиска альтернатив «мейнстриму». Т. Веблен⁸⁹ критиковал неоклассику (вернее, слишком широкую степень ее применения) за чрезмерность упования на ограниченные, модельные параметры (например, рациональность индивидов, автоматическое восстановление равновесия и др.). Белыми пятнами, в частности, представлялись феномены целостных структур, созданных обществом для необходимого функционирования экономической системы: институты. Основа их формирования не ограничивается сугубо рыночными критериями благосостояния. Т. Вебленом был также применен исторический подход, который позволил бы ответить на вопрос становления современной системы, использованный при исследовании самих институтов. В частности, была разработана концепция естественного отбора институтов.

В новых условиях произошел существенный отрыв собственников производства от непосредственных управленцев — «технократов». Собственники в меньшей степени стали осуществлять непосредственно управляюще-организационные функции, получая доход из факта наличия собственности, что дало повод Т. Веблену дать им название «праздного класса». «Праздному классу» свойственно демонстративное потребление, основой которого является наличие высоких доходов и гонка за все бóльшим богатством. Это порождает корректировку функций спроса, появление так называемых «товаров Веблена». Спрос одного человека зависит от спроса другого населения (эффект сноба, присоединение к большинству). В то же время реальное управление

---

⁸⁹ Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. Вступит. статья С. Т. Сорокиной. Общая ред. В. В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984.

производством осуществляется менеджерами, рост числа которых и, можно сказать, их становление как класса можно объяснить укрупнением производств и усложнением систем внутрифирменного планирования, контроля⁹⁰. Между собственниками и менеджерами возникает противоречие.

Монополизм критиковался Т. Вебленом как источник завышенных цен, противоестественных рекламных приемов по внушению необходимости потребности в товаре, политического лобби. Установившая свое могущество монополия теряет стимулы внедрения новых технологий, довольствуясь уже достигнутым положением — более эффективным становится устранение еще не окрепших конкурентов. *Разрастание финансового сектора, формирование большой массы фиктивного капитала отразились в теории Т. Веблена в институционалистской интерпретации: в виде понятия «абсентеистская собственность». Финансовые носители титулов собственности получили это название в силу отрыва от реальных факторов производства, частой сменяемости своих владельцев, выражаясь современным языком, в силу своей виртуальности.*

Политэкономическое направление с началом маржиналистской революции стало исходить из экономической науки, если говорить о ветви политэкономии, стоявшей на принципах *laissez-faire*. Представители «компромиссной линии», например Ш. Жид, Г. Джордж, выявляя пороки сложившейся системы, были сдержанны в вопросах ее реформирования, однако дальнейшего широкого распространения их теории не получили. Главными продолжателями политэкономической традиции стали марксистские последователи. Не приняв методологию неоклассики, они продолжали развитие политэкономии, хотя в самом марксизме на рубеже XIX–XX веков произошел раскол.

Рост производительности, открытие новых производств, вызвавшие рост спроса на труд, вкупе с борьбой рабочих, имевшей переменный успех, обусловили значительное повышение заработной платы, коснувшееся всех слоев

---

⁹⁰ Стоит отметить рост популярности исследований, посвященных менеджменту, в частности работы Ф. Тейлора, Г. Гантта.

трудящихся. Укреплялась связь между образованием и производством (хотя, конечно, эта связь была несравнима с современной), увеличивалась потребность в труде инженеров, профессиональных управленцев, что дополнительно повышало их заработную плату. Данное положение позволило так называемому ревизионистскому крылу марксизма констатировать ошибочность прогноза К. Маркса об обнищании пролетариата, который вследствие этого станет силой, способной разрушить капитализм. Э. Бернштейн указывал на возможность сглаживания межклассовых противоречий внутри капитализма, на адаптивность этой формации, что, впрочем, происходит не само собой, а за счет наличия институтов, отстаивающих права рабочих.

М. И. Туган-Барановский⁹¹, представитель течения так называемого «легального марксизма», стремился совместить, казалось бы, прямо противоположные друг другу теории предельной полезности и трудовой теории стоимости. Рост производственных возможностей стал предпосылкой пересмотра иерархии потребностей, в том числе в связи с переходом на приоритетность неэкономических потребностей при достижении определенного уровня насыщения материальными благами. Разрешение противоречия между монополизацией и объективным процессом обобществления, укрупнения производства М. И. Туган-Барановским виделось в развитии различных форм кооперативной организации. Актуальной проблемой стало устойчивое воспроизводство кризисов, усугубившееся с тенденциями сращения промышленного и банковского капиталов. По М. И. Туган-Барановскому, причина кризиса состоит в диспропорции сбережений и инвестиций: при накоплении денежного капитала падает процент, стимулируя инвестирование, но затем, с ростом инвестиций, происходит сокращение сбережений, что в свою очередь рождает рост ставки процента как негативное воздействие на рост производства.

Марксисты, не отказавшиеся от идеи ограниченного срока жизни капитализма, делали акцент на негативных сторонах последствий второй научно-

---

⁹¹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. – М.: Наука, РОССПЭН, 1997.

технической революции. К. Каутский отметил сохраняющуюся тенденцию концентрации производства, исследуя ее главным образом на примере сельского хозяйства. Результатом этого объективного процесса станет дальнейшая монополизация — главная предпосылка социалистического переворота.

Р. Гильфердинг имел схожие взгляды по вопросу гибели капитализма, сконцентрировавшись на проблеме финансового капитала («Финансовый капитал в его завершении — это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии... В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата»⁹²). Технологический прогресс обусловил стремительный рост тяжелой промышленности, нуждающейся в крупном капитале и его ускоренном обороте. Тем самым происходит сращение банковского и промышленного капиталов, формирующих финансовый капитал. Монополизация финансовых и промышленных рынков, проявляющаяся в различных правовых формах, в частности картелях, синдикатах, трестах, развивается «вширь» (переходя на межотраслевой уровень или вовсе захватывая новые отрасли) и «вглубь» (образуя вертикальные структуры производственных цепочек).

Избыток капитала, связанный с ограниченностью внутренних рынков, приводит к его экспорту, что создает заинтересованность в подчинении внешних рынков. Р. Гильфердинг указывал, что помощником в этом подчинении становилось государство, формирующее тем самым новую модель протекционизма. Эта модель оборачивается империализмом: протекционизм вкупе с технологическим прогрессом средств вооружения является предпосылкой агрессивной внешней политики государств. Примерно с 1890 года до начала Первой мировой войны почти во всех европейских странах заметно выросло

---

⁹² Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Исследование новейшей фазы в развитии капитализма / пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. — М.: Соцэргиз, 1959. Цит. по: Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / сопрод. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. II. Восходящий капитализм / отв. ред. М. Г. Покидченко. — М.: Мысль, 2005. — 751 с. С. 680.

неравенство, что высвечивало копившиеся противоречия и подпитывало почву для марксистской критики системы⁹³.

Проблема империализма стала центральной темой исследования наиболее радикального крыла марксизма, в частности В. И. Ленина и Р. Люксембург. В. И. Ленин выдвинул концепцию «тройкой особенности империализма» (империализм как монополистический капитализм, паразитический и загнивающий капитализм, канун социалистической революции). Также были сформулированы знаменитые пять признаков империализма. В контексте обоснования скорой социалистической революции В. И. Лениным подчеркивался предельно высокий уровень концентрации и централизации производства как результат исторического развития («Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом»⁹⁴), монополистические объединения внутри собственных предприятий создавали системы планомерного производства (применяя в том числе идеи научного менеджмента).

Противоречия развития мировой экономики конца XIX — начала XX веков в конечном счете вылились в Первую мировую войну. Военная модель экономики, тем не менее, оставила уже на послевоенное время ряд своих черт. В частности, государства поддерживали восстановление своих национальных экономик путем существенно большей, чем в довоенное время, степени регулирования. Осуществлялось противоборство ряда тенденций, существовавших еще до войны, — растущей концентрации производства, монополизации. Развитие технологии можно охарактеризовать как продолжение

---

⁹³ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 624 с. С. 184.

⁹⁴ Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. 5-е изд. С. 314–315.

изобретений второй промышленной революции, усовершенствование, распространение базовых технологий и основанных на них способов производства. Однако революционизирующих технологических сдвигов еще не произошло.

Таким образом, *предпосылки развития экономической мысли состояли в развитии ключевых положений, системных качеств той или иной теории, конкретизации и уточнении этих положений. Рождение новых теорий, как видится, связано главным образом именно с «закрытием белых пятен» уже сформировавшихся парадигм, хотя, безусловно, имелось воздействие объективно меняющихся экономических условий.* Например, противоречивые процессы монополизации с вмешательством государства формировали «промежуточные звенья», что создало объект исследования теорий монополистической конкуренции.

Два научно-технических прорыва капиталистического периода мирового развития (промышленный переворот, вторая научно-техническая революция) давали ускорение экономическому росту, который по мере исчерпания инерции этого ускорения замедлялся. Кроме того, укрупнение производств, рост капиталов, тотальная механизация, способствовавшие развитию кредита, приводили к устойчивым кризисам. Этот исторический опыт стал большой эмпирической базой, указывавшей на воспроизводящуюся в течение долгого времени неравномерность, но в то же время нехаотичность, закономерность динамики темпов экономического роста. Это можно назвать причиной возникновения теории больших циклов Н. Д. Кондратьева⁹⁵. Поводом же можно назвать, во-первых, проявление последствий второй научно-технической революции, а во-вторых, противоречия процессов монополизации, приведших к обострению кризисов, геополитической ситуации (то есть кризисы вышли на глобальный уровень). Н. Д. Кондратьев делал акцент на эмпирической фиксации, хотя с теоретической точки зрения важно отметить связывание им перехода на

---

⁹⁵ «Эмпирические правильности» Н. Д. Кондратьева были основаны на исследовании именно этого исторического промежутка.

новые волны с обновлением основных капиталов, инфраструктурных объектов. Важно отметить теорию равновесия разнородных порядков, означающую рыночное равновесие на разных его этапах перехода к новому «общему» равновесию.

Проявляющаяся нестабильность рынков, изменение конъюнктуры, основными причинами чего можно назвать внедрение инноваций (новые рынки), обострение кризисных явлений, монополизация, ведущая к смещению отраслевых структур производства, стала предпосылкой возникновения динамических теорий, изучающих, что видно из названия, как минимум два периода времени, в отличие от статичных неоклассических теорий. Кроме того, в большей степени актуализируется проблема информации как экономического ресурса.

Шведская школа предложила ряд существенно новых теорий, в том числе посвященных проблемам динамики. К. Вексель, основные работы которого вышли еще до Первой мировой войны, ввел в оборот разграничение между естественной и действительной нормами процента, что означает отличие реальных ожиданий доходности инвесторами и «запаздывающих» фактических ставок процента — это является предпосылкой кризисов. Процессы неравномерного распределения богатства и рыночной власти поставили в учении К. Векселя проблему перераспределения. Необходимость прогрессивного налогообложения обосновывалась теорией предельной производительности денег, расширение государственного сектора — необходимостью развития «человеческого капитала» в общенациональных масштабах (что во многом связано с производством того, что позже будет названо общественными благами). Обосновывались различного рода меры по сдерживанию монополий. «Эффект Векселя» отражает тенденцию сокращения нормы прибыли за счет опережающего роста цен факторов производства по сравнению с их предельной производительностью, что происходит по мере увеличения инвестиций и приращения капитала, а также срока службы его использования. Явление ускорившейся инвестиционной активности стало типичным вследствие

развертывания новых производств, получивших развитие при большом инновационном рывке.

Э. Линдаль главным образом известен введением в оборот термина общественных благ. В данном случае можно говорить о значительно увеличившемся производстве этих благ, что в немалой степени связано с милитаризацией (армия и все, что ей принадлежит, — общественное благо). Кроме того, большой объем и значение для экономики приобрели инфраструктурные объекты (например, дороги по мере развития автомобилестроения). Наконец, следует сказать о росте доступности здравоохранения, медицины, иных социальных сфер, хотя они оставались несопоставимо менее доступными относительно последующих десятилетий. Э. Линдаль также разграничил «временное» (основанное на стабильных ценах) и «межвременное» (возникающее после изменения ценовых пропорций) равновесия, что можно назвать продолжением традиции исследования динамики.

Г. Мюрдаль подчеркивал важность увеличения социальных расходов как условия стимулирования экономического роста, изучал процесс принятия решений предпринимателями, исходя из обработки информации до планируемого события и анализа ситуации после его наступления (категории *ex ante* и *ex post*).

Проблема принятия экономических решений, исследование которой по своей сущности также требует рассмотрения двух (как минимум) периодов, является центральным звеном в учении Ф. Найта. Возникновение теории динамики представляется обладающим схожими, что и в случае со шведской школой, предпосылками. Предметное поле при этом было смещено Ф. Найтом в сторону объяснения самих условий, в которых предприниматель принимает решения, формируя тем самым меняющиеся условия равновесия: условий риска и неопределенности. Подчеркивается значение ресурса «информация», особую роль по объективным причинам развития разнородного производства играет маркетинг. Важнейшей задачей предпринимателей является приведение неопределенности к риску (переход от незнания вероятностных исходов

наступления того или иного события к его хотя бы примерной вероятностной оценке).

Информация является ключевой категорией неоавстрийской школы. Исходя из предпосылки, что полная информация у индивидов имеется только о самих себе, Л. фон Мизес обосновал концепцию рассеянного знания. Информацию о себе люди сообщают своим потребительским поведением. Языком, информационным сигналом являются деньги. Следовательно, никакая третья сила не должна вмешиваться в естественный рыночный процесс, в том числе государство путем вливания фидуциарных денег. В частности, отмечается, что «свободная банковская деятельность является единственным методом предупреждения опасностей, присущих кредитной экспансии»⁹⁶. Проблема монополизации должна быть снята автоматически при наличии этого свободного рынка. Предприниматели выделялись Л. фон Мизесом как особый класс общества, непосредственно выявляющий и реагирующий производством на информационные сигналы, что является справедливой основой их большего финансового благополучия.

Й. Шумпетер⁹⁷ сделал акцент на объяснении причин, а не следствий подрыва рыночной стабильности, изменения статичного равновесия. Особенность функции предпринимательства, согласно его теории, состояла в осуществлении различного рода инновационных действий, нарушающих (или разрушающих, если вспомнить выражение Й. Шумпетера «созидательное разрушение») сложившееся состояние. Были сформулированы пять типов рождаемых предпринимательской деятельностью инноваций⁹⁸. Новые продукты, рынки неминуемо меняют отраслевую конъюнктуру. ***Стремление к инновациям объяснялось достижением временной монополии на саму инновацию, что позволяло бы получить дополнительную прибыль.*** Однако Й. Шумпетер

---

⁹⁶ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2008. – 878 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 3) С. 414.

⁹⁷ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007 (Антология экономической мысли).

⁹⁸ Изготовление нового продукта, использование нового способа производства, нового сырья, нахождение нового рынка сбыта, изменение хозяйственной формы субъекта производства.

подчеркивал и неденежные стимулы к созданию и внедрению нового. В частности, имеется желание творческой самореализации. ***Увеличение значимости этих нерыночных мотивов можно объяснить неснижаемой инновационной активностью при достижении той высокой степени производительности, которая уже достаточна для высокого уровня обеспечения материальными благами.***

Как отмечалось выше, одним из условий возникновения феномена несовершенной, монополистической конкуренции стала тенденция монополизации с противостоящими ей усилиями государства. Кроме того, окончательно сформировался сегмент рынка, связанный с большой величиной капитальных затрат с ограниченным, но «реальным» доступом на рынок. Эти рынки производили, как правило, товары, удовлетворяющие схожие потребности, но имеющие существенное различие с точки зрения самого содержания продукта. В частности, Э. Чемберлин использовал термин дифференцированного продукта, приводя в пример автомобильную промышленность США.

П. Сраффа в качестве основы монополизации выделял наблюдавшийся рост отдачи от масштаба в условиях производства стандартизированной, конвейерной продукции. Дж. Робинсон, как и Э. Чемберлин, указывает на дифференциацию товара как основу локальной монополии, но отмечает также факт усиления концентрации производства. Большое исследовательское внимание получил феномен монополии. Ситуация существования единственного покупателя свойственна рынку государственных закупок, что ввиду отмеченных выше причин чаще стало проявляться на практике. Кроме того, оставалась актуальной, особенно в американском обществе, проблема отношений работодателей и рабочей силы в условиях господства индустриального производства, стандартизированного процесса труда.

Дж. Робинсон интерпретировала фирму как обладательницу монопольной власти на рынке труда, что позволяло ей получать дополнительные выгоды за счет эксплуатации (Э. Чемберлин, наоборот, называл настоящими монополистами профсоюзы). Рассматривалась проблема ценовой дискриминации, возможность

которой возникла за счет локальной монопольной власти, а также возможности сегментации потребителей (с невозможностью потребителям перепродавать друг другу товары), возникающей в том числе за счет широкого распространения маркетинговых стратегий.

Реклама как один из маркетинговых инструментов является наряду с другими методами неценовой конкуренции, по Э. Чемберлину, основой, закрепляющей особенность, дифференцированность продукта в глазах потребителя. Специфические потребительские характеристики товара дают фирме, его производящей, частичную монопольную власть. В ряде случаев возникают предпосылки формирования олигополистической структуры рынка. Стоит отметить, что Э. Чемберлин указывал на негативные последствия существования частичной монополии — в частности, возникновение безработицы, уходящей в новых условиях от своего естественного уровня былых времен.

2.3. Позднеиндустриальный капитализм и информационная революция: особенности новейшего этапа эволюции экономической теории

1930-е годы ознаменовались Великой депрессией и тяжелыми последствиями выхода из нее. Появились теории, ставшие реакцией на этот самый глубокий за всю историю кризис, — главным образом выделяется «Общая теория занятости, процента и денег»⁹⁹ Дж. М. Кейнса. Воздействие этой книги на умы интеллектуалов сложно переоценить. Согласно одному из опросов среди британского населения, она признана самой влиятельной академической книгой¹⁰⁰. Однако важно подчеркнуть *закономерность возникновения этой теории, вызревавшую в предыдущих исторических периодах. Великая депрессия, безусловно, крайне обострила противоречия экономической*

⁹⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с английского профессора Н. Н. Любимова. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 352 с.

¹⁰⁰ Keynes's economic theory voted most influential academic book on British life. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2017/jan/25/keynes-economic-theory-voted-most-influential-academic-book-on-british-life>.

системы, сделав толчок популярности новых «антикризисных» теорий, но так как сама депрессия стала продуктом системы, то и все ее характеристики стали прямым следствием еще докризисной экономики.

Данные противоречия во многом отразились в теории Дж. М. Кейнса — научные достижения этого экономиста получили такое широкое признание и распространение именно потому, что описали экономическую систему в целом, а не только ее кризисные фрагменты, проявленные всего за несколько лет.

Факторы, во-первых, общего роста богатства, во-вторых, сращенности государственных институтов, банков, «реального» производства¹⁰¹, в-третьих, роста обобществления производства, общей взаимозависимости покупателей и продавцов привели к нарастанию риска рыночных диспропорций, показанных Дж. М. Кейнсом. Удешевление энергии, развитие транспортной инфраструктуры, средств передвижения, безусловно, способствовали росту производительности, интеграции рынков, но вместе с тем координационные процессы встречали больше препятствий на своем пути. Усложнившаяся модель экономики высветила ограниченность способностей людей по поиску и обработке информации, что заставляет их зачастую принимать решения нерационально (с точки зрения неоклассиков) — появляется категория животного духа.

Диспропорции на рынке в наиболее остром виде проявляются в краткосрочном периоде. Этим можно объяснить предпосылку исследования явлений в краткосрочном периоде Дж. М. Кейнсом и его последователями. Увеличивающаяся в связи с этим непредсказуемость, усугубляемая постоянным изменением сигналов со стороны денежного рынка, провоцирует склонность к подстраховке, выражаемой в виде «мертвых» сбережений, ограничивающих самим фактом своего существования размеры потребления и инвестирования. Так как эти сбережения имеют денежную форму, большое внимание было уделено

---

¹⁰¹ Факт разрастания взаимозависимости агентов приводит к формированию единой крупной системы взамен совокупности маленьких изолированных систем. Этим можно объяснить макроподход Дж. М. Кейнса — именно с рождением его теории принято связывать появление науки макроэкономики. Усложнение системы создает новые характеры связей, вызывающие новый исследовательский интерес, основанный на изучении причинно-следственных связей, — немалый отход от функционального метода является отличительной чертой учения Дж. М. Кейнса.

денежному рынку, и в частности фактору спроса на ликвидность. Из него выводится основной психологический закон, выступающий основой недопотребления, роста диспропорций, кризиса. Далее проводится анализ соотношения доходов, потребления, инвестиций, сбережений. Вводится категория мультипликатора. Наряду с диспропорциональностью производства более постоянная причина, монополизация, подразумевает проблему недозагрузки факторов производства, изучаемой Дж. М. Кейнсом.

Ограниченность эффективного спроса связана и с высокой дифференциацией доходов (для увеличения спроса Дж. М. Кейнс обосновывал государственное перераспределение в пользу более бедных¹⁰²). Можно отметить, что в данном случае проблема снижения спроса вновь встает после внедрения достижений второй промышленной революции так же, как после первой (теории Т. Мальтуса, С. де Сисмонди). В качестве меры стимулирования спроса предлагались прямые государственные инвестиции, касающиеся производства общественных благ — их растущая роль была зафиксирована выше при описании теории Э. Линдаля. Негативное влияние на экономику, согласно теории Дж. М. Кейнса, оказывает чрезмерная спекулятивная деятельность, проявившаяся с разрастанием финансового рынка. Следовательно, государство должно также регулировать и численность этих спекулянтов.

Противоречия сложившейся капиталистической системы, обострившиеся в кризис, как и необходимость ее реформирования, обосновывались и с институционалистской стороны. Большое обобществление производства, рост товарооборота, сделок сделали более актуальным исследование проблемы самих этих сделок. Дж. Р. Коммонс при изучении трансакций сделал акцент на правовой стороне их формирования и реализации. При этом под трансакцией понимались не только рыночная сделка обмена товарами, но и договор в более широком смысле слова — договор между общественными группами, лежащий в основе формирования того или иного института. В таком случае и растущая роль

---

¹⁰² Последователями кейнсианства активно рассматривалась проблема роста, неравенства и их взаимосвязи.

государства выступает последствием роста трансакций. Исходя из критерия господствовавших правовых основ выводились стадии развития капитализма.

Теории У. Митчелла, а также А. Берли, Г. Минза, Р. Тагвелла, Ст. Чейза тоже получили толчок своей популяризации и практической реализации под влиянием кризиса, однако они были разработаны главным образом до Великой депрессии. Динамические модели У. Митчелла, применяемые для изучения циклов, были основаны на идее неполной рациональности индивидов. Актуальность теории циклов можно объяснить теми же причинами, что и формирование теории длинных волн Н. Кондратьева. Остальные указанные институционалисты продолжили теорию Т. Веблена о переходе реальной экономической власти к менеджерам корпораций. В противовес усугублявшимся диспропорциям рынка ставились идеи планирования.

Вторая мировая война внесла кардинальные изменения в геоэкономические отношения. Многие ранее колонизированные страны обрели независимость, но углубление специализации, разделения труда имело противоречивые последствия с точки зрения реального экономического суверенитета. Одновременно как результат и как стимул дальнейшего увеличения мирового обобществления производства был создан ряд институтов, регулирующих международную торговлю и развитие. На первые годы после войны пришлось наибольшее распространение технологий четвертого уклада. На развитие международных связей, безусловно, существенно повлияло активное использование телефонной проводной связи. Особое значение приобретают достижения химии, авиации, освоение мирного и военного атома. Важно отметить доминирующее использование неэкологичных источников сырья (главным образом нефти¹⁰³). Масштаб их применения поставил экологическую проблему на мировой уровень¹⁰⁴. Рост производительности труда позволил сфере услуг практически

---

¹⁰³ Чему способствовала продолжающаяся автомобилизация общества.

¹⁰⁴ Не случайно многие современные исследования проблем антропогенного воздействия на природу берут данные за последние 60–70 лет. В качестве примера можно привести недавнюю работу, отличающуюся пессимистичными, но обоснованными выводами, которые опубликовала популярная британская газета The Guardian. Rate of environmental degradation puts life on Earth at risk, say scientists. <http://www.theguardian.com/environment/2015/jan/15/rate-of-environmental-degradation-puts-life-on-earth-at-risk-say-scientists>.

догнать материальное производство в структуре экономик наиболее развитых стран.

Вышеотмеченные тенденции усложнения хозяйственных отношений в рамках маржиналистской традиции нуждались в своей более сложной математической интерпретации сравнительно с первыми моделями общего равновесия Л. Вальраса — В. Парето. Р. М. Нуреев отмечает, что данный период характеризуется новым витком математизации, применяемой в расчетах на уровне управления сложными динамическими системами, и это можно назвать одним из кардинальных сдвигов в развитии методов экономической науки¹⁰⁵.

Р. Фриш ввел в оборот само понятие эконометрики как науки, разрешающей ограниченность недостаточной возможности верификации положений классической теории и отрыва эмпирикоориентированных концепций от теоретических парадигм. С тех пор эконометрика стала основой маржинализма, стали создаваться крупные и влиятельные научные объединения эконометристов. Углубление формализации в исследованиях применялось в широком предметном поле.

Я. Тинберген разделил с Р. Фришем первую Нобелевскую премию по экономике. Специализацией этого голландского экономиста было моделирование экономической политики, ориентированной на максимизацию функции общественного благосостояния. Т. Хаавелмо, указав на невозможность экономистов проводить эксперименты так же, как в естественных науках (при том, что необходимо рассмотреть множество неоднородно действующих факторов), предложил вероятностный подход для тех или иных экономических положений. М. Тобин разработал модель, получившую впоследствии его имя, которая описывает воздействие монетарной политики на поведение инвесторов. О. Ланге и А. Лернер, как и В. Парето, математически обосновывали возможность осуществления централизованного планирования, основанного на установлении оптимальных пропорций обмена, соответствовавших абстракции совершенной

---

¹⁰⁵ Нуреев Р. М. Развитие метода экономической теории // Мир новой экономики. – 2014. – № 3. – С. 95–106.

конкуренции. В. Леонтьев создал широко используемую модель «затраты — выпуск». Он прямо называл себя последователем Ф. Кенэ и Л. Вальраса, будучи исследователем межотраслевого взаимодействия. При этом подчеркивалось усложнение хозяйственных связей, что приводит к учащению состояний неустойчивого равновесия, понимаемого как «такое, в котором система при отсутствии каких бы то ни было изменений ее внутренней структуры и даже малейших изменений исходных условий может существовать бесконечно, но из которого она выйдет при малейшем толчке»¹⁰⁶. Т. Купманс и Л. Канторович получили совместную премию памяти А. Нобеля по экономике за создание линейного программирования.

Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн считаются родоначальниками теории игр. В новых условиях, как было отмечено, растет взаимозависимость рыночных агентов друг от друга и сложность их взаимодействий. Следовательно, принятие решения в большей степени зависит от решений, нередко непредсказуемых, других людей. Кроме того, эти авторы разработали теорию ожидаемой полезности, которую можно назвать более математизированным продолжением теории риска Ф. Найта. Она получила дополнительную актуальность от уже указанного роста усложнения хозяйственной жизни, относительно уменьшающей информационную обеспеченность индивидов. Впоследствии К. Эрроу и Ж. Дебре на основе теории игр обосновали возможность существования равновесия на нескольких рынках одновременно только при наличии временного разрыва между куплей товара и его получением¹⁰⁷.

Свое послевоенное развитие неоавстрийская школа получила, прежде всего, будучи связанной с работами Ф. фон Хайека¹⁰⁸. Продолжая исследование проблемы ограниченности информации, получает дальнейшее обоснование концепция «рассеянного знания», выступившая обоснованием

---

¹⁰⁶ Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.: табл., схем. С. 179.

¹⁰⁷ Arrow K. J., Debreu G. (1954). Existence of an equilibrium for a competitive economy. *Econometrica*. 22 (3): 265–290.

¹⁰⁸ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000.

безальтернативности свободной рыночной системы. Ф. фон Хайек также вводит понятие эффекта Рикардо в качестве объяснения циклических колебаний.

Проблема роста и цикла стала популярной среди представителей практически всех школ, изучавших экономику на макроуровне. Одно из доминирующих направлений, неокейнсианство, делало на этой проблеме наибольший акцент. Именно в этом и состоит исходное отличие этой теории от традиционного кейнсианства (хотя принципы неравновесности экономической системы, психологических факторов сохранялись).

Можно провести аналогию возврата интереса к проблемам роста и развития с периодом поздней классической политической экономии. Тогда усложнение процесса создания продукции и ее продажи на рынке обострило проблему воспроизводства национального продукта, развития экономической системы, заключавшейся прежде всего в показателях роста. В данном случае *усложнение самой экономической системы в новых технологических условиях также ставит вопрос ее воспроизводства*. Отличием по сравнению с периодом поздней классической политэкономии стал рост активности государства, проводящего политику по обеспечению сбалансированного экономического роста.

Макроэкономические меры воздействия принято разделять на кредитно-денежные и фискальные. Важно отметить, что по мере разрастания финансовой сферы растет роль первого типа инструментов.

Р. Харрод сформулировал термины гарантированного, реального, естественного темпов роста при построении модели, которая обеспечила бы максимальную загрузку производственных мощностей, показав неустойчивость и даже случайность состояния равновесия. Согласованная макроэкономическая политика поддерживает экономику в случае отклонения основных показателей от целевых.

Неустойчивость проявляется и в неравномерном инвестировании, отмечаемом А. Хансеном в качестве основы возникновения цикла. Помимо действия основного психологического закона этим дисбалансам способствует снижение отдачи от дополнительных капиталовложений и рост процента при

повышающемся инвестиционном спросе. Сглаживание отклонений от равновесного состояния осуществляется частично автоматически, частично путем государственных мер, прежде всего кредитно-денежных. Отмечается роль прогрессивного подоходного налога как фактора, предохраняющего экономику от перегрева. Модель роста Р. Солоу — Т. Свана¹⁰⁹ больше делала акцент на структурных факторах. В частности, подушевой доход выражается через капиталовооруженность, которая зависит от инвестиций в капитал (экстенсивный фактор) и, что является новым, уровня технического прогресса. Появление переменной технического прогресса в столь распространенной модели роста можно назвать событием, знаменующим наступление периода, когда наука становится непосредственной производительной силой общества¹¹⁰. Однако прологом к ней можно назвать знаменитую формулу Ч. Кобба — П. Дугласа¹¹¹.

Проблема роста затрагивалась и институционалистами. При этом акцент делался не на моделировании роста, а на исследовании изменений его качественной стороны в историческом контексте. У. Ростоу, выделяя психологические стороны человека, побуждающие его к стремлению к прогрессу, показывает приоритетность тех или иных психологических установок на разных этапах роста. Еще одним критерием выделения пяти стадий экономического роста был характер технологической базы, на основе которой происходит рост. В данной теории в явном виде фиксируется качественная изменчивость характера производства и поведения рыночных индивидов.

Однако центральной областью исследования институционалистов стало продолжение теорий диффузии собственности, управленческой революции, технократии, имевших корни еще от учения Т. Веблена. Этот процесс имеет объективные основания. По мере развертывания тенденции монополизации наряду с необходимостью реализации «крупных проектов», связанных длинной производственной цепочкой, происходит, во-первых, невозможность

---

¹⁰⁹ Solow R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70 (1). P. 65–94; Swan T. W. (1956). *Economic Growth and Capital Accumulation*. *Economic Record*, Vol. 32 (2), P. 334–361.

¹¹⁰ Это положение активно развивалось советской послевоенной политэкономией.

¹¹¹ Cobb C. W., Douglas P. H. (1928). *A Theory of Production*. *American Economic Review*. 18. P. 139–165.

единоличного развития компании по причине недостатка собственных средств (что делает необходимым развитие акционерных форм собственности), и, во-вторых, многократно возрастающая сложность управления делает необходимой передачу этой функции профессионалам-менеджерам. Таким образом, подобное размывание собственности создает условия для формирования теорий бесклассового общества.

Дж. К. Гэлбрейт¹¹², следуя этой логике, отмечает уход с теоретической арены категории класса, определяющей отношение индивидов к собственности в пользу формирования «индустриального общества» — в этом случае в самом определении явно указывается на то, как технический прогресс меняет форму производства, задавая тем самым новый предмет исследования. Отличительной особенностью этой новой формы становится доминирование крупных корпораций, концентрирующих в своих руках большой потенциал технического прогресса. Происходит рост влияния внутренних механизмов планирования корпорации на рынок. Таким образом, увеличивающаяся роль планирования корпораций вкупе с возросшим вмешательством государства позволила говорить о конвергенции между капитализмом (ассоциирующимся с остающейся стихией рынка) и социализмом (обобществление собственности и планирование).

Рассматривая сами свойства техноструктуры, Дж. К. Гэлбрейт отмечает численный рост населения ее членов, что связано с ростом благосостояния большего числа работников (возможность купить акции и принимать участие в управлении), и рост компании (необходимость выпускать новые акции). Кроме того, возросшая наукоемкость производства создает более адекватные новому характеру труда формы взаимодействия работников. Крупная корпорация как создатель этих новых форм внутрифирменного взаимодействия вкупе с обладанием большими материальными ресурсами интерпретируется в качестве прогрессивной хозяйственной единицы, так как в ней находятся главные источники технического прогресса.

---

¹¹² Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.

Проблема внутрихозяйственных отношений стала центральной и в неонституционализме, хотя, безусловно, в нем рассматриваются институты в самом широком смысле слова. Ключевой причиной формирования этого направления можно назвать тенденцию, указанную самими представителями этого направления: по мере сокращения трансформационных издержек растут трансакционные издержки. По мере развития технического прогресса, большей специализации (так как растет ассортимент продукции) происходит обособление производителей друг от друга, что обостряет уже затрагиваемую ранее проблему ограниченности информации. Неонституционализм перенял у неоклассики концепцию методологического индивидуализма, принцип математического моделирования, что дало ему преимущества операциональности в сравнении с традиционным институционализмом¹¹³. В этой связи неонституционализм можно назвать продолжением неоклассики, который призван закрыть все растущую брешь трансакционного сектора, не рассматриваемого неоклассикой (формулировка О. Уильямсона). В то же время распространение неонституционализма ознаменовало собой и дальнейшее развитие междисциплинарных исследований, поспособствовав решению разобщенности социальных наук¹¹⁴.

Р. Коуз сделал акцент на исследовании фирмы как хозяйственного объединения¹¹⁵, целью которого является снижение трансакционных издержек, которые остаются минимальными при определенном размере фирмы¹¹⁶. Однако фирма не может стать крупнее, когда предельные внутрифирменные издержки превысят выгоды от сокращения трансакционных издержек. Знаменитая теорема Коуза также основана на необходимости минимума трансакционных издержек и спецификации прав собственности — в таком случае договор между конфликтующими сторонами будет идентичен стандартному рыночному обмену,

---

¹¹³ Шаститко А. Е. Методологический статус новой институциональной экономической теории // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 36–47.

¹¹⁴ Аузан А. А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1. – С. 173–176.

¹¹⁵ Коуз Р. Природа фирмы. – М.: Дело, 2001. – С. 33–91.

¹¹⁶ Как и Дж. К. Гэлбрейт, но на других, «трансакционных» основаниях, Р. Коуз выделял положительные последствия укрупнения фирм в противовес негативным следствиям монополизма.

описанному неоклассикой. Нужно отметить, что в качестве примера (который использовал и сам Коуз) наиболее часто используются негативные экологические последствия производства — экологическая проблема стала все больше актуализироваться в послевоенное время.

О. Уильямсон¹¹⁷ предложил классификации типов контрактов (классический, неоклассический, отношенческий), ресурсов (общие, специфические, интерспецифические), транзакционных издержек (издержки на поиск информации, ведение переговоров и заключение контрактов, измерения, спецификацию и защиту прав собственности, противодействие оппортунистическому поведению). Объекты изучения объединены термином «институт» как продукт общества, предназначенный для минимизации транзакционных издержек, сам факт существования которых имеет место в силу ограниченной рациональности индивида. Проблема оппортунистического поведения, занявшая особое место в теории О. Уильямсона и обостряющаяся при усложнении хозяйственных взаимосвязей, также возникает вследствие обнажения недостатка информации индивидами.

Г. Демсец и А. Алчиян сфокусировались на проблеме прав собственности как основе осуществления рыночного взаимодействия, разделив понятие титула собственности на актив и реальные возможности действий на основе этой собственности (пучок правомочий). Обладатели собственности на тот или иной ресурс добровольно объединяются в фирму (другие организации, действующие на рынке, также интерпретировались как институты с характерными пучками правомочий ее членов¹¹⁸), что автоматически означает свободу выбора и, следовательно, необходимость исполнения внутрифирменных обязанностей всеми ее членами. Однако имеющаяся склонность к оппортунистическому поведению вынуждает осуществлять контрольные функции, создавая тем самым проблему «принципал — агент».

---

¹¹⁷ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – СПб.: Лениздат, 1996.

¹¹⁸ Соответствие тех или иных пучков правомочий и задач, требующих с их помощью решения, становится критерием эффективности той или иной формы собственности в различных условиях.

При признании прочих теорий, безусловно, доминирующим в экономической науке стал кейнсианско-неоклассический синтез. Единство обеспечено за счет «делегирования» неоклассике микроуровня, на котором принимают решения фирмы, а также долгосрочного периода, обеспечивающего стабильность и общее равновесие. Кейнсианство «отвечало» за краткосрочный период и макроуровень. Дж. Хикс на основе анализа качественной характеристики товара разработал концепции предельной нормы замещения, эффектов дохода и замещения, что стало предпосылкой формализации микроэкономических функций, из которых впоследствии были выведены функции макроэкономические. Одной из главных является макро модель IS-LM Хикса — Хансена, продолжившая в формализованном виде кейнсианскую традицию анализа равновесия/неравновесия на рынках товаров и денег в условиях ограниченной занятости ресурсов. П. Самуэльсон¹¹⁹ разработал модель равенства совокупного спроса и совокупного предложения. *С самого начала после своей первой публикации учебник П. Самуэльсона «Экономикс», или, если сказать точнее, подход к экономической науке, заложенный в нем, стал лицом теоретического мейнстрима, отправным пунктом множества исследований¹²⁰.*

Выше были отмечены предпосылки усиления математизации (усложненная и укрупнившаяся система требует усложненного инструмента своего описания), а также появления и развития кейнсианства — учения о макроуровне экономической системы. *Кейнсианско-неоклассический синтез может интерпретироваться как соединение потребностей исследования макроуровня в математической среде с наличием исходных модельных предпосылок, формируемых на микроуровне. Их формирование на микроуровне обусловлено самим маржинализмом — объекты моделирования (спрос, предложение) были изначально выведены из предпосылки методологического индивидуализма, то есть микроуровня. Кроме того, возросший уровень*

¹¹⁹ Самуэльсон П. Основания экономического анализа. – СПб.: Экономическая школа, 2002.

¹²⁰ Giraud, Yann B. (2017). The Contestable Marketplace of Ideas: Paul Samuelson's Defense of Mainstream Economics Through Textbook Making, 1967–1976. THEMA Working Papers, No 2017-19.

вмешательства государства стабилизировал сложную систему: оставаясь неустойчивой в краткосрочном периоде, она все же приближалась к равновесию в долгосрочном. Это обеспечивало теоретическое единство кратко- и долгосрочных последствий, которое возможно было непротиворечиво отражать в моделях.

Математическому подходу рыночного равновесия противостояла концепция неоднородности капитала, высвечивалась ограниченность денежного подхода в ущерб оценке различия качественных сторон капитала. Это еще больше играло против формальных моделей, так как стиралась необходимая однородность вычисляемых элементов. Инфляционные процессы, возникавшие с развитием кредита и активного стимулирования спроса, в существенной степени «дискредитировали» деньги как объективную меру стоимости. Для решения проблемы идеального товара-измерителя П. Сраффа разрабатывал концепцию стандартного товара.

В Японии и Франции, поставивших задачу ускоренного наукоемкого развития, развивались теории планирования. Японские экономисты развили математическую интерпретацию теории К. Маркса для установления задаваемых планом определенных пропорций на рынке. В частности, в условиях перманентного технического развития стала актуальной проверка тенденции нормы прибыли к понижению, выраженной в работах К. Шибато и Н. Окишио. Ф. Перру зафиксировал, что именно крупные структуры влияют на развитие рынка в условиях того времени. Отмечая ограниченность капитализма, заключающуюся в безразличии капитала к источнику прибыли, обосновывался подход структурализма — рост основан на оптимальной отраслевой структуре, к которой подводит государственное планирование¹²¹. Отсюда выводились концепции гармонизированного роста и полюсов роста.

Пятый технологический уклад, имеющий корни развития относимых к нему технологий за долгие годы до собственного возникновения, многими исследователями называется самым значительным по влиянию на экономику

---

¹²¹ Важно отметить необходимость развитости математического аппарата в руках государства при планировании и целеполагании.

и иные общественные отношения людей. Следовательно, согласно подходу данной работы, за ним должен последовать коренной перелом в экономической теории. Стоит, тем не менее, сказать, что, во-первых, новые теории появляются с некоторым опозданием как реакция на некое изменение, а во-вторых, проходит время между появлением теории и ее продвижением к признанию. Кроме того, сама технология должна стать широко распространенной — достижения информатики, компьютеризация даже в наиболее развитых странах пошли в общее пользование спустя значительное время. Можно сказать, что компьютерная революция стала набирать максимальные обороты примерно в середине 1990-х с последующим фактически экспоненциальным развитием в XXI веке.

Однако исключать информатизацию и компьютеризацию как важнейшие характеристики пятого технологического уклада, возникшего в конце 1970-х и уходящего в последние годы, нельзя. Важно отметить, что это привело к распространению сетевых эффектов (например, интернет, мобильные телефоны). Этому периоду свойственен переход к развитию электронной промышленности, оптоволоконной технике, роботостроению, химии, биотехнологиям, космическим технологиям, телекоммуникациям. Совершенствовались атомные технологии, разработка новых видов энергии. 1970-е знаменуются новым витком ИТ-революции в связи с внедрением микрочипов.

Если говорить в целом, осуществлялось «уменьшение» производства в том смысле, что происходила обработка предметов труда на высокоточном уровне. Тем самым поднялась новая волна специализации по причине роста самого разнообразия товарной массы вкупе с увеличением числа производителей. Главными последствиями можно назвать резкое увеличение производительности труда за счет скачка в энергоэффективности. Это позволило высвободить ресурсы из материальной сферы, существенная часть которых перешла в финансовые отрасли. В развитых странах сфера услуг стала кратно превышать материальное производство в структуре экономик. Следует также отметить, что новые технологии для своего применения часто не требовали крупных капитальных затрат, что стало, условно говоря, реинкарнацией мелких

производств, особенно в сфере услуг. Процесс труда изменял свои формы, перемещаясь не только в предмете своего приложения, но и в характере. Все большее значение стало приобретать образование, творческие навыки, все человеческие умения, незаменимые машинами. Тем не менее сам факт интеллектуального труда автоматически вовсе не означает отсутствие его репродуктивности, стандартизации.

Как показали с помощью библиометрического инструментария Ф. Клевю и И. Жангра¹²², с 1970-х годов происходит бóльшая специализация внутри экономической науки, отход от общей теории. Это можно объяснить увеличением предметных областей, созданных новой реальностью (рост значения различных аспектов человеческого капитала, финансиализация и др.). Кроме того, авторы отметили тенденцию к большей математизации исследований, что в определенной степени можно назвать свидетельством усложнения экономических связей и потребностью в построении более сложных и разнообразных моделей (хотя, безусловно, очевиден и факт бóльших технических возможностей эконометрических исследований, а не только рост потребности в них). Критикуя данную работу с точки зрения потенциала библиометрического метода, М. де Фрой выделяет именно увеличение «спроса» со стороны макроэкономистов на эконометрику, а не решающую роль развития эконометрики самой по себе¹²³.

Скачкообразное увеличение доли сферы услуг, а значит, и рост обслуживающих «реальное» производство отраслей логически привели к особой, господствующей роли финансовую, банковскую сферу¹²⁴. Темпы роста объема рынка долговых ценных бумаг в несколько раз стали превышать темпы

---

¹²² Claveau, François and Yves Gingras (2016). Macrodynamics of Economics: A Bibliometric History. History of Political Economy 48 (4): 551–592.

¹²³ De Vroey M (2016). Bibliometric versus Inside-Knowledge History? An Assessment of Claveau and Gingras's «Macrodynamics of Economics: A Bibliometric History». Discussion Papers (IRES — Institut de Recherches Economiques et Sociales) 2016033, Université catholique de Louvain, Institut de Recherches Economiques et Sociales (IRES). Тем самым говорится о необходимости изучения глубинных причинно-следственных связей для раскрытия содержания развития теории, в то время как описание показателей цитируемости по различным областям имеет весьма ограниченный потенциал.

¹²⁴ Рязанов В. Т. (He)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. - М.: Экономика, 2016. - 695 с.

роста промышленности в мире, достигнув к 2014 г. 21,9 трлн долл. (промышленность — 20,2 трлн долл.¹²⁵). Вследствие этого именно кредитно-денежная политика, обеспечивающая экономику деньгами, виделась монетаристами практически единственным необходимым инструментом — в частности, из этого исходила теория номинального дохода (соответствие объема денег и масштабов производства). Подтверждение этому можно найти в особой роли концепции адаптивных ожиданий. В ведущих американских журналах количество статей, посвященных непосредственно финансовым рынкам, начало устойчиво расти с 1970-х годов до наших дней¹²⁶.

Еще дальше в вопросе влияния ожиданий пошли представители теории новых классиков. Краеугольным камнем этого направления стала теория рациональных ожиданий. Еще больше увеличившийся финансовый сектор является причиной еще большего воздействия поведения агентов финансового рынка на всю экономику. Так как финансисты по роду своей деятельности более тщательно исследуют последствия действий регулятора относительно работающих в других отраслях, то их более детальная, «рациональная» реакция в большей степени становится реакцией рынка в целом. Ранее роль менее чутко реагирующих на каждое действие монетарных властей приводила к более «простой» реакции¹²⁷, отражаемой в моделях как адаптивные ожидания. Еще ранее ожидания играли в теориях подчиненную роль, если им вообще уделялось внимание.

Ключевым положением монетаризма была необходимость следования монетарному правилу с целью избегания инфляции. Высокая инфляция, как известно, приводит к повышению стимулов потребления по причине обесценивания сбережений. ***Однако новые производства и технологии требовали новых инвестиций со стороны, в том числе, новых и неокрепших***

---

¹²⁵ Цит. по: Комолов О. О. Характеристика современного капиталистического развития и его противоречия: финансовый аспект // Вестник института экономики Российской академии наук. — 2015. — № 3. — С. 135–151. Нужно оговориться, что в развитых странах тенденции финансиализации еще сильнее, так как в мировом масштабе ряд развивающихся стран именно за свой счет повышал долю промышленности.

¹²⁶ См. Теняков И. М. Публикации в экономических журналах США: основные тенденции // США и Канада: Экономика, политика, культура. — 2013. — № 12. — С. 113–122.

¹²⁷ Реакция понимается одновременно как действие постфактум и как действия, основанные на ожиданиях.

маленьких фирм для своего ускоренного внедрения. Таким образом, антиинфляционная теория монетаризма послужила теорией стимулирования инвестиций (для поддержания спроса параллельно осуществлялся масштабный потребительский кредит). Это означало возвращение теории к стороне предложения после периода «спросоориентированного» кейнсианства.

Кроме того, «инвестиционная ориентация» предопределяет акцент на долгосрочном периоде (и, соответственно, предпосылку о гибкости цен), так как производители, принимая те или иные инвестиционные решения, анализируют главным образом долгосрочные последствия, а не кратковременные рыночные колебания.

Основы экономической политики, использовавшейся с конца 1970-х, были сформулированы М. Фридманом в президентском послании в Американской экономической ассоциации 1968 года¹²⁸. Между формулировкой идеи, их признанием и применением прошел заметный временной промежуток, связанный с тем, что изъяны кейнсианства, направления-конкурента, на практике долгое время явным образом не проявлялись.

Новые производства, требовавшие новых, еще недостаточно освоенных профессиональных качеств работника, существенно увеличили структурную безработицу, обострив тем самым проблему безработицы в целом. Теория предложения, как и монетаристская, была направлена на стимулирование займов для компаний. Однако акцент делался не на денежном рынке (действия властей на нем как раз критиковались, так как они искажают рыночные сигналы — тем самым фиксировалась проблема информированности, усугубившейся при росте финансового рынка и новых производств). В качестве источника инвестиций выделялись средства, освобожденные от налогообложения. Перераспределение инвестиционных ресурсов от государства обосновывалось среди прочего тем, что государство чаще вкладывается в долгосрочные проекты. Однако новые

---

¹²⁸ Farmer R. The Role of Financial Policy. NBER Working Paper No 24498, April 2018. Основной работой М. Фридмана, включавшей в себя положения монетаризма, можно назвать: Фридман М. Количественная теория денег. М.: Эльф-пресс, 1996; Фридман М. Основы монетаризма. – М.: ТЕИС, 2002.

технологии и новые компании требовали срочных инвестиций для победы в конкурентной борьбе.

В теории новых кейнсианцев в большей степени отразились тенденции качественных изменений внутри реального производства, чем в экономике в целом, все больше уходящей под влияние финансового сектора. Рост интеллектуального, креативного труда по своей сущности означает уникальность работника, обладающего специфическими знаниями и уникальным творческим началом. Сам же этот труд по своей сущности означает усложнение контроля за ним. Согласно подходу модели уклонения наемных работников К. Шапиро — Дж. Стиглица¹²⁹, это повышает склонность работников к получившему распространение термину «отлынивание». С целью большей мотивации работников, а также привнесения страха потери рабочего места устанавливается повышенная заработная плата, автоматически повышая устойчивый уровень безработицы и увеличивая численность «резервной армии».

Факт уникальности труда отдельного креативного работника при том, что фирма, нуждаясь в знаниях работников, всегда предпочтет «меньше, да лучше», делает работника в большей степени монополистом на рынке труда. Кроме того, усложнение рынков, внутрикорпоративных отношений вынуждает собственников компаний делегировать полномочия управления наемным менеджерам. Эти факторы приводят к большей переговорной силе наемных работников на рынке, прежде всего, безусловно, высшего звена. Новые кейнсианцы разработали теорию инсайдеров-аутсайдеров, где выделяется эта повышенная сила, также приводящая к увеличению заработной платы.

Наконец, стоит отметить теорию неявных контрактов. В ней отразилась тенденция заключения долгосрочных договоров между работодателем и работником с наличием фиксированной не ниже определенного уровня заработной платы и страхового контракта. Фирма заинтересована в удержании работника (если он окажется для фирмы высокопроизводительным) во избежание

---

¹²⁹ Shapiro C. and Stiglitz J. (1984). Equilibrium unemployment as a worker discipline device // American Economic Review, June 1984.

издержек на поиск и обучение нового работника, так как труд этого работника уникален. Сам же работник заинтересован в стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Кроме того, так как труд и его результаты непредсказуемы, фирма привлекает работника сохранением зарплаты в случае временных неудач. Однако если неудачи слишком велики, фирма получит страховую компенсацию, которая покроет издержки.

Три вышеотмеченные теории новых кейнсианцев служат основой их макроэкономических взглядов и предложений по экономической политике.

Институционализм времени развертывания третьей промышленной революции в явном виде воспринял качественные изменения экономической системы, сделав в большинстве случаев сами эти изменения непосредственным предметом изучения.

П. Друкер¹³⁰, взяв информацию в качестве ключевого средства производства, сформулировал понятие экономики знаний. Новое состояние экономики основано на перманентном внедрении инноваций, которые, по П. Друкеру, намного эффективнее создаются в малых компаниях по сравнению с крупными корпорациями и бюрократизированным государством. Эффективность обосновывается через исследование изменения внутрифирменного взаимодействия.

Э. Тоффлер исследовал взаимосвязь сдвигов в экономике с переменами во всей общественной жизни. Кардинальность сдвигов означает и высокую степень изменения психологических установок людей, образа жизни, модели расселения и т. д. Автор пишет: «На заре нового столетия мы являемся прямыми или косвенными участниками строительства новой цивилизации и революционной системы богатства, которая составляет ее ядро»¹³¹. В частности, электронная революция приводит к рассеиванию производства, а не его концентрации, как

¹³⁰ Drucker P. Post-Capitalist Society. N.Y. City: Harper Business, 1993.

¹³¹ Тоффлер Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 569 с. С. 557.

было раньше. Характерной чертой этой эпохи, «третьей волны»¹³², становится индивидуализация производства с большей «обратной связью» конкретного потребителя в противовес массовому производству для общего абстрактного рынка. С точки зрения реальных двигателей инновационной экономики выделяется адхократия — относительно мелкие группы, создаваемые для выполнения конкретных проектов.

Д. Белл¹³³, разработавший теорию постиндустриального общества, в которой были отражены качественные отличия новой экономики от прежней, развивая гэлбрейтовскую теорию конвергенции¹³⁴, обосновывает преимущество крупных компаний как владельцев достаточно крупных средств и наиболее ценных людских ресурсов (меритократии) для постоянного инновационного процесса¹³⁵. Несмотря на негативные экстерналии, создаваемые корпорациями, в их пользу говорит планомерность как прогрессивный инструмент для постиндустриального мира.

Общей тенденцией развития институционализма стал переход к исследованию качества жизни, имеющего гораздо более широкое значение, чем обеспеченность исключительно материальными благами. Достижение уровня производительности, достаточно высокого для широкого удовлетворения материальных потребностей, логичным образом обусловило постановку вопроса о всестороннем развитии человечества. Кроме того, материальное производство обострило экологическую проблему, по-новому стали ставиться вопросы урбанистики, сетевых отношений (М. Кастельс¹³⁶) — это дало ускорение развитию дискуссий о качестве жизни в максимально широком смысле слова.

---

¹³² Первая волна — аграрное, преимущественно феодальное общество, вторая — индустриальная капиталистическая стадия.

¹³³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Academia, 2004. — 788 с.

¹³⁴ Нужно сказать, что со временем Дж. К. Гэлбрейт подкорректировал свою точку зрения в сторону большего пессимизма в отношении деятельности крупных корпораций, вырождавшихся в монополизм со всеми свойственными ему негативными последствиями.

¹³⁵ Однако, как отмечает В. Л. Иноземцев, анализируя теорию Д. Белла, на практике хозяйственные структуры с большим опозданием реагируют на новые технологические условия. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3.

¹³⁶ Castells M. The Rise of the Network Society. Malden-Oxford: Blackwell, 1996.

Историзм, свойственный «традиционной» ветви институционализма, в данном случае пошел не только «назад», но и «вперед» — много внимания уделялось футурологии (Э. Тоффлер, Т. Сакайя и другие). Это можно объяснить уникальностью новой технической революции, которая кардинально преобразила весь мир в целом¹³⁷. Революционность изменений, разворачивающихся со стремительной скоростью, вызывает повышенный исследовательский интерес не только к тому, как система развивалась раньше, но и к тому, что ждет общество в обозримом будущем, как нужно готовится к ближайшим (но оттого не менее резким) изменениям, стоит ли разрывать с рядом нынешних норм, институтов, чтобы не опоздать за ходом истории.

Д. Норт, представитель неоинституционального направления, также придерживался исторического подхода в своем главном исследовании¹³⁸. Отмечаемая тенденция кратного роста трансакционных издержек и интерес к развитию истории на фоне стремительного изменения экономики по сравнению с предыдущими этапами стали основой становления концепции новой экономической истории. Математические методы неоинституционализма, применяемые в историческом исследовании, дали рождение клиометрике. Ход истории, ее прогрессивность оценивались из эффективности институтов (как формальных, так и неформальных, к которым добавлялись привычки, особенности менталитета, идеология и т. д.), то есть их способности минимизировать трансакционные издержки. В ходе исследования был определен эффект инерционности институтов (*path dependence*).

Принципиально новым направлением экономической теории, появившимся в 1970-х, стал экономический империализм. Предмет исследования переместился по большому счету на все уровни социальных взаимодействий (рынки образования, браков, преступности, удовлетворенности жизнью и другие). Метод и исходные предпосылки (рациональный потребитель-максимизатор) были

---

¹³⁷ А. Бузгалин и А. Колганов пишут, что сравниться с ней может разве что неолитическая революция. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: Ленанд, 2015. – 640 с. (Размышляя о марксизме. № 100; Библиотека журнала «Альтернативы». № 50.)

¹³⁸ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. I. 1993. Вып. 2.

привнесены из неоклассики. *Актуальность обращения к различным сторонам общественной жизни человека вызвана повышением роли самого человека в новой модели производства, основанной на знаниях. Экономический империализм, можно сказать, продолжил процесс закрытия белых пятен неоклассики: неинституционализм заполнил брешь ограниченной рациональности и связанных с ней трансакционных издержек, экономический империализм затронул неэкономические в прежнем понимании аспекты жизни человека.*

В контексте данной работы важно отметить, что еще с маржиналистской революцией в теории произошел предметный сдвиг от исследования движения материальных благ к вопросу поведения индивида, то есть методологический потенциал в определенной степени был заложен еще во второй половине XIX века¹³⁹. *Однако появление методологических основ само по себе не подразумевает дальнейшее формирование и распространение теории. В данном случае особо важными оказались материально-технические предпосылки, вызвавшие внимание к разным сферам человеческой деятельности.*

Особое место заняли теории образования. В частности, теория человеческого капитала Т. Шульца¹⁴⁰ и Г. Беккера¹⁴¹, вытекающая из нее концепция обгона Д. Минцера и противостоящая ей по выводам, но совпадающая по предмету исследования теория сигнализирования М. Спенса. Специфика и важность обращения к проблемам политики, государства, общественного выбора, сформировавших теории политических рынков и новой политической экономики, обусловлена ростом роли государства, идущим со времен Дж. М. Кейнса. «Большое» государство в более ярком свете показало свои внутренние проблемы пороков бюрократии — это стало основой критики активности государства Дж. Бьюкененом, Г. Таллоком, У. Нисканеном.

---

¹³⁹ Автономов В. С. От «экономического империализма» к стремлению к взаимообогащению // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 173–176.

¹⁴⁰ Schultz T. The Economic Value of Education. N.Y., 1963

¹⁴¹ Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / предисл. Р. И. Капелюшников. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2003.

Интересно отметить востребованность некоторых идей Ф. фон Хайека, когда внимание к фактору информации стало велико. Однако часто эти идеи внедряются в другие исследовательские (в частности, в неинституциональные) направления, которые нельзя отнести непосредственно к неоавстрийской школе. Иногда авторы, использующие хайековские положения теории информации, приходят даже к противоположным выводам, например к обоснованию необходимости государственного регулирования¹⁴².

Современный этап развития технологий может называться одновременно переходным и предваряющим новый скачок в развитии. В геометрической прогрессии растет мощность компьютеров, что позволяет говорить о повсеместности информационных технологий в развитых странах. Как отмечает С. Д. Бодрунов¹⁴³, в настоящее время имеет место ускорение ускорения использования знаниеемких новшеств в производстве. Начинают постепенно внедряться научные достижения шестого технологического уклада, связанные с еще более точной степенью переработки материалов и позволяющие создавать новые и более качественные продукты. По состоянию на 2015 г. было зарегистрировано почти 20 000 патентов (в странах ОЭСР) в сфере разработок искусственного интеллекта (в 2005 г. было немногим более 10 000)¹⁴⁴.

Однако шестой технологический уклад все же пока только начинает первыми изобретениями проникать в хозяйственную жизнь самых развитых стран. В то же время количественно и качественно развилось производство продуктов пятого технологического уклада (согласно ряду исследователей, уже достигнут предел развития этой технологической стадии).

Общее развитие производительности труда высвободило еще больше ресурсов из материальной сферы. Огромные средства были направлены на

---

¹⁴² Особенности поворотов развития идей Ф. фон Хайека отражены в Bowels S., Kirman A. M., Sethi R. (2017). Retrospectives: Friedrich Hayek and the Market Algorithm. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 31, No 3, Summer 2017 (p. 215–30).

¹⁴³ Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. – М.: Культурная революция, 2016.

¹⁴⁴ OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017 The Digital Transformation / OECD, 2017. P. 22.

*финансовые рынки, в инструменты развития бизнеса (консалтинг, маркетинг)*¹⁴⁵.

Стоит отметить углубление мирового разделения труда, бóльшую глобализацию мировой экономики. При этом основные технологии находятся главным образом в руках крупных компаний, что отличает нынешнюю ситуацию от периода начала внедрения новых технологий, когда, условно говоря, все начинали с нуля. Тем самым формируется ситуация неравномерного доступа к ключевым ресурсам современного мира даже внутри развитых стран, не говоря уже обо всем мире в целом, растет мощь деловых групп, контролирующих рынки высоких технологий («силиконовые султаны»)¹⁴⁶. Общий уровень монополизма, рыночной власти, доминирования транснациональных компаний возрос до очень высокого уровня — крупнейшие корпорации имеют годовые выручки в несколько десятков миллиардов долларов¹⁴⁷. Последствием этого можно назвать возросший уровень неравенства — эта проблема получила толчок актуальности после кризиса 2007–2009 годов.

Обострились проблемы, которые можно назвать экстерналиями экономического развития. Их причины связаны, прежде всего, с технологическими основами производства и его высоким объемом. При наличии оружия массового уничтожения остра проблема военного взаимосдерживания, растущее неравенство провоцирует массовую преступность. Актуальны проблемы нехватки природных ресурсов, шаткости экологической системы, геополитических, культурных конфликтов (связанных во многом с наличием специфических проблем развивающихся стран, от которых не могут изолироваться развитые по причине все той же глобализации)¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵ Иллюстрацией может служить почти полуторакратный рост мировых расходов на рекламу при существенно отстающей динамике реальных доходов развитых стран (именно в развитых странах базируется большинство заказчиков рекламного продукта). [http://www.vi.ru/\(S\(hlk5ig45nzuwnu55gsx04ana\)\)/pubId.aspx?id=684](http://www.vi.ru/(S(hlk5ig45nzuwnu55gsx04ana))/pubId.aspx?id=684) — сайт компании Vi — крупнейшего оператора рекламного рынка в России и Восточной Европе. На сайте ссылки на ряд исследований динамики рекламного рынка.

¹⁴⁶ Чибриков Г.Г. Тенденции развития финансового капитала: от советской политэкономии к современности // Вопросы политической экономии. — № 1. — 2018. — С. 124–135.

¹⁴⁷ Сайт Fortune // URL: <http://fortune.com/fortune500>.

¹⁴⁸ Всесторонний подход к постановке и анализу этих проблем изложен в: Атлас Le Monde diplomatique. Под ред. И. Рамоне, А. Греша, Ж. Радваньи, Ф. Рекацевича, К. Самари, Д. Видаля. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2006. — 218 с.

Современный этап развития теоретической мысли рядом исследователей называется кризисным (в частности, А. Г. Худокормов пишет: «Современный кризис экономической теории Запада будет, по всей видимости, затяжным»¹⁴⁹), на основе того, что старая теория не справляется с вызовами времени, а новая теория еще не сформировалась, и ее элементы во многом строятся на отрицании старого, но не создании нового. Можно согласиться с мнением Г. Б. Клейнера: «Есть основания полагать, что в экономической науке возникла своеобразная стагфляция — сочетание застоя и снижения предсказательной силы экономической науки, в связи с чем экономическая политика теряет свою эффективность»¹⁵⁰. Необходимо поддерживать разнообразие теоретического арсенала для всестороннего противодействия кризисным явлениям, так как в наше время упредить, смягчить последствия экономических потрясений за счет какой-то единственной теории-«панацеи» не получится¹⁵¹. Тем не менее важно отметить основные элементы нарождающегося контура новой теории.

С 2000-х годов наблюдается рост цитируемости гетеродоксальных экономистов по сравнению с очень низким уровнем, имевшимся с 1970-х годов¹⁵², что свидетельствует о переменах в восприятии экономической реальности, вызванных существенными трансформациями. Хотя в то же время существует и курс на «монополизацию»: доля цитат 1 % самых цитируемых работ возросла с 3 % в 1950-е годы до 14 % в 2016 г. Коэффициент Джини в распределении цитат на данный момент составляет 0,72, что существенно больше по сравнению, например, с физикой¹⁵³. Таким образом, новые условия повышают остроту проблем, увеличивая и поляризацию мнений в дискуссиях.

---

¹⁴⁹ Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 38 с.

¹⁵⁰ Клейнер Г. Б. Системная экономика — платформа развития современной экономической теории // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – Т 1. – 2015. – № 2. – С. 136–143. С. 137.

¹⁵¹ Шерстнев М. Экономическая наука и экономическая политика: влияние мирового экономического кризиса // Общество и экономика. – 2011. – № 7. – С. 131–142.

¹⁵² Glötzl, Florentin and Aigner, Ernest (2017). Six Dimensions of Concentration in Economics: Scientometric Evidence from a Large-Scale Data Set. Ecological Economic Papers, 15. WU Vienna University of Economics and Business, Vienna. Авторами рассматривалась база данных Thomson Reuters' Web of Science.

¹⁵³ Там же.

Получает развитие поведенческая экономика, в которой отражены характер и последствия неполной рациональности индивидов, что более ярко высвечивается при усложнении экономической системы, а также развитию финансового, транзакционного секторов, где неравенство и неполнота информации является самой сутью этих рынков, основой получения доходов. Заново актуализируются концепция ограниченной рациональности Г. Саймона, поведенческая теория фирмы Г. Марча — М. Сайерта. Исследуя глубинные основы принятия решений индивидами, показывается отдаленность реального механизма принятия решений от модели полной рациональности, исходя из психологических особенностей человека (М. Алле, А. Тверски, Д. Канеман)¹⁵⁴. Иррациональность поведения отражена также в «эффекте якоря» Р. Шиллера. Таким образом, был создан запрос на развитие теорий информации. В частности, была высвечена все обостряющаяся проблема асимметрии информации, нежелательного отбора (анализ рынка «лимонов» Дж. Акерлофа и Дж. Стиглица)¹⁵⁵. Тем самым обосновывалась идея всеобщего распространения информации за счет государственных мер.

Большее распространение получают теории сторонников «левого» и нового кейнсианства, отражающие современные проблемы вынужденной безработицы, множественности состояний равновесия, высокого неравенства и бедности. Неслучайно бестселлером и, по мнению многих, главной книгой последних лет стало произведение Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»¹⁵⁶. Имеют популярность работы П. Кругмана — как научные, так и публицистические¹⁵⁷. Распространяется концепция современной монетарной

---

¹⁵⁴ Идею необходимости закрепления в мейнстриме теорий, основанных на психологическом аспекте человека, обосновывает Ю. Я. Ольсевич, исходя из многосторонней сущности человека и усложнения экономической системы. См. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). — М.: Институт экономики РАН, 2013. — 46 с.

¹⁵⁵ Теория информации и процесс ее распространения в академической среде рассматривается в работах О. Н. Антипиной: Антипина О. Н. Проблемы измерения национального богатства в широком смысле // Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца. — Рыбинск: Офис, 2010. Глава 7. — С. 105–122; Антипина О. Н. Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.

¹⁵⁶ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

¹⁵⁷ См., например, Кругман П. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s 3rd ed. Cambridge (Ma.). L., 1998; Кругман П. Великая ложь. — М.: АСТ, 2004. П. Кругман также на регулярной основе ведет колонку в популярной газете The New York Times.

теории (Modern Monetary Theory), хотя отмечается ограниченность ее потенциала в связи с большим упрощением при построении моделей¹⁵⁸.

Явно просматривается возрождение интереса к классической политической экономии, прежде всего к марксизму, использующему исторический метод и особо акцентирующему внимание на пороках капитализма, классовых противоречиях. Последствия глобализации, противоречия между экономическим «Центром» и «Периферией», необходимость повышенного внимания к социальной сфере становятся причиной большего скепсиса по отношению к неоклассике и обращения к более широкой и глубокой по своему охвату политической экономии¹⁵⁹.

В этой связи нужно отметить, что в последние десятилетия произошло предметное и методологическое расхождение концепций, относимых к политической экономии, но при этом нельзя говорить о ее разложении и забвении¹⁶⁰. Таким образом, рост внимания к политической экономии основывается не только на переосмыслении работ «классиков», но и на теоретических достижениях недавнего времени.

Говоря в целом, «в зависимости от переосмысления прежде происходила смена лидерства двух официальных ветвей: «неоклассики» и кейнсианства. Но теперь наблюдается фронтальная критика всей официальной экономической теории, которая заслужила обвинения в отрыве от реальности...»¹⁶¹. Растет число и актуальность исследований, посвященных всестороннему анализу качества жизни (например, экономика счастья, ноосферные концепции). Своеобразным символом этой тенденции служит знаменитый доклад комиссии под

---

¹⁵⁸ Palley, T (2019), “What’s Wrong With Modern Money Theory (MMT): A Critical Primer”, IMK, FMM Working Paper no. 44, March.

¹⁵⁹ Пороховский А. А. Эволюция рыночной экономики в зеркале политической экономии // Российский экономический журнал. – 2008. – № 1–2. – С. 57–71. Стоит отметить, что эта статья была опубликована еще до проявления кризиса в явной форме; Дзарасов Р. С. Предмет политической экономии и мировое хозяйство // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 193. – 2015. – С. 141–150.

¹⁶⁰ Mayntz, Renate (2019). Changing perspectives in political economy, MPIfG Discussion Paper, No. 19/6, Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne

¹⁶¹ Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений. // Экономист. – 2012. – № 3. – С. 62–68. С. 62.

руководством Дж. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фитусси¹⁶², подготовленный по поручению президента Франции Н. Саркози.

Перемена технологий, вызывающих качественное изменение экономической системы в конце XX — начале XXI веков, нашла прямое отражение в концепциях технико-экономических эволюций. Г. Менш разработал теорию кластеров (внедрение базисных инноваций определяет длинные волны экономической динамики), включающую в себя проблему технологических патов. Получила распространение теория подрывных и улучшающих инноваций К. Кристенсена¹⁶³. В рамках учения последователей этих теорий фиксировалась тенденция отставания институциональной структуры от новых вызовов технологической среды (К. Фримен — К. Перес, А. Грублер — Н. Накиценович).

Проблема эволюции институтов была развернута в более общем виде (не только в контексте резкого развития технологий), что отражает имеющийся факт институциональной инерционности. Р. Нельсон и С. Уинтер констатировали стремление фирм к стабильности, к выполнению стандартных, хорошо известных операций — «рутин». Переход к следованию новым условиям сопрягается с дополнительными издержками и неопределенностью. Продолжилась активная разработка теорий «path dependence», QWERTY-эффекта как на микро-, так и макроуровнях. Происходит переосмысление предмета экономической науки. Так, Д. Ходжсон и Э. Скрепанти указывают на необходимость расширения предмета экономической науки в пользу изучения более широкого круга социальных отношений¹⁶⁴.

---

¹⁶² Сайт Комиссии по измерению экономического развития и социального прогресса. <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>. Анализ ее основных выводов представлен в: Иванов Ю. Н. О докладе Комиссии Дж. Ю. Стиглица по вопросу об измерении экономического развития и социального прогресса (информация Статкомитета СНГ) // Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца. — Рыбинск: Офис, 2010. Глава 19. — С. 275–279; и Малахинова Р. П. Национальный продукт и благосостояние в связи с докладом Комиссии Дж. Стиглица об измерении экономических результатов и социального прогресса/продолжение дискуссии // Национальное богатство и национальный продукт. Книга II: Монография / под ред. В. Н. Черковца. — М.: ТиРу, 2012. Глава 2. — С. 33–54.

¹⁶³ <http://www.claytonchristensen.com> — его персональный сайт.

¹⁶⁴ Hodgson G. M., Screpanti E. (editors). Rethinking Economics: Markets, Technology and Economic Evolution / Edward Elgar: Aldershot, 1991. P. XI + 206.

Впрочем, не стоит преувеличивать степень отхода экономической науки от прежних «канонических» теорий. Как было указано выше, пока действуют предпосылки, которые привели к распространению маржинализма, основания современных мейнстримных теорий будут сохраняться. Это отражается и в политике Нобелевского комитета при присуждении премий, и в целом в отношении западной профессуры к неоклассике¹⁶⁵.

---

¹⁶⁵ Симочкин Д. И. Нобелевская премия по экономике 2016: теоретические и практические аспекты // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 62. – С. 231–250.

Глава 3. Технологические трансформации и развитие экономической теории: потенциал практического использования, инструменты прогнозирования

3.1. Развитие экономической теории: интерпретация роли производительных сил

Главным выводом исторического исследования можно назвать *наличие закономерностей развития школ экономической теории, которые во многом являются следствием технологического прогресса*. Безусловно, нельзя отрицать воздействие других факторов, однако анализ, построенный на абстракции от этих факторов, позволил применительно к разным историческим этапам показать устойчивые закономерности адаптации экономической теории под меняющиеся нужды и условия практики. Тем самым отрицается идея о повсеместности, постоянности, универсальности какой-либо отдельной теории. В то же время это не означает по умолчанию невозможность самой теории эволюционировать, сохраняя методологический подход, основные предпосылки, хотя необходимость ее адаптации, корректировки ряда положений имеется.

Тем самым обосновывается высокий потенциал историко-материалистического подхода при исследовании закономерностей развития экономической теории. При этом стоит выделить не только опосредованное производственными отношениями влияние производительных сил на содержание научных концепций, но и прямой характер данного воздействия.

Отклик теории иногда заключается в непосредственном обращении к проблеме последствий технико-экономических изменений. Другими словами, экономисты-теоретики явно или подспудно берут за отправную точку своих исследований технологические трансформации. Примерами можно назвать формирование идей школы физиократов (выделение сельского хозяйства в качестве единственного источника богатства в условиях однозначного доминирования этой отрасли в структуре производства), ряда аспектов теории А. Смита (объяснение преимуществ разделения труда на примере мануфактуры),

некоторых направлений институционализма (концепции постиндустриального общества).

Однако в большинстве случаев воздействие технологий на экономическую мысль является опосредованным и многоступенчатым, проходящим иногда через продолжительные временные лаги. Технологии в существенной степени определяют производственный каркас экономической системы, которая в свою очередь своим существованием задает исследовательские условия и рамки для теории.

Важно отметить неравномерность осуществления технологических изменений. Иногда имеет место лишь постепенное увеличение производительности труда на старом технологическом базисе, а иногда осуществляется технологическая революция, качественно меняющая хозяйственную систему (характер труда, внутрифирменные взаимодействия, уровни информационной стабильности и т. д.). Это означает, что коренной технологический перелом через некоторое время оказывает значительное воздействие на теорию. При этом может иметь место существенный разрыв во времени ввиду, во-первых, растянутого во времени внедрения новых технологий, технологической многоукладности, а во-вторых, не мгновенного восприятия теорией новых вызовов. Тем самым можно говорить не только о той или иной стадии технологического развития, но и о соответствующих им, так же скачкообразно меняющихся парадигмах теории, своего рода «теоретических укладах».

Подобные «теоретические уклады» не следует понимать как набор явно отличающихся друг от друга систем теоретического знания, по времени совпадающих с соответствующими технологическими укладами. *Подразумевается лишь, что возможно проводить классификацию отдельных стадий развития экономической теории в рамках определенных исследовательских направлений* по разным критериям, в основе которых «заложена» технико-экономическая составляющая.

Примером может служить большее обращение к «левым» или «правым» теориям в зависимости от того, насколько исчерпанным является потенциал экономического роста от массового внедрения нового класса техники — в начале работы упоминалась концепция А. Г. Худокормова.

Можно сказать и о «технологической» составляющей, которая обусловила расширение предметного поля работ, за которые вручались премии по экономике памяти А. Нобеля. Так, с 1990-х годов все большее число институционалистов стало удостаиваться этой награды. Это в определенной степени можно объяснить тем, что с конца XX века выросла значимость человеческих качеств (знаний, творческих навыков и т. д.) как ресурсов производства, что было предопределено последствиями внедрения достижений пятого технологического уклада. Данные процессы естественным образом стали вызывать повышенный исследовательский интерес.

Впоследствии можно выделить немало подобных критериев, которые определяются целями исследований, лежащих уже в области истории экономической мысли.

Косвенным доказательством главного вывода исследования может служить то, что ряд идей, предложенных «не в то время и не в том месте», не получили достаточного признания и распространения, хотя по своему содержанию были максимально близки к своим поздним «аналогам». Например, меркантилисты Н. Барбон, Б. Давандцати, физиократ А. Р. Ж. Тюрго задолго до маржиналистской революции разработали термин полезности, определяющей спрос и предложение. Категорию полезности использовал и классический политэконом Ж. Б. Сэй, выведший наполнение категории богатства за материальные рамки. А. О. Курно еще в первой половине XIX века создал модель олигополистического рынка, но лишь спустя почти век теории несовершенной конкуренции получили свое распространение. Ж. Дюпюи раньше А. Маршалла ввел в оборот категорию потребительского излишка. Если же говорить об идеях и концепциях, впервые появившихся в докапиталистическое время, то таких примеров будет целое множество.

Таким образом, чтобы теория стала распространенной, она должна получить соответствующую ей область применения. В этой связи можно сказать, что экономистам, на чье время пришлось «классическое», стабильное состояние системы, «повезло», так как и теория их времени становится классической. Так, А. Смит жил во время развитой стадии мануфактурного капитализма, К. Маркс застал «классическое» состояние индустриального капитализма с высокой степенью обособленности участников рынка, время Дж. М. Кейнса совпало с высокоразвитым индустриальным капитализмом, характеризующимся тесной сращенностью, взаимозависимостью экономических агентов друг от друга и монополизмом.

Под экономической реальностью понимается реальность, характерная для развитых стран. ***Именно актуальные проблемы наиболее благополучной части мира задают повестку дня экономической науки, формируя тем самым заказ для теории.*** Проблемы же развивающихся стран отражаются в доминирующей части экономической теории главным образом лишь в той мере, в какой они опосредованно становятся проблемами развитых стран. Это положение можно обосновать довольно просто, так как в противном случае соответствие между технико-экономической и теоретической средами было бы иным. Например, сейчас внимание ведущих школ к вопросу ускоренного развития на аграрном и раннеиндустриальном базисе, к решению проблемы массовой бедности, сокращению цифрового неравенства (4 миллиарда человек по-прежнему не имеют доступа к интернету¹⁶⁶) было бы не меньше, чем к проблеме составления эффективного контракта с сотрудниками высокотехнологичного предприятия. Однако это не так.

Данная ситуация при этом не означает, что полученные выводы не могут быть использованы по отношению к экономикам менее развитых стран, в том числе России. Тем не менее в дискуссиях о заимствовании того или иного успешного зарубежного опыта следует сопоставлять условия, в которых они

---

¹⁶⁶ Данные сайта Всемирного банка. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2016/01/13/digital-revolution-needs-offline-help-to-realize-its-potential>.

осуществлялись. Одна экономико-политическая мера может эффективно сработать в одной среде, но провалиться в другой. Соответственно, определенную теорию всегда необходимо воспринимать критически с точки зрения ее применимости в российской среде.

Российские экономисты по понятной причине своей национальной принадлежности уделяют большое внимание проблемам отечественной экономики. Однако нужно отметить, что в таком случае исследователь значительно снижает свои шансы получить широкое признание за рубежом¹⁶⁷. Вероятность получить мировую известность намного выше, если специализироваться на вопросах повестки развитых стран, даже если та или иная теория считается универсальной. Это означает заведомо проигрышную позицию российских экономистов, что влечет ряд следствий для изучения российской экономической школы в целом. К примеру, рассматривая низкие показатели цитируемости отечественных исследователей в ведущих мировых изданиях, не совсем правильно только на этой основе говорить о малой продуктивности авторов или неэффективности научно-образовательной системы. Также некорректно механически задавать некие «нормы» цитируемости, определяя лишь по этому профессионализм ученого, так как он может оказаться жертвой выбранной темы, которая малозначима в академической среде развитых стран, но очень важна для России.

При этом не стоит считать ситуацию безнадежной. Так как если удастся разработать и реализовать парадигму, которая максимально приблизит Россию к экономически ведущим странам, то ее авторы получат заслуженное признание мирового научного сообщества (как, например, в свое время это случилось с немецкой исторической школой).

Констатированное положение об уникальности каждого периода, определяющее отсутствие повторяемости теории, не отменяет возможности на основе историко-логического анализа сделать обобщения,

---

¹⁶⁷ Можно, безусловно, стать мировым лидером гетеродоксального направления, но за счет меньшего признания этого направления в целом его лидер будет лишен максимальной известности.

касающиеся условий, при которых актуализируется конкретный элемент теории.

Можно выделить основные предметно-методологические особенности рассматриваемых теорий. По методу это историзм, математическое моделирование и во многом противостоящий ему дескриптивный метод аргументации (включающий в себя логику, диалектику), междисциплинарный подход.

По предмету — отраслевое или классовое исследование (изучается, какие продукты с помощью каких факторов производства создаются и как распределяется готовый продукт между разными социальными группами), нормативное исследование оптимальных пропорций обмена на рынках, макроэкономическая динамика (включается не только рост, но и развитие, а также проблема тенденции перехода к новым равновесным состояниям), изучение фирмы как института и внутрифирменных отношений, рассмотрение «макроинститутов» (выходящих за рамки отдельной фирмы).

Также рассматривается предпосылка о полной рациональности с рыночной точки зрения (теория может принимать эту предпосылку, отрицать или попросту не вести о ней речь).

Далее на основе проведенного историко-логического анализа можно сделать выводы об условиях повышения или снижения актуальности того или иного элемента.

Перечень, предложенный выше, является довольно общим. В то же время нужно отметить, что так как изначально происходит абстракция от остальных факторов формирования господства теории, то максимально строго выверенные обобщения невозможны изначально.

Можно условно выделить три основные предпосылки актуализации *исторического метода*. Все они связаны с переходом экономики на качественно новый уровень, будучи движимой быстрыми технологическими изменениями. Во-первых, теоретики более левого политического фланга фиксируют изменение классового состава вследствие появления новых производств с новым характером

труда. Кроме того, при неравномерном распределении результатов новых достижений техники вскрываются проблемы неравенства, доступа к ресурсу, монополизму, что актуализирует теорию. Историзм выступает инструментом демонстрации отличия нового качества от прежнего, применяемым для выделения этого нового качества. Во-вторых, историзм по той же причине проявляется в традиционном институционализме. Новый институт требует сопоставления с институтом из прошлого для своего выделения относительно всей группы институтов. В-третьих, переход к новому качеству чего-либо стимулирует исследования стадийальных концепций самого разного рода (стадии макроэкономического роста, развития институтов и т. д.¹⁶⁸). Таким образом, историзм возникает, как правило, в результате крупных технико-экономических сдвигов.

Популяризация математического метода моделирования обладает не циклической природой, а имеет свой корень в маржиналистской революции, говоря уже — в категории полезность. Полезность и предельная полезность стали теми единицей и нулем, через которые были описаны первые концепции неоклассики, дав мощный толчок этому фундаментальному направлению и впоследствии¹⁶⁹. Эти категории, применимые на любых рынках и способные изложить своим языком, по сути, все типы отношений и действий на рынках, сделали возможными математическую формализацию однородных элементов. При всех ограничениях математических методов в описании экономических отношений между людьми современное развитие IT-технологий позволяет обрабатывать большие объемы данных и вписывать результаты даже в разработанные много лет назад модели¹⁷⁰. Таким образом, можно говорить о долгосрочной устойчивости использования математических инструментов, несмотря на все ограничения и имеющуюся критику. В то же время возможны

¹⁶⁸ Сюда же можно отнести новую экономическую историю Д. Норта.

¹⁶⁹ Можно воспользоваться своего рода аналогией единицы и нуля и в случае потребительной стоимости и стоимости внутри «Капитала» К. Маркса. Таким образом, можно говорить о схожести развертывания логик двух фундаментальных теоретических направлений, в немалой степени фактически пересекающихся по предмету. См. Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. – М., 2009.

¹⁷⁰ Тутов Л. А., Рогожникова В. Н. Экономика и математика: возможности и границы взаимодействия // Философия хозяйства. – 2015. – № 6. – С. 89–101

разные траектории развития математики в экономике, и в скором времени есть предпосылки к изменению математического подхода, способов его использования¹⁷¹.

Междисциплинарный подход проникает в экономическую науку с ростом, во-первых, «человеческого фактора» в производстве, говоря рыночноцентричным языком, значимости человеческого капитала в производстве — это характерно для последних десятилетий. Д. Энгрист, П. Азулай, Г. Эллисон, Р. Хилл, С. Фенг Лю зафиксировали, что с 1990-х годов наблюдался рост цитируемости экономистов неэкономистами и наоборот¹⁷². Становится необходимым изучение человека со всех сторон. С эволюцией человека как биосоциального существа эволюционируют и институты, требующие своего регулярного всестороннего переосмысления¹⁷³.

Во-вторых, по мере своего развития экономическая система вызывает своего рода «экстерналии», последствия от которых экономика вынуждена так или иначе интернализировать в диалоге с обществом. Примерами могут быть демографические, экологические проблемы. Рост глобализации, специализации, укрупнения и усложнения производств вызывает актуальность изучения разного рода институтов с помощью различных наук об обществе.

Исследование структуры производства, впервые начатое при постмеркантилистском обращении к самой сфере производства, а также *перераспределения доходов по классовому критерию* противостоит маржиналистскому подходу, так как не приводит под общий знаменатель полезности все явления, а, наоборот, фиксирует их неоднородность. Из этой неоднородности выводятся и межклассовые отношения по поводу распределения продукта, и разделение на производительный/непроизводительный труд, и деление на отрасли производства, и на первое/второе подразделения

---

¹⁷¹ Boylan T. A., O’Gorman P. F. (2018). Philosophy of Mathematics and Economics: Image, Context and Perspective. Routledge INEM Advances in Economic Methodology.

¹⁷² Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Feng Lu S. (2017). Inside Job or Deep Impact? Using Extramural Citations to Assess Economic Scholarship. NBER Working Paper No. 23698 Issued in August 2017, Revised in August 2017.

¹⁷³ Абалкин Л. И. Вызовы нового века. – М.: Институт экономики РАН, 2001. – 287 с.

материального производства и т. д. После победы маржинализма этот подход, оставаясь на вторых ролях, актуализируется в периоды перехода на новый уровень развития экономики, связанного с резким изменением структуры производства. Кроме того, внимание к нему повышается при решении задачи страной догоняющего развития.

Проблема роста обостряется с усложнением сложившейся системы. Требуется сохранение устойчивости и решение вопроса воспроизводства экономики с высоким уровнем взаимозависимости агентов друг от друга. Сначала это произошло на завершающем этапе классической политической экономии, потом в силу возникновения маржинализма произошел откат на микроуровень, однако еще более усложнившаяся система потребовала возврата к изучению своего воспроизводства на макроуровне (период после Великой депрессии и Второй мировой войны).

Развитие с точки зрения структурного характера (например, рост на основе внедрения передовых технологий, а не проедания природных ресурсов) представляется частным случаем изучения проблемы роста в условиях использования структурной парадигмы. Развитие же с точки зрения повышения качества жизни в самом широком смысле слова имеет другие причины роста актуальности. «Позитивной» причиной стал рост производительности труда, позволивший переключить внимание на удовлетворение более разнообразного круга потребностей. «Негативная» причина состоит в необходимости противостояния последствиям масштабности и интенсивности производства: проблемам экологии, образа жизни, модели расселения и другие.

Как уже отмечалось, внимание к *институционализму* растет с появлением новых институтов вследствие перехода экономики на новый качественный уровень, а также с ростом роли человека в производстве. Отдельно следует сказать о проблемах внутрифирменного взаимодействия. Как результат усложнения экономической системы, а также разрастания объемов компаний растут трансакционные издержки — это краеугольный исследовательский камень неинституционализма. Говоря шире, рост объемов компаний означает рост

влияния всего, что происходит внутри компании, на всю экономику — в последнее время это влияние особенно велико. Кроме того, в периоды трансформаций, системных сдвигов крупный институт становится субъектом и/или удобным, репрезентативным объектом исследования произошедших изменений. В частности, можно говорить об обусловленности повышения внимания к государству как выразителю общего, а не индивидуального интереса в наше время¹⁷⁴.

Аксиома о той или иной степени рациональности выступает исходным инструментом построения математических моделей. Их исходная категория полезности сама по себе означает оценку человеком чего-либо, что является основой принятия решений. Следовательно, необходимо введение алгоритма, которому следует человек при принятии решения. Например, полная рациональность означает механизм осуществления максимально качественной оценки. Отрицание полной рациональности происходит при начале перехода экономики на новое качество, уходе от стабильности, появлении новых рыночных элементов, что более явно вскрывает несовершенство способностей человека по поиску и обработке информации. Вторым фактором является постоянное усложнение экономики с ростом специализации, а также увеличением финансового сектора, где вся деятельность построена на неполноте информации у всех участников рынка.

В связи с рассмотрением вопроса актуализации отдельных элементов теории можно говорить о возможности применения подхода данной работы не только для выделения теоретических школ, которые заслуживают внимания экономистов в соответствующий период. Возможно также изучение эволюции экономической мысли и под другим углом: берутся определенные явления, стороны хозяйственной жизни, и на основе исторического исследования изучаются условия их актуализации в науке. Такая постановка задачи, как представляется, в большей степени может быть

---

¹⁷⁴ Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 2.

применима для исследователей, концентрирующихся на отдельных предметных вопросах экономической науки.

В качестве примера можно рассмотреть проблему содержания и условий труда наемных работников в развитых странах. Данный выбор обусловлен яркой иллюстративной наглядностью, а также ожидаемой высокой актуальностью данного вопроса в ближайшее время. Условия труда при прочих привходящих факторах связаны с его содержанием, что объясняется системной организацией всего процесса труда. Это позволяет составить пусть примерную, но целостную картину взаимоотношения между технологическими сторонами системы производства и местом человека в ней.

Проблема условий труда (в том числе продолжительности рабочего времени) в единстве с господствующим содержанием труда работников в настоящее время редко поднимается в экономической науке. С определенной условностью исключением можно назвать отдельные гетеродоксальные направления, главным образом левого толка, но они не влияют существенно на «лицо» теории, которое формируют более «правые» школы. Количество общественных человеко-часов обычно воспринимается как нечто изначально заданное, диктуемое скорее техническими инструкциями, а не результатом общественного соглашения, которое, по логике, должно быть гибким к объективно сформировавшимся условиям действительности.

Тем не менее на определенных исторических этапах проблема продолжительности работы (с учетом ее содержания) оказывалась на видном месте, хоть и являясь в большей степени второстепенной частью, приложением по отношению к какому-то более крупному вопросу. Важно выделить те условия, при которых формировались и распространялись теоретические положения, касающиеся рабочего времени, отметить их роль в выдвижении проблемы. Учитывая значительные качественные трансформации мировой экономической системы, бурное развитие ее технико-экономических элементов, процесса производства логично поставить вопрос о соответствии наполнения и продолжительности работы в современной экономике. С точки зрения эволюции

теории следует сказать о перспективах внимания к данной проблеме внутри научной среды, есть ли основы для выхода ее из исследовательского забвения.

Обращаясь к истории, можно получить ценный материал для изучения вопроса перспектив будущей реактуализации проблемы продолжительности рабочего времени, так как она показывает условия генезиса тех или иных концепций, относящихся к данной проблеме. Кроме того, сопоставляя исторические условия с вызовами практики настоящего и будущего, возможно очертить примерные контуры и направления будущих подходов в исследованиях.

Наиболее значительные сдвиги в сторону снижения рабочего времени произошли в XX веке (см. табл. 1), хотя существенные улучшения начали происходить уже во второй половине XIX. Теоретическая актуальность проблемы рабочих часов в этот период становилась тем меньше, чем большее время для отдыха получали рабочие.

Таблица 1 — «Ежегодное число рабочих часов на одного трудящегося: Великобритания, Германия, Франция, США»

Страна\год	1870	1900	1913	1950	1973	1995	2005
Великобритания	2755	2656	2656	2112	1919	1667	1624
Германия (с 1950 г. и далее — Западная Германия)	3284	3056	2723	2372	1532	1494	1437
Франция	3168	3115	2933	2233	1540	1650	1529
США	3096	2938	2900	2016	1898	1853	1791

Источники: Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 624 с. С. 437; Huberman M. Working Hours of the World Unite? New international evidence of worktime, 1870–2000 / CIRANO Scientific Series 2002s-77 (Montreal, CIRANO), 2002. P. 43.

Нужно оговориться, что продолжительность рабочего времени является неотъемлемой и одной из самых главных частей предмета изучения, который

можно назвать условиями труда. Потенциальный работник при приеме на работу будет в первую очередь интересоваться размером заработной платы, характером и режимом работы и, безусловно, количеством рабочих часов — это вряд ли может вызвать серьезные споры, поэтому о важности области продолжительности труда заявляется априорно. В истории экономической мысли непосредственное обсуждение проблемы объема рабочего времени встречается редко, однако если считать, что условия труда, положение рабочего (безотносительно его зарплаты) неизбежно включают в себе проблему продолжительности труда, окажется, что наука формировала систему взглядов на данную тему, явным или косвенным образом воплощавшихся на практике.

Важно сопоставить возникавшие теоретические взгляды на рассматриваемую проблему с технико-экономическими условиями реальности того или иного периода развитых национальных экономик (ученые из этих стран, во-первых, всегда были лидерами в науке, и, во-вторых, в своих исследованиях они ориентировались главным образом именно на проблемы, свойственные этим же странам).

Упрощенную схему можно представить следующим образом. Капитализм на позднемануфактурном этапе и в период промышленной революции обнажил противоречия между собственниками материальных средств производства и наемными рабочими. Социалисты, высвечивая пороки такой системы, говорили о тяжелых условиях труда, но в первую очередь акцентировали внимание на недостаточном уровне зарплаты. При повышении производительности труда в большей степени стали освещаться продолжительность и интенсивность работы, так как появились резервы для их снижения. Дальнейшее технологическое развитие, новым толчком к которому стала вторая промышленная революция вкупе со значительным ростом зарплаты, и вовсе поставило проблему рабочего времени и условий труда на самые передовые позиции в сравнении с предыдущими и будущими эпохами.

После кардинального улучшения условий труда и практически повсеместного введения восьмичасового рабочего дня в развитых странах

логичным образом снизился градус дискуссий, но усложнившаяся экономическая система, как оказалось, подверженная масштабным разрушительным кризисам, требовала внешних инструментов поддержки, в частности рабочего движения — это нашло свое отражение в теории.

Информационная революция, выведя существенную часть населения из сферы физического труда и сгенерировав спрос на высококвалифицированных работников с уникальными знаниями, стала предпосылкой их активного стимулирования улучшенными условиями труда. Отдельные профессии, связанные с компьютерными технологиями, своей спецификой имеют широкий выбор объема, времени и места работы. В данном случае роль конкурентного рыночного механизма оказалась куда более значимой по сравнению с деятельностью рабочего движения (которое в последнее время переживает далеко не лучшие времена) сравнительно с периодом рубежа XIX–XX веков. Однако настоящего скачка в области сокращения рабочего времени не произошло.

В настоящее время все более востребованы научные результаты неoinституционализма, теории человеческого капитала, хотя и с самого начала своего распространения в XX веке они привлекали к себе большое внимание. Применительно к вопросу условий труда стоит сказать о теории контрактов и проблеме «принципал — агент». Затрагиваемые темы становятся особо востребованными в наше время (одно из подтверждений — премия памяти А. Нобеля 2016 г., врученная О. Харту и Б. Хольмстрему за «вклад в теорию контрактов»). Схожими проблемами среди макроэкономистов также занимаются «новые кейнсианцы» (Дж. Стиглиц¹⁷⁵, Дж. Акерлоф...). В значительной степени это можно объяснить усложнением процесса производства и внутрифирменных взаимодействий, наличием уникальных способностей и знаний у работников «интеллектуальных» индустрий и, соответственно, необходимостью разработки

---

¹⁷⁵ Нужно сказать, что Дж. Стиглиц уделял внимание и формированию потребительских предпочтений, ориентированных во многом на поведение окружающих индивидов. Эти предпочтения также влияют на важность досуга в глазах отдельного рыночного агента. См. Stiglitz J. *Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren // Revisiting Keynes: Economic Possibilities for our Grandchildren*. MIT Press, 2008.

механизмов контроля, создания стимулов, поиска эффективной модели составления трудовых договоров. Как отметил И. В. Филатов, «в экономике знаний организации во все большей степени начинают состоять из специалистов, каждый из которых знает о своем деле больше, чем любой другой член организации»¹⁷⁶.

Практическим результатом стала более гибкая система стимулирования квалифицированных сотрудников, включающая в себя бóльшую свободу в составлении рабочего графика, сокращения продолжительности работы, меньшей привязки к рабочему месту. Однако важно отметить, что речь идет главным образом о небольшой (хотя и «авангардной» с точки зрения развития экономики) категории работников.

Дальнейший технический прогресс в условиях ожидаемой четвертой промышленной революции еще больше увеличит соотношение мощи производительных сил и общественного рабочего времени. Тем самым появятся основания для его сокращения. Если использовать термины неоклассики, предельная полезность досуга должна становиться более привлекательной сравнительно с убывающей полезностью потребления по мере его увеличения (интересно, что мейнстримом сегодня это вспоминается крайне редко).

Однако, как кажется, большее значение будут иметь качественные изменения, а не количественные в виде большей производительности и потребления. Во-первых, автоматизация производства значительным образом позволит заменить человека во многих профессиях (при этом имеется в виду в первую очередь сокращение работников определенных профессий, но не исчезновение профессий как таковых), то есть для воспроизводства будет достаточно меньшее количество человеко-часов (хотя не стоит забывать о современной демографической структуре в развитых странах, которой присуще старение населения и сокращение его экономически активной доли). Рецепт от возможной масштабной структурной безработицы должно стать сокращение

---

¹⁷⁶ Филатов И. В. Homo Faber в его истории // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 37–56. С. 54.

совокупного рабочего времени с параллельным переобучением потерявших рабочие места людей.

Встает вопрос о том, чем человек будет занимать себя и как самореализовываться в условиях большого количества нерабочего времени. Объем работы, характер труда (и отдыха) в значительной степени будут определяться устремлениями и ценностями людей, культурными установками, которые ключевым образом формируются внешней средой.

На вышеуказанные факторы обращал внимание и Дж. М. Кейнс в своей футурологической статье «Экономические возможности наших внуков»¹⁷⁷, где он предполагал наличие в развитых странах пятнадцатичасовой рабочей недели, что кардинально изменит все общество (наступление этой новой эры, по автору, реально через 100 лет, то есть уже при жизни сегодняшнего поколения).

Во-вторых, работники креативного труда, доля которых возрастает и становится все важнее для экономики, для своей продуктивной деятельности не могут быть поставлены в строгие рамки регламентированной и продолжительной работы. Как пишет Д. Б. Джабборов, «креативное содержание труда... предполагает развитие форм и институтов... ориентированных на прогресс человеческих качеств»¹⁷⁸, что в свою очередь требует достаточного свободного времени для отдыха и постоянного обучения.

В-третьих, хотя «грязные» производства активно переносятся в развивающиеся страны, снижение объемов выпускаемой продукции за счет сокращения рабочего времени в развитых странах является напрашивающейся мерой для решения современных и ожидаемых в будущем экологических проблем. Чем дольше откладывать решительные шаги, тем больше ситуация будет усугубляться в дальнейшем.

---

¹⁷⁷ Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков (послесловие Д. Шестакова) // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 60-69. (первый перевод оригинальной статьи на русский).

¹⁷⁸ Джабборов Д. Б. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 4. – С. 68-73. С. 72.

Таким образом, создаются и в еще большей степени будут создаваться объективные предпосылки внимания к идее сокращения рабочего времени в научных и публицистических пространствах.

Эти качественные предпосылки могут подсказать, в рамках каких теоретических парадигм будет распространяться исследование проблем рабочего времени и условий труда. Вероятно, станет востребована крупная теория, затрагивающая фундаментальные вопросы (условно говоря, политическая экономия второго поколения), так как меняются сами основания экономической системы, и это требует переосмысления. На ведущие роли способны выйти институционализм, науки о человеке, его поведении и мотивациях. Будет востребован широкий междисциплинарный подход.

Однако любая генеральная тенденция обычно наталкивается на ряд меняющих курс движения и даже поворачивающих ее вспять сил, и не следует к ней относиться как к буквальному и детальному прогнозу. Например, культурные факторы в случае Японии и в меньшей, но все равно значительной степени США предопределяют меньший объем отдыха работников. Сложно также отрицать частое наличие противоречивости интересов работников и их нанимателей, и профсоюзы выступают как помощник первых для достижения более мягких условий труда. Данные противоречия решаются и за счет субъективных факторов, многое зависит от мощи профсоюзного движения.

Зачастую фирмам, производящим интеллектуальный продукт, может быть выгоден продолжительный труд своих наиболее квалифицированных работников, особенно если они занимаются большими проектами. Так, «поскольку интеллектуальные работники в довольно высокой степени невзаимозаменяемы, пересменка может означать дополнительные и достаточно весомые издержки. Как, например, один программист может быстро и без издержек передать работу другому?»¹⁷⁹

Важно внимание к более глубокой статистике, а не только к общим усредненным показателям. Так, за одинаковыми средними данными по

---

¹⁷⁹ Павлов М. Ю. Экономика знаний: творческий потенциал человека. – М.: ТиРу, 2013.

количеству рабочих часов в неделе может скрываться умеренное расслоение среди работников, но возможна ситуация, когда одна многочисленная группа привязана к part-time job, а у других сверхзагруженный график — это тоже регулярно встречается на практике.

Наиболее квалифицированные работники, имея, с одной стороны, свои козыри в договорах об условиях труда, могут столкнуться с ограниченным спросом на свой труд, и тогда эти козыри, не исключено, будут побиты. Кроме того, при реализации вероятности неустойчивости мировой экономики, хронической проблеме безработицы, работникам будет важно цепляться за занятость, жертвуя при необходимости своим свободным временем. Как писал Дж. М. Кейнс, «Для человека, который долго оставался безработным, некоторые трудовые затраты не только не будут в тягость, но, напротив, могут доставлять ему удовлетворение»¹⁸⁰.

Наконец, нет гарантий, что даже при формировании всех объективных предпосылок теория отреагирует соответствующим образом, так как она развивается в том числе и по своим внутренним законам.

Тем не менее долгосрочные закономерности обнаруживаются, и есть весьма значительные предпосылки к дальнейшему сокращению общественного рабочего времени, изменению характера и режима труда, сопровождаемым теоретическим обсуждением, которое выйдет из задворков экономической науки на куда более видное место. Технологии шестого уклада способны сыграть в данном случае решающую роль.

3.2. Потенциал прогнозирования эволюции экономической теории в эпоху шестого технологического уклада

На основе выделения закономерностей актуализации ряда методов и предметов исследований (после прогноза характера развития технологий)

---

¹⁸⁰ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с английского профессора Н. Н. Любимова. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 352 с. С. 128.

возможно определение того, какие методы и предметные исследовательские пространства получат больший интерес для теории в обозримом будущем.

Осуществляя соотношение элементов уже существующих теорий с тем, какие методы, исследовательские предпосылки, вопросы исследования приобретут свое распространение в будущем, *можно получить примерный ответ на вопрос, наследие какой теории имеет предпосылки своей будущей популярности.* Как уже отмечалось, любая теория требует определенной степени своего обновления и адаптации под новые условия, поэтому речь идет именно о наследии, а не о простом воскрешении теории в первоизданном виде. Абсолютно не исключается при этом появление новой теории, обладающей отдельными чертами различных старых теорий, но в своем целом не относящейся к определенной уже имеющейся традиции.

Эта работа требует отдельного крупного исследования — сейчас стоит отметить только ее основы, на которых она будет строиться. Не стоит забывать, что, хотя ранее говорилось о высокой степени детерминации технико-экономическими факторами содержания теоретических парадигм, имеет место воздействие других факторов, в том числе субъективных — это может существенно исказить в реальности прогностическую картину, подвинуть развитие теории от предсказанной колеи.

Нужно признать определенную уязвимость такого подхода, как и в случае с любыми теориями, заявляющими о прогнозе чего-либо, перед критикой положения фальсифицируемости научного знания по К. Попперу¹⁸¹. Однако сейчас методологическими контраргументами исследователя могут стать, во-первых, положение о логике как одном из основных научных методов доказательства. Если выявлена логическая нить в прошлом, то следует ожидать ее развитие в будущем. Во-вторых, прогноз констатирует наличие связи между реальностью и теорией. Это значит, что хотя он не содержит четких временных параметров, но указывает на условие реализации своего прогноза — на

---

¹⁸¹ Поппер К. Логика и рост научного знания (избранные работы) / пер. с англ., сост., общ. ред. и вступ. ст-я В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 604 с.

конкретные технико-экономические, во многом квантифицируемые параметры. Следовательно, практика станет судьей прогноза — будет ли просматриваться соответствие между теорией и реальностью, как оно просматривалось в прошлом.

Критерий фальсифицируемости на самом деле сохранится, хотя нужно указать наличие некоторого временного лага между появлением новой реальности и новой теории (который не может не существовать вследствие хотя бы того, что теоретические работы не готовятся мгновенно). Можно согласиться с Дж. Мокиром¹⁸², характеризовавшим неравномерность и растянутость по времени появления достижений промышленной революции в хозяйственной практике Англии в том, что «Как правило, существует значительный лаг во времени между осуществлением изменений в технологии (даже тех, которые имеют фундаментальное значение) и моментом, когда они начинают проявляться в агрегированных статистических данных»¹⁸³. Это утверждение справедливо относительно любых исторических этапов (хотя, конечно, длительность лага различна) — тем самым еще больше увеличивается временной разрыв между технологическим изобретением и его «отражением» в теории.

Наконец, существует еще один аргумент, который потенциально может быть в будущем использован против критики. Если будет иметь место несоответствие между реальностью и теорией, то можно заявить о росте прочих, в том числе субъективных факторов, воздействующих на теорию. Доказательством этого может служить эффективность теории перед проблемами практики. Если в будущем будут фиксироваться явные пробелы и промахи теории, показателями которых является целый ряд экономических индикаторов, то можно говорить о несоответствии парадигм теории задачам времени. Следовательно, если теория не соответствует прогнозу и при этом не решает должным образом проблем практики, то выводом становится мощная негативная роль внешних факторов, в

---

¹⁸² Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed. / The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Boulder: Westview, 1993.

¹⁸³ Цит. по: Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 464 с. С. 204.

неблагоприятную сторону искаживших оптимальный характер соответствия теории и практики.

Таким образом, *прогнозирование развития теории помимо востребованности для предварительной подготовки общества к будущим вызовам имеет перспективы своей высокой эффективности.*

Буквально два поколения назад появлялись только первые зачатки так называемой информационной революции (третьей), а сегодня общество находится на пороге интенсивного внедрения научно-технических достижений принципиально иного типа, что способно кардинально изменить характер функционирования глобальной экономической системы.

Шестой технологический уклад представляет собой новый этап развития автоматизации производства, знаменуя собой наступление NBIC-конвергенции. Взаимозависимые составляющие новых технологий существенным образом обещают изменить не только производственные системы, но и в целом модели общественных взаимодействий.

Сетевое взаимодействие роботов позволит согласовать их работу для решения более сложных задач. За счет «общения» роботов между собой автоматически реализуются многие разнообразные операции всего производственного цикла, что кардинально снизит издержки. Виртуальная, дополненная реальности позволят на более качественном уровне осваивать новую информацию. Возможности максимально точного распознавания визуальных объектов создадут условия для автоматического контроля различных процессов.

Развитие искусственного интеллекта за счет роста возможностей обработки больших данных (big data) приведет к большей автоматизации производства, процессов корпоративного планирования, внутрифирменного управления¹⁸⁴, усложнению в обработке материалов и большей координации прямо не связанных между собой производств.

---

¹⁸⁴ Толкачев С.А. Формирование новой глобальной индустриальной системы в ходе становления цифровой экономики. Аригиевские чтения по теме: «Формирование новой парадигмы экономического мышления XXI века». Материалы международной научно-практической конференции 21-23 марта 2018 г./ Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г. Зайцева, Н.В. Спасской. – Орёл ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева». 2018. – С. 113– 118.

Обработка материалов выходит на наноуровень. Возможность собирать материалы и приборы из мельчайших частиц создаст множество новых продуктов, которые способны удовлетворить намного более широкий спектр потребностей. Аддитивные технологии вкупе с использованием искусственного интеллекта и, в частности, 3D-печать являются основой для индивидуализации производства, кастомизацией продукта в противовес современному стандартизированному массовому выпуску¹⁸⁵, что скорректирует многие модели экономического мейнстрима. При этом разнообразие и бóльшая уникальность продуктов не означают в данном случае монополизации. Создание уникального продукта не требует тесной привязки к одному производителю: условно говоря, одно и то же техническое задание может быть дано разным 3D-принтерам.

Существуют предпосылки для крупных качественных сдвигов глобальной экономической системы в целом. Как отмечает председатель Давосского форума К. Шваб¹⁸⁶, в новом мире актуализируется потребность в смене основных ориентиров развития. В связи с высокой производительностью дальнейшее стремление к безудержному росту материального производства будет все менее оправданно. Более актуальными целями станут устойчивое развитие, экологическое равновесие, самосовершенствование человека. В этой связи можно назвать символическим вручение премии памяти А. Нобеля по экономике 2018 года У. Нордхаусу и П. Ромеру за интеграцию «климатических изменений» и «технологических инноваций» в «долгосрочный макроэкономический анализ»¹⁸⁷.

Кроме того, ряд новых технологий размывает деление на собственников производства и наемных работников: для осуществления производства нужен контроль над всем его циклом, который, тем не менее, будет упрощен, опять же, за счет автоматизации. Другими словами, вместо узкой специализации потребуется владение широкими компетенциями. Следовательно, есть

---

¹⁸⁵ Толкачев С.А. Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4. – С. 64-80.

¹⁸⁶ Schwab K. (2015). The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015.

¹⁸⁷ Цит. по пресс-релизу Королевской академии наук Швеции: <https://www.nobelprize.org/prizes/economics/2018/press-release/>

предпосылки изменения привычного уклада внутрифирменных взаимоотношений, распространения кооперативных форм собственности как альтернативы отношениям принципал — агент.

Новые виды организации отношений внутри производственной единицы способны заставить исследователей пересмотреть многие ныне распространенные институциональные подходы, но не дискредитировав направление институционализма, а, наоборот, дав ему новый толчок развития и еще большей актуализации.

Планирование на разных уровнях выйдет на новый качественный уровень, тем самым снижая аргументированность тезиса о «невидимой руке» — это уже проявляется в течение продолжительного времени¹⁸⁸. Причем оно будет реализовываться в больших масштабах в связи с сетевым взаимодействием производств даже разных отраслей. Тем самым реактуализируется идея о единой фабрике, выдвинутая еще французскими утопистами. В этом случае растут внешние эффекты, что является предпосылкой большего общественного регулирования производства и социализации собственности. Как отмечает М.И.Воейков¹⁸⁹, существенно изменится роль государства, которое в большей степени будет вынуждено реагировать на трансформации прав собственности.

Тесное сетевое взаимодействие производств обуславливает потребность в межотраслевой координации и планировании на основе больших данных, что является предпосылкой дальнейшего совершенствования инструментов математического анализа. В то же время задаются другие рамки и целеполагание планирования: они формируются в дискуссии, затрагивающей широкие предметные области социальных наук.

Помимо больших перспектив новой технологической эры существуют и серьезные риски. Возможности контроля могут обернуться лишением личных свобод, навязыванием моделей поведения и манипуляцией сознания. Эта

---

¹⁸⁸ Вереникин А.О., Волошин Д.И. Стоимостные основы структурной экономической политики // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 2. – С. 17–38.

¹⁸⁹ Воейков М.И. Государство в эпоху цифровой экономики // Теоретическая экономика. – 2019. – № 1. – С. 47-50

проблема возрастает с развитием нейротехнологий, которые уже сейчас позволяют сказать о предпочтениях человека больше, чем он сам может их осознанно выразить. Повсеместное внедрение различных девайсов во многих случаях дестимулирует активную мыслительную деятельность, так как достаточно будет нажать несколько кнопок для удовлетворения многих потребностей. Следовательно, развитие человека, его отношения с обществом в ряде аспектов может пойти по попятному пути.

Острой, обсуждаемой уже сегодня проблемой станет высвобождение трудовых ресурсов, даже уничтожение целых профессий. По оценкам экономистов Оксфордского университета К. Фрея и М. Осборна, в США 47% нынешних профессий имеют высокие шансы стать автоматизированными¹⁹⁰. Очевидна перспектива социальной поляризации: на одном полюсе высококвалифицированные и высокооплачиваемые специалисты, «направляющие» технику и создающие инновации. На другом — бывшие работники рутинного труда, на чье место пришли машины и которые не смогут найти себе вакантную должность. Неравенство проявится и на межстрановом уровне. Ситуация выглядит опасной, как и некоторые варианты выхода из нее: новый луддизм, физические сражения за ресурсы. С другой стороны, опыт истории показывает, что при структурном сокращении одних рабочих мест появляются другие.

Говоря в целом, элита потенциально может обладать большими ресурсами и могуществом, чем сейчас, так как роботизация на основе сетевого взаимодействия оставит минимум возможностей тем, у кого не будет доступа к ее плодам. Реализация негативных сценариев станет более вероятной при бесконтрольной концентрации власти в руках узкого круга лиц. Соответственно, гражданское общество не может позволить себе быть изолированным.

Стоящие перед обществом возможные масштабные проблемы, равно как и возможности, станут предпосылкой более широкого рассмотрения различных

---

¹⁹⁰ Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting and Social Change, vol. 114, is. C, 2017. P. 254–280.

аспектов человеческой (на уровне индивидуума) и общественной жизни. Следовательно, как отмечает В. М. Полтерович¹⁹¹, вероятно движение в сторону единой социальной науки, а мейнстрим впитает в себя больше институционального наследия¹⁹². Уже сейчас можно назвать напрашивающимся акцент на социальных взаимодействиях вместо анализа индивидуального поведения агентов¹⁹³ — в будущем важность этого будет только возрастать. Междисциплинарный подход, все более распространяющийся уже в наше время, способен стать неотъемлемым принципом большинства крупных исследований. С развитием когнитивных наук высок потенциал нейробиологии и генетики с обращением к институционализму¹⁹⁴. С. Ю. Глазьев указывает, что «современная экономика знаний отличается от предмета «экономикс» не меньше, чем экономика первобытного или традиционного общества»¹⁹⁵. Вопрос потенциала прежних парадигм остается дискуссионным, однако отрицать будущие и в какой-то мере настоящие предпосылки изменения и дополнения содержания экономической теории очень сложно.

Нельзя недооценивать будущие вызовы, но не стоит чрезмерно увлекаться, отмечая элементы нового мира, и считать, что от прежнего образа жизни и функционирования экономики мало что останется. В частности, нужно отметить, что высокая динамика некоторых трансформационных процессов в технико-экономической области обусловлена эффектом низкой базы. При этом существует соблазн продлить имеющиеся тренды на долгосрочный период, что будет означать кардинальное изменение качества той или иной системы, хотя в

---

¹⁹¹ Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 2. – С. 101–111.

¹⁹² Cedrini M., Fontana M. Just another niche in the wall? How specialization is changing the face of mainstream economics // *Cambridge Journal of Economics*, Volume 42, Issue 2, 2018. P. 427–451.

¹⁹³ Herfeld C. Explaining patterns, not details: reevaluating rational choice models in light of their explananda // *Journal of Economic Methodology*, Volume 25, Issue 2, 2018. P. 179–209.

¹⁹⁴ Ольсевич Ю. Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. – 2008. – № 1. – С. 3–15.

¹⁹⁵ Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2016. – № 56. – С. 5–39. С. 15.

действительности высока вероятность затухания темпов развития новых явлений¹⁹⁶.

При всех трансформациях само существование рыночной экономики позволяет описать действия функционирующих в ней индивидов через модели поведения экономикса, разумеется, при безусловных ограничениях (о которых часто забывают или принижают их степень). Как отметил Р. И. Капелюшников, «В подавляющем большинстве случаев идея рациональности используется экономистами... не в качестве гипотезы, подлежащей проверке, а в качестве одной из базовых предпосылок, которые они принимают по умолчанию при объяснении множества самых различных экономических явлений»¹⁹⁷. Таким образом, чрезмерно придираться к реалистичности неоклассических предпосылок также некорректно, так как они служат в первую очередь вспомогательным инструментом построения теорий и некоей идеальной отправной точкой (например, для поведенческой экономики, имманентным качеством которой является критика этих предпосылок)¹⁹⁸.

---

¹⁹⁶ См., например: Маслов Г. А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // *Философия хозяйства*. – 2018. – № 2. – С. 93–108, где дается обоснование пределов роста креатоемких отраслей и занятости в творческих профессиях.

¹⁹⁷ Капелюшников Р. И. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // *Журнал новой экономической ассоциации*. – 2017. – № 1. – С. 162–166. С. 163.

¹⁹⁸ Там же.

Заключение

Основными итогами исследования можно обозначить положения, приведенные ниже.

Ведущие западные исследователи истории экономической мысли довольно редко обращаются к технико-экономическому фактору с точки зрения его роли в развитии экономической теории. Он, безусловно, не исключается, как и более широкое понятие экономической реальности, однако, как правило, не считается достаточным для выведения устойчивых закономерностей и объяснения регулярного изменения парадигм экономических теорий.

Выделяются три группы исследователей эволюции мысли на основе критерия придаваемой значимости технико-экономического фактора в становлении теории. Представители первой группы, в основном К. Маркс и последователи его традиции, присваивают существенную значимость материальной основе системы производства. Вторая группа, преимущественно зарубежные исследователи XX века, наоборот, оценивает в целом экономическую реальность как второстепенный фактор развития теории. Третья группа, представленная главным образом отечественными историками экономической мысли, условно говоря, занимает промежуточную позицию: условия реальности важны, но непосредственно технологические параметры не выделяются как основополагающие.

Интересен факт национального разделения между учеными из второй и третьей группы. Вероятно, это можно объяснить, во-первых, наследием марксистской традиции в российской школе, а во-вторых, нередко проявляющейся нерелевантностью рецептов экономической политики, предлагаемых ведущей западной мыслью, в реалиях отечественной экономики — это побуждает чаще обращаться к истории в поисках объяснения уникальности российской экономической системы. Кроме того, следует отметить распространенность позитивистской традиции на Западе, которая во многом противостоит историко-материалистическому подходу.

Таким образом, диссертационное исследование в большей степени опирается на традиции отечественной школы истории экономической мысли, а его результаты более полно могут быть распространены в отечественной академической среде.

Проведенное в диссертации историческое исследование, как представляется, способно продемонстрировать важность технико-экономических составляющих как фактора влияния на экономическую теорию и перспективность дальнейших исследований по этой теме.

Необходимо подчеркнуть, что в работе влияние технологий на становление экономических теорий исследовалось преимущественно на уровне отдельных аспектов теории, которые в своей совокупности могут сказать о существенной технико-экономической обусловленности теории в целом. Это делается для большей доказательности воздействия именно технико-экономических факторов. В противном случае простое наложение технологического уклада и научной школы не смогло бы в достаточной степени обосновать соответствующее наличие причинно-следственной связи.

Позднемануфактурный период и последовавшее появление первых технологических укладов знаменовали собой концентрацию на изучении сферы производства и расцвет политической экономии. Описывались общие законы, действовавшие внутри рыночной системы, обосновывались преимущества «естественного порядка» ее функционирования. Плоды скачка общей производительности, тем не менее, стали распространяться неравномерно, положение рабочих оставалось тяжелым. Это вызвало становление левоориентированных, социалистических концепций. Кульминацией данного процесса можно назвать работы К. Маркса. В то же время развивались и либеральные направления, продолжавшие обращение к позитивным результатам свободного капиталистического развития, появлялись и «центристские», «компромиссные» линии (к примеру, Дж. Ст. Милль).

Неравенство проявлялось и на межнациональном уровне. Востребованность догоняющего развития в Германии предопределила поиск специфических

факторов ускоренного роста, что вылилось в формирование немецкой исторической школы.

Рубеж между вторым и третьим технологическими укладами, начало развертывания второй промышленной революции ознаменовались и кардинальным сдвигом в теории: маржиналистской революцией (хотя нужно отметить многообразие предпосылок маржиналистской революции, не преувеличивая значимость технико-экономических факторов). Категория полезности перенесла предмет экономической теории в область механизма принятий решений отдельными субъектами. Возможности выбора и потенциальная цена ошибки росли при большем разнообразии товаров для производства и потребления, появлении крупных производств (обусловленных «технической» необходимостью привлечения новых капиталов), ведущих к монополизации и гибкой ценовой политике. Кроме того, следует отметить возросшую капиталовооруженность рабочего места при господстве выполнения рутинных операций работником. Это привело к необходимости постоянного регулирования соотношения вещественного капитала, численности занятых, ставки заработной платы, что сводится к решению формализованных задач и распространению математических методов. Еще одним фактором, предопределившим революцию в экономической науке, стало распространение индустриальной капиталистической системы на все большее число стран. Можно сказать, что данные предпосылки дали толчок и последующему становлению экономикса, которые развивается в качестве господствующего теоретического направления и в наши дни.

Вторая промышленная революция, достижения которой относятся к третьему и четвертому технологическим укладам, стала очень масштабной по своему воздействию и на экономическую теорию. Рост производительности и специализации, укрупнение производств, появление множества новых отраслей обусловили как развитие уже существовавших теоретических направлений, так и рождение новых.

Расширение и интенсификация внутренних связей экономики вывели маржинализм на уровень моделирования крупных систем, способствовали более пристальному вниманию к денежному рынку как «связующему звену». В дальнейшем различия в отраслевых спецификах, обусловленные во многом техническими предпосылками, привели к необходимости теоретического внимания к многообразным видам конкурентных механизмов.

Монополизм, основанный на капиталоемком производстве вкупе с расширением торговли за счет развития средств связи и транспорта, обострил конкуренцию на международном рынке. Продолжатели марксистской традиции обратились, соответственно, к проблемам монополистической экономики и империализма.

Обострение социальных противоречий в новых условиях, которые не разрешала неоклассика, изменение внутрифирменных форм взаимодействия агентов поставили вопрос функционирования институтов рыночной экономики и дали рождение направлению традиционного институционализма.

«Расцвет» четвертого технологического уклада predeterminedил укрупнение и усложнение хозяйственных взаимосвязей при господстве фордистской организационной структуры.

Экономическая система стала менее устойчивой, наиболее ярким проявлением чего стала Великая депрессия. Макроэкономический спросоориентированный подход кейнсианства стал новым словом в экономической науке, призванным восстанавливать теряющиеся балансы на рынке.

Активно распространялись достижения экономико-математических школ (необходимость крупных систем расчетов и моделирования однородных, «индустриально-конвейерных» объектов). Новое развитие получил институционализм (У. Ростоу, «Новое индустриальное общество» Дж. К. Гэлбрейта). Безусловно, важнейшим поворотным пунктом эволюции экономической мысли стал неoinституционализм, внимание к которому росло по

мере роста значения транзакционных издержек. Фактор информации стал основополагающим и в неоавстрийской школе.

На этапе пятого технологического уклада произошло высвобождение большого объема трудовых ресурсов в сферу услуг. В значительной степени поменялся характер труда работников и, соответственно, требования к его квалификации.

Закономерным образом дополнительную актуализацию получили различные ветви институционализма, все более востребованными стали междисциплинарные исследования. Говоря в целом, произошел рост всестороннего внимания к человеку как к предмету исследования, к возможностям развития и применения его качеств (теория человеческого капитала), его поведения в общественной среде (экономический империализм) и т. д. В новых условиях стали высвечиваться проблемы недостатка и асимметрии информации, проявляемые на всех уровнях экономической системы: от внутрифирменного взаимодействия принципал — агент до сферы государственного управления и международных отношений. Это также нашло свое отражение в различных теоретических направлениях.

Макроэкономический мейнстрим (монетаризм, теория рациональных ожиданий) в условиях большей финансиализации стал больше обращаться к финансовому рынку как к активному фактору влияния на «реальный сектор» и всю экономику в целом. Заложенные в моделях предпосылки и основные теоретические положения по сравнению с кейнсианством были больше ориентированы на долгосрочный период и стимулирование инвестиций (возврат от demand-side economics к supply-side economics), что было особенно актуально для фирм, стремившихся оседлать новую технологическую волну.

Современной эпохе свойственно доминирование технико-экономических элементов вышеописанной информационной экономики. На теоретическом уровне еще больше развились институциональные (прежде всего неоинституциональные) теории. Рост внимания к проблеме принятия решений человеком вкупе с техническими исследовательскими возможностями придал

популярность поведенческой, когнитивной экономике. Успели себя проявить и противоречия нового мира: большее внимание стало уделяться неравенству (это можно связать с технологически обусловленной ценностью тех или иных ресурсов и, соответственно, возможностям доступа к ним), неконтролируемой финансиализации, экологическим проблемам и пр.

Исторический опыт показал, что трансформации технологической среды в определенный момент становятся достаточными для, во-первых, изменения качества экономической системы и, во-вторых, как следствие первого, для становления доминирующих теорий. Этот процесс регулярен на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. При этом, безусловно, не исключается фундаментальная значимость прочих факторов, определяющих развитие теории, а также обратного влияния (воздействие теории на экономику и ее технологические составляющие), однако в данной работе они не входят в ее предметный охват.

На основе проведенного исследования можно говорить о значительном вкладе технологических элементов экономических систем в становление теории, хотя количественная оценка не дается. Эта значимость проявляется в возможностях последующей классификация этапов развития экономической теории на основе критериев, в которых заложены технологические составляющие. К примеру, изменения предпосылок фундаментальных макроэкономических моделей, переходы к господству более «левых» или «правых» теорий, предметные области исследований будущих лауреатов премии памяти А. Нобеля по экономике имеют опосредованную связь с развитием технико-экономической среды.

Воздействие технологических факторов чаще всего является многоступенчатым и опосредованным, включающим продолжительные временные лаги, однако в некоторых случаях происходил прямой отклик теории на новые условия технико-экономической реальности (примерами выступают макроэкономические модели, включающие фактор технологического развития, теории постиндустриального общества и др.).

Важно подчеркнуть, что выводы исторического исследования обращены к действительности экономических систем крупных (влиятельных) развитых стран. Проблемы мира в целом и развивающихся стран всегда находились на второстепенных ролях в ведущих направлениях экономической науки. Это означает также, что в странах, отстающих от лидеров, в том числе в России, ведущие теории не должны рассматриваться как универсалистские и заведомо успешные для внедрения на местную почву. Кроме того, оценка качества функционирования научных институтов и продуктивности отдельных авторов не должна исходить только из востребованности их работ за рубежом, так как отечественные ученые могут стать жертвой того, что сам предмет их исследования не так актуален в развитых странах, хотя для России он может быть очень важен.

На основе методологии, использованной в диссертации, можно не только изучить, какие теоретические аспекты актуализируются в определенной технико-экономической среде, но и идти обратным путем: выявлять исторические периоды, в которые те или иные исследовательские вопросы получают наибольшую популярность.

Примером выступает проблема содержания и условий труда наемных работников и, в частности, продолжительности рабочего времени. Внимание к данному предмету повышалось, когда формировались материальные ресурсные предпосылки для обеспечения более комфортных условий работы в сочетании с ростом зарплат. Достижение современных стандартов рабочего времени можно назвать относительно достаточным в глазах работников. Однако ожидаемый скачок производительности труда и изменения в его характере способны привести к новой волне сокращения объема рабочих человеко-часов.

На основе исторического анализа можно выделить повторяющиеся закономерности в эволюции экономической теории, а также перенести использованную методологию для прогнозирования ожидающих в скором времени вызовов экономической реальности и, соответственно, контуров будущего развития теории.

Уже в ближайшем будущем следует ожидать полноценное наступление нового, шестого технологического уклада, что актуализирует проблему поиска оптимального соответствия технико-экономических реалий и парадигм экономической теории.

Под влиянием внедрения искусственного интеллекта, нано-, нейро-, аддитивных технологий больше внимания, вероятно, будет уделено последствиям индивидуализации производства и подстройки под потребителя, сетевым и внешним эффектам. В условиях углубления цифровизации вырастет потребность в исследовании организации систем планирования, решении проблемы создания новых рабочих мест и адаптации к автоматизации на новом уровне. Новые задачи во многом лежат в области исследований институционализма (как нового, так и традиционного), что выступает предпосылкой его большего распространения в академической среде.

Говоря в целом, масштаб задач для решения будет велик, поэтому едва ли их можно будет решить с помощью относительно изолированных и узкоспециализированных теоретических подходов. Полный перечень возможных «точек трансформаций» сейчас трудно представить, но направления главных сдвигов очертить реально. Следовательно, уже в наше время целесообразно начинать и теоретическую подготовку к будущим переменам.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Вызовы нового века. – М.: Институт экономики РАН, 2001. – 287 с.
2. Автономов В. С. От «экономического империализма» к стремлению к взаимообогащению // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 3. – С. 173–176.
3. Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории (очерк истории западной экономической мысли). – М., 1993.
4. Ананьин О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.
5. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. Изд. 2-е, доп. и переработ. – М.: Политиздат, 1975. – 384 с.
6. Антипина О. Н. Информационная экономики: современные технологии и ценообразование. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.
7. Антипина О. Н. Проблемы измерения национального богатства в широком смысле // *Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца*. – Рыбинск: Офис, 2010. Глава 7. – С. 105–122.
8. Атлас *Le Monde diplomatique* / под ред. И. Рамоне, А. Греша, Ж. Радваньи, Ф. Рекацевича, К. Самари, Д. Видаля. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2006. – 218 с.
9. Аузан А. А. Социокультурные коды в экономическом анализе // *Журнал новой экономической ассоциации*. – 2013. – № 1. – С. 173–176.
10. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / предисл. Р. И. Капелюшниковой. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2003.
11. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004.
12. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994.

14. Блюмин И. Г. История экономических учений (очерки теории) / под ред. проф. Ф. Я. Полянского. – М.: Государственное издательство «Высшая школа», 1961.
15. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. – М.: Культурная революция, 2016.
16. Бузгалин А. В. Эволюции экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы. // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 4. – С. 88–89.
17. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: Ленанд, 2015. – 640 с.
18. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. – М.: Ленанд, 2015. – 912 с.
19. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000.
20. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц., Кучково поле, 2001.
21. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. Вступит. статья С. Т. Сорокиной. Общая ред. В. В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984.
22. Вереникин А. О., Волошин Д. И. Стоимостные основы структурной экономической политики // Проблемы прогнозирования. – 2006. – № 2. – С. 17–38.
23. Воейков М. И. Государство в эпоху цифровой экономики // Теоретическая экономика. – 2019. – № 1. – С. 47-50
24. Воейков М. И. О предмете экономической науки // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2017. – № 1. – С. 9–20.
25. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.

26. Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Исследование новейшей фазы в развитии капитализма / пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. – М.: Соцэкгиз, 1959.
27. Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 56. – С. 5–39.
28. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2. – С. 27–42.
29. Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.
30. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. – 2015. – № 1. – С. 73-81
31. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Проблемы общей теории социальной экономии // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 2.
32. Джабборов Д. Б. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 4. – С. 68-73.
33. Дзарасов Р. С. Предмет политической экономии и мировое хозяйство // Научные труды Вольного экономического общества России. – Т. 193. – 2015. – С. 141–150.
34. Ерзнкян Б. А. Технологическое и институциональное развитие социально-экономической системы в гетерогенной среде // Journal of institutional studies. – Т. 4. – 2012. – № 3. – С. 79-94.
35. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. – М.: Экономика, 1995. – 544 с.
36. Иванов Ю. Н. О докладе Комиссии Дж. Ю. Стиглица по вопросу об измерении экономического развития и социального прогресса (информация Статкомитета СНГ) // Национальное богатство и национальный продукт. Монография / под ред. В. Н. Черковца. – Рыбинск: Офис, 2010. Глава 19. – С. 275–279.

37. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (к проблеме социальных тенденций XXI века) // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3.
38. История мировой экономики: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (080100) / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. 3-е изд., стереотип. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 671 с.: ил.
39. История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: Инфра-М, 2010. – 784 с. (Высшее образование).
40. История экономических учений: учебн. пособие для бакалавров / Г. Д. Гловели. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013. – 777 с. Серия: Учебники НИУ ВШЭ.
41. Капелюшников Р. И. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // *Журнал новой экономической ассоциации*. – 2017. – № 1. – С. 162–166.
42. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с английского профессора Н. Н. Любимова. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 352 с.
43. Кейнс Дж. М. Экономические возможности наших внуков (послесловие Д. Шестакова) // *Вопросы экономики*. – 2009. – № 6. – С. 60-69.
44. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 464 с.
45. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. Т. Дробышевской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 624 с.
46. Клейнер Г. Б. Системная экономика — платформа развития современной экономической теории // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. – Т. 1. – 2015. – № 2. – С. 136–143.

47. Комолов О. О. Характеристика современного капиталистического развития и его противоречия: финансовый аспект // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 3. – С. 135–151.
48. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / сост. Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2002.
49. Коуз Р. Природа фирмы. – М.: Дело, 2001. – С. 33–91.
50. Критика современных мелкобуржуазных экономических теорий / отв. ред. Ф. Я. Полянский. – М., 1979.
51. Кругман П. Великая ложь. – М.: АСТ, 2004.
52. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1985.
53. Курс политической экономии / под ред. Н. А. Цаголова. Т. 1. – М., 1964.
54. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995.
55. Ленин В. И. «Научная» система выжимания пота // ПСС. Т. 23. 5-е изд., 1969.
56. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. 5-е изд. 1969.
57. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // ПСС. Т. 12. 5-е изд. 1969.
58. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
59. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – СПб., 1891.
60. Макашева Н. А. Экономическая наука после кризиса: что изменится? // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 73–86.
61. Малахинова Р. П. Национальный продукт и благосостояние в связи с докладом Комиссии Дж. Стиглица об измерении экономических результатов и социального прогресса (продолжение дискуссии) // Национальное богатство и национальный продукт. Книга II: Монография / под ред. В. Н. Черковца. – М.: ТиРу, 2012. Глава 2. – С. 33–54.
62. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической мысли. – М.: Эконом, 1993.

63. Мальцев А. А. История экономических учений в системе экономических наук: современность и перспективы: дисс. д-ра экон. наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 2017.
64. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. – С. 5–9.
65. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. 1961.
66. Маркс К. Капитал. Т. II // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. 1961.
67. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. 1961.
68. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. 1962.
69. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. III / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 25 л. («Экономическая мысль Запада». Для научных библиотек).
70. Маслов Г. А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. – 2018. – № 2. – С. 93–108.
71. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер / пер. с нем. Предисл., коммент., сост. В. С. Автономова. – М.: Экономика, 1992.
72. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с 3-го испр. англ. изд. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2008. – 878 с.
73. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. – М.: Прогресс, 1980.
74. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худоков. – М.: Мысль, 2004.
75. Московский А. И. Научный потенциал сравнительного анализа теоретических парадигм и «проекта Цаголова» // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2013. – № 5. – С. 3–21.
76. Негиши Т. История экономической теории: Учебник / пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова и В. С. Автономова. – М.: Аспект Пресс, 1995.

77. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Т. I. 1993. Вып. 2.
78. Нуреев Р. М. Развитие метода экономической теории // Мир новой экономики. – 2014. – № 3. – С. 95–106.
79. Ольсевич Ю. Я. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2008. – № 1. – С. 3–15.
80. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 46 с.
81. Павлов М. Ю. Экономика знаний: творческий потенциал человека. – М.: ТиРу, 2013.
82. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.
83. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 30 л. («Экономическая мысль Запада»).
84. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
85. Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений: Учебн. пособие. – М.: Инфра-М, 2010. – 271 с.
86. Покидченко М. Г. Экономическая политика России: историко-институциональные детерминанты // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 3. – С. 7-17
87. Полтерович В. М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46–66.
88. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 101–111.
89. Поппер К. Логика и рост научного знания (избранные работы) / пер. с англ., сост., общ. ред. и вступ. ст-я В. Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 604 с.
90. Пороховский А. А. Эволюция рыночной экономики в зеркале политической экономии // Российский экономический журнал. – 2008. – № 1–2. – С. 57–71.

91. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. Избранное. – М.: Эксмо, 2007.
92. Рубин И. И. История экономической мысли. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 380 с.
93. Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.
94. Самуэльсон П. Основания экономического анализа. – СПб.: Экономическая школа, 2002.
95. Симочкин Д. И. Нобелевская премия по экономике 2016: теоретические и практические аспекты // Государственное управление. Электронный вестник. – № 62. – 2017. – С. 231–250.
96. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. (Антология экономической мысли).
97. Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. – М., 2009.
98. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: Тревожные тенденции / пер. с англ. и прим. Г. Г. Пирогова. – М.: Мысль, 2003.
99. Теняков И. М. Публикации в экономических журналах США: основные тенденции // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2013. – № 12. – С. 113–122.
100. Толкачев С.А. Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4. – С. 64-80.
101. Толкачев С.А. Формирование новой глобальной индустриальной системы в ходе становления цифровой экономики. Арригиевские чтения по теме: «Формирование новой парадигмы экономического мышления XXI века». Материалы международной научно-практической конференции 21-23 марта 2018 г./ Под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева, А.Э. Айвазова, А.Г.

- Зайцева, Н.В. Спасской.: Орёл ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева». 2018.С. 113– 118.
102. Тоффлер Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 569 с.
103. Тоффлер Э. Третья Волна. – М.: АСТ, 2010. – 781 с.
104. Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. – М.: Наука, РОССПЭН, 1997.
105. Тутов Л. А., Рогожникова В. Н. Экономика и математика: возможности и границы взаимодействия // Философия хозяйства. – 2015. – № 6. – С. 89–101.
106. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. – СПб.: Лениздат, 1996.
107. Филатов И. В. Номо Faber в его истории // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 37–56.
108. Финн-Енотаевский А. Финансовый капитал и производительный. – М.: Финансовое издательство НКФ, 1926.
109. Фридман М. Количественная теория денег. – М.: Эльф-пресс, 1996
110. Фридман М. Основы монетаризма. – М.: ТЕИС, 2002.
111. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000.
112. Хейне П., Боутке П., Причитко Д. Экономический образ мышления, 10-е издание / пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. 544 с.: ил. Парал. тит. Англ.
113. Хубиев К. Инновационная экономика и генезис новых отношений // Экономист. – 2012. – № 3. – С. 62–68.
114. Худокормов А. Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 38 с.

115. Черковец В. Н. Основы востребованности трудовой теории стоимости в современной рыночной экономике // Вестник Московского университета. – 2008. – № 1. – С. 16–40.
116. Чибриков Г. Г. Тенденции развития финансового капитала: от советской политэкономии к современности // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 1. – С. 124–135.
117. Шаститко А. Е. Методологический статус новой институциональной экономической теории // Журнал экономической теории. – 2013. – № 4. – С. 36–47.
118. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016.
119. Шерстнев М. Экономическая наука и экономическая политика: влияние мирового экономического кризиса // Общество и экономика. – 2011. – № 7. – С. 131–142.
120. Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. / Пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. – LVI + 494 с.
121. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с. (Антология экономической мысли).
122. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997.
123. A History of economic thought. The LSE lectures. Lionel Robbins. Edited by Steven G. Medema and Warren J. Samuels.
124. A history of economic thought. William J. Barber. Wesleyan University Press. Middletown, Connecticut, 2009.
125. Aistleitner M., Kapeller J., Steinerberger S. (2016). The Power of Scientometrics and the Development of Economics. ICAE Working Paper Series. No. 46. March 2016.

126. Allen R. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // *Explorations in Economic History*, 38, 2001. P. 411–447.
127. An outline of the history of economic thought. Second edition. Revised and Expanded. Ernesto Screpanti and Stefano Zamagni. Translated by David Field and Lynn Kirby. Oxford University press, 2005.
128. Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Feng Lu S (2017). Inside Job or Deep Impact? Using Extramural Citations to Assess Economic Scholarship. NBER Working Paper No. 23698 Issued in August 2017, Revised in August 2017.
129. Arrow K. J.; Debreu G. (1954). Existence of an equilibrium for a competitive economy // *Econometrica*. 22 (3): 265–290.
130. Bowels S., Kirman A. M, Sethi R.(2017). Retrospectives: Friedrich Hayek and the Market Algorithm. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 31, No 3, Summer 2017.
131. Boylan T. A., O’Gorman P. F (2018). *Philosophy of Mathematics and Economics: Image, Context and Perspective*. Routledge INEM Advances in Economic Methodology.
132. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Malden-Oxford: Blackwell, 1996.
133. Claveau, François and Yves Gingras (2016). Macrodynamics of Economics: A Bibliometric History // *History of Political Economy* 48 (4): 551–592.
134. Cobb C. W., Douglas P. H. (1928). A Theory of Production // *American Economic Review*. 18. P. 139–165.
135. Crafts N. F. R., and C. K. Harley. Output Growth and the British Industrial Revolution: A Restatement of the Crafts-Harley View // *Economic History Review* 45, 1992. P. 703–730.
136. *De ekonomiska idéernas historia*. Martin Kragh. SNS Förlag. 2012.
137. De Vroey M (2016). Bibliometric versus Inside-Knowledge History? An Assessment of Claveau and Gingras’s «Macrodynamics of Economics: A Bibliometric History». Discussion Papers (IRES — Institut de Recherches

- Economiques et Sociales) 2016033, Université catholique de Louvain, Institut de Recherches Economiques et Sociales (IRES).
138. Dogmengeschichte als geschichte der ökonomischen Vernunft. Rezension von: Karl Pribram, Geschichte des ökonomischen Denkens. 1998. Режим доступа: http://wug.akwien.at/WUG_Archiv/1993_19_4/1993_19_4_0598.pdf.
  139. Drucker P. Post-Capitalist Society. N.Y. City: Harper Business, 1993.
  140. Farmer R. The Role of Financial Policy. NBER Working Paper No 24498, April 2018.
  141. Fine B., Milonakis D. 2008. From Political Economy to Economics. Method, the Social and the Historical in the Evolution of Economic Theory. Routledge.
  142. Fogel R. 1964. Railroads and American Economic Growth: Essays in Economic History. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
  143. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting and Social Change, vol. 114, is. C, 2017. P. 254–280.
  144. Giraud, Yann B. (2017). The Contestable Marketplace of Ideas: Paul Samuelson's Defense of Mainstream Economics Through Textbook Making, 1967–1976. THEMA Working Papers, No 2017-19.
  145. Glötzl, Florentin and Aigner, Ernest (2017). Six Dimensions of Concentration in Economics: Scientometric Evidence from a Large-Scale Data Set. Ecological Economic Papers, 15. WU Vienna University of Economics and Business, Vienna.
  146. Herfeld C. Explaining patterns, not details: reevaluating rational choice models in light of their explananda // Journal of Economic Methodology, Volume 25, Issue 2, 2018. P. 179–209.
  147. Hodgson G. M., Screpanti E. (editors). Rethinking Economics: Markets, Technology and Economic Evolution / Edward Elgar: Aldershot, 1991.
  148. Huberman M. and W. Lewchuk. European Economic Integration and the Labour Compact, 1850–1913 // European Review of Economic History. Vol. 7, 1, 2003. P. 3–41.

149. Huberman M. Working Hours of the World Unite? New international evidence of worktime, 1870–2000 / CIRANO Scientific Series 2002s-77 (Montreal, CIRANO), 2002.
150. Keynes's economic theory voted most influential academic book on British life. The Guardian. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/2017/jan/25/keynes-economic-theory-voted-most-influential-academic-book-on-british-life>.
151. Krugman P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.) L., 1998.
152. Landreth H., Colander D. History of economic thought. Houghton Mifflin, 2002.
153. Mayntz, Renate (2019). Changing perspectives in political economy, MPIfG Discussion Paper, No. 19/6, Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne
154. Mensch G. Theory of innovation / G. Mensch. Lexington books, 1984.
155. Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed. / The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Boulder: Westview, 1993.
156. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017 The Digital Transformation / OECD, 2017.
157. Palley, T (2019). "What's Wrong With Modern Money Theory (MMT): A Critical Primer", IMK, FMM Working Paper no. 44, March.
158. Rate of environmental degradation puts life on Earth at risk, say scientists. The Guardian. Режим доступа: <http://www.theguardian.com/environment/2015/jan/15/rate-of-environmental-degradation-puts-life-on-earth-at-risk-say-scientists>.
159. Reinert S. E., Carpenter K., Reinert F. A., Reinert S. A. 80 Economic Bestsellers before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought (2017). Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics no. 74, May 2017.

160. Rostow W. W. 1959. The stages of Economic Growth // The Economic History Review, New Series. Vol. 12. N. 1. P. 1–16.
161. Schultz T. The Economic Value of Education. N.Y., 1963.
162. Schwab K. (2015). The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015.
163. Shapiro C. and Stiglitz J. (1984). Equilibrium unemployment as a worker discipline device // American Economic Review, June 1984.
164. Solow R. M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. Vol. 70 (1). P. 65–94.
165. Stiglitz J. Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren // Revisiting Keynes: Economic Possibilities for our Grandchildren. MIT Press, 2008.
166. Swan T. W. (1956). Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record, Vol. 32 (2). P. 334–361.
167. Uhlig Harald. Economics and Reality. NBER Working Paper No. 16416. September 2010.
168. Vries J. de. The industrious Revolution. Cambridge University Press, 2008.
169. Сайт Fortune // URL: <http://fortune.com/fortune500>
170. Персональный сайт К. Кристенсена // URL: <http://www.claytonchristensen.com>
171. Сайт Всемирного банка // URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2016/01/13/digital-revolution-needs-offline-help-to-realize-its-potential>
172. Сайт компании Vi — крупнейшего оператора рекламного рынка в России и Восточной Европе // URL: [http://www.vi.ru/\(S\(hlk5ig45nzuwnu55gsx04ana\)\)/pubId.aspx?id=684](http://www.vi.ru/(S(hlk5ig45nzuwnu55gsx04ana))/pubId.aspx?id=684)
173. Сайт Комиссии по измерению экономического развития и социального прогресса // URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>
174. Сайт Королевской академии наук Швеции // URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economics/2018/press-release>